

"Мохнатый ребенок"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Марина Аромштам

Мохнатый ребенок

МОХНАТЫЙ РЕБЕНОК

Истории о людях и животных

Предисловие

У кого из нас в раннем детстве не было плюшевого медвежонка или игрушечной пушистой собачки? Кто не любил смотреть фильмы, герои которых — животные? Кто не изводил родителей бесконечными просьбами завести домашнего любимца или спасти какого-нибудь бедного четвероногого бродягу? И часто в нашу жизнь входило живое существо, которое мы вспоминаем с благодарной улыбкой и смутным чувством вины.

В наших отношениях с животными, как в зеркале, отражаются наши отношения с другими людьми. И в это зеркало иногда очень полезно смотреть.

Вот я и попробовала написать книжку о людях и животных, о том, как они живут рядом и вынуждают друг друга меняться.

Мне ничего не пришлось придумывать. Я просто записала истории, которые случались в одной семье — с Гришкой и Костиком, с их мамой и папой.

Маму Гришки и Костика я знала с давних пор — когда она была еще маленькой девочкой и звали ее Ринка. Поэтому историй про нее получилось больше, чем про всех остальных. Некоторые из этих историй очень грустные.

Но в книге есть и веселые рассказы, и рассказы, где веселое и грустное соседствует.

В жизни чаще всего так и бывает.

Автор

Часть первая

Маленькие трагедии маленькой мамы

Истории скорее грустные, чем веселые. Но все только начинается

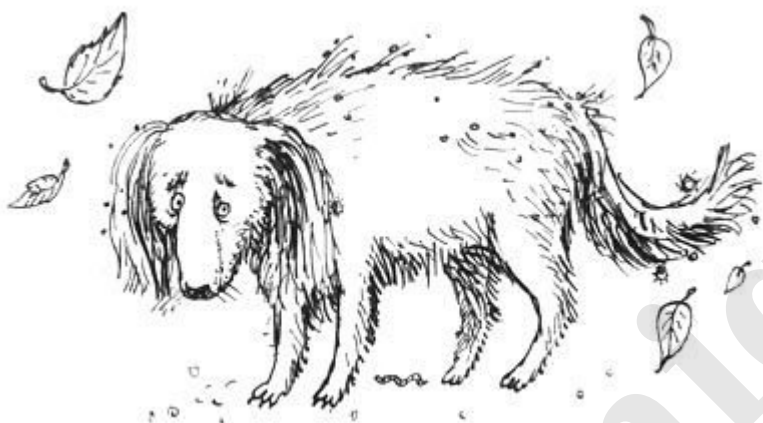

«Мухтар, ко мне!»

Когда мама была маленькой, ее звали Ринка, и ей не разрешали заводить дома животных.

Животным не место в городской квартире, считала Ринкина мама, бабушка Аня. Они только и делают, что скачут по столам и разносят заразу. До войны, рассказывала бабушка, у них была комната в коммуналке. Коммуналка — это такая квартира, где в разных комнатах живут чужие друг другу люди, а коридор, кухня и туалет у них общие. У соседей по коммуналке был кот, который сначала общался с мышами и крысами, а потом «этими же лапами» прыгал на кухонный стол. (Будто он мог поменять лапы, как тапочки, и просто не брал это в свою кошачью голову, невежа!)

Еще бабушка говорила, что кошки и собаки болеют стригущим лишаем. Стригущий лишай — страшная заразная болезнь, когда на голове у тебя появляется лысое пятно. С каждым днем оно становится все больше и больше, а потом ты совсем остаешься без волос. Стригущий лишай бабушка видела своими глазами у одного мальчика, когда жила в эвакуации. Во время войны детей и других мирных жителей всегда отправляют куда-нибудь далеко, чтобы до них не долетали бомбы и снаряды. Это и называется эвакуацией. Бабушку Аню отправили из Москвы на Волгу, и там она видела мальчика с лишаем. Но это было давно. А потом, много лет спустя, уже в мирное время, бабушка вычитала в одной толковой научной книжечке, что кошки и собаки — разносчики глистов. Личинки водятся у них прямо в шерсти. Стоит дотронуться до какой-нибудь собаки — и личинки тут же перебираются на ладони. А дети, сколько им ни говори, всегда тянут руки в рот. Оттуда хитрые личинки перебираются к ним в желудок и превращаются в глистов. Допускать это никак нельзя: погладив собаку, нужно срочно бежать и мыть руки с мылом. А если собака все время рядом, бегать замучаешься!

Иными словами, бабушкины взгляды на животных были очень твердыми и обоснованными, поэтому кошки и собаки никак не могли жить дома у маленькой мамы. Это вовсе не означает, утверждала бабушка, что она не любит животных. Она их очень даже любит — только на расстоянии. В доказательство бабушка водила Ринку в зоопарк и в Уголок дедушки Дурова: здесь животным самое место и можно смотреть на них, сколько душе угодно.

Кроме зоопарка и Уголка Дурова, животные могли жить в деревне. Там у них есть будка во дворе или коврик на крылечке, там они могут спокойно выполнять свои «функции» — лаять на воров и ловить мышей. Кроме того, — бабушка решалась взглянуть на проблему с другой стороны — для животных жить в городе — сплошная мука. Что такое город? Каменный мешок! Ни одно нормальное живое существо не может чувствовать себя уютно в каменном мешке. А в деревне живым существам очень даже хорошо — и собакам, и кошкам, и людям. Бабушка всю жизнь мечтала жить в деревне, ходить к колодцу за водой, работать в огороде и с утра до вечера дышать свежим воздухом. Если бы они с маленькой мамой жили в деревне, у них обязательно были бы домашние животные. И не только кошки и собаки. Они завели бы себе кур, чтобы каждый день есть свежие яйца, и даже козу: ведь парное молоко лечит от всех болезней.

Но ни доводы в пользу жизни животных в деревне, ни страх остаться лысой, ни — тем более — какие-то невидимые личинки глистов не могли заставить Ринку отказаться от желания иметь щенка или котенка. Прямо сейчас, в каменном мешке.

У бабушки, обнаружившей в своем доме какое-нибудь четвероногое, сразу вытягивалось лицо и делались страшные глаза. «Я или он!» — говорила бабушка и уходила в кухню, громко закрыв за собой дверь. Ринка всегда понимала: на самом деле выбора нет. Действительно, через пять

минут бабушка возвращалась и добавляла: «Даю тебе сутки. Чтобы завтра к вечеру его здесь не было!»

Только Мухтару удалось прожить у Ринки дольше других — почти сорок часов.

* * *

Недалеко от школы была пожарная часть. Там жили пожарные.

Хотя Ринка ни с кем из них лично не была знакома, пожарные ей нравились: ведь они то и дело спасали людей из огня. После уроков Ринка специально шла домой длинной дорогой — чтобы пройти мимо пожарной части. Идешь ты мимо, а огромные черные ворота вдруг начинают открываться — медленно-медленно, всегда не до конца. Через щель в воротах можно было подсмотреть нездешний, таинственный мир. Там, в глубине двора, всегда стояла какая-нибудь большая красная машина. С лестницами. Или без лестниц, но все равно — красная. Однажды Ринка даже видела, как ворота выпустили на улицу две машины, и те быстро куда-то уехали. Наверное, помчались на пожар.

Но в этот раз Ринка не смотрела на ворота. Она дошла до проходной и остановилась, как будто ее приклеили. На ступеньках сидел очень большой дяденька в одежде пожарного. Руки у него тоже были большие, просто огромные руки. И этими огромными руками он гладил малюсенького щенка, который посапывал рядом на крылечке. Дяденька посмотрел на Ринку, потом на щенка и спросил:

— Нравится? Ну, так и забирай! А то его мамка на работе. Ей некогда с ним нянькаться.

Ринка не успела задуматься о том, на какой именно работе находится сейчас собака, родившая этого замечательного щенка. Но было ясно: щенок почему-то остался сиротой и очень нуждается в ком-нибудь добром и заботливом. Внутри Ринки забили барабаны и завывали сирены. Барабаны били от счастья. Сирены объявляли тревогу. От всего этого у нее дрожали руки: она уже протянула их, чтобы взять щенка.

— Ты его пару дней из соски покорми. А потом он сам есть будет. Ну, пока! Меня дядя Вася зовут. Я тут сторож.

Ринка прижала щенка к груди. Он был мягкий, теплый и тяжеленький. Щенок немного повозился у нее на руках, а потом пригрелся и засопел. На очень легких ногах Ринка шла домой, а внутри у нее пел новый, неизвестный голос: «Ты мой маленький, ты мой миленький, ты мой тепленький, мой мохнатенький!»

Дома она положила щенка на кровать, и под ним тут же появилась мокрое пятно. «Ай-я-яй! — посетовала Ринка взрослым голосом. — Что нам скажут?» Что скажут — и не только по поводу мокрого одеяла, — лучше было не думать. По крайней мере, пока. На ближайшие часы у Ринки и так было полно дел. Во-первых, купить молока. Во-вторых, раздобыть соску. В-третьих, для первого и второго требовались деньги. Ринка схватила пустые молочные бутылки и помчалась в магазин.

Теперь молоко продается в специальных пакетах. А раньше, когда мама была маленькой, его продавали в бутылках. Две пустые бутылки обменивали в магазине на одну полную бутылку молока или кефира. Но у Ринки не было соски. Не было и специальной бутылочки, на которую можно было соску натянуть.

Однако счастье иметь мохнатого ребенка было так велико, что затягивало в свою воронку всех

окружающих.

— Тетенька, — сказала Ринка продавщице, выдававшей молоко, — мне нужно щенка покормить. Он еще маленький и сам есть не умеет. У вас нет бутылочки какой-нибудь подходящей?

— Щенка? — лицо продавщицы вмиг подобрело. — Постой-ка... Вот есть тут одна. В ней, кажется, глюкоза была. Один доктор со скорой помощи оставил. Только помой хорошенько.

Через минуту Ринка уже держала в руках бутылочку с узким горлышком и черточками на боку.

— Соска-то есть? На бутылочку надеть?

Ринка замотала головой:

— Нету.

— Еще пустая бутылка есть?

— Тоже нету.

— На вот, — продавщица протянула Ринке пять копеек. — Соску в аптеке купишь. А деньги потом отдашь. Да, будешь молоко в бутылку наливать, подогрей сначала. Не сильно. Чуть-чуть. Чтобы пальцу тепло было.

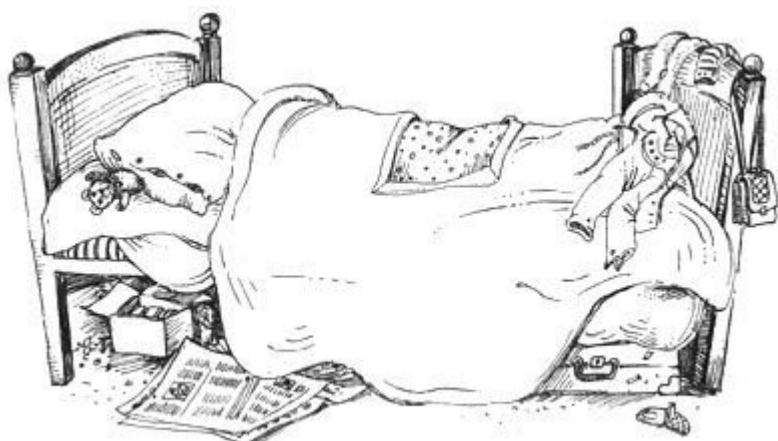
Ринка зажала в ладони заветный пяточок и бросилась в аптеку. А раздобыв молоко, соску и бутылку, бегом помчалась домой. Щенка на кровати не оказалось. Зато рядом с кроватью блестела свежая лужица. Ринка прикрыла лужицу старой газетой и полезла под кровать. Щенок сидел в самом дальнем темном углу и дрожал всем телом.

Нужно было вытащить его из-под кровати. Чтобы залезть поглубже, Ринке пришлось встать на четвереньки. «С кем поведешься, от того наберешься», — некстати вспомнила она бабушкину приговорку.

Наконец Ринка дотянулась до щенка, ухватила его за передние лапы и стала пятиться назад. «Если кто-нибудь на меня сейчас посмотрит, он увидит мои трусы». На секунду ей даже послышался противный хохот Тольки Мозглякова: «Гы-гы-гы! У Ринки трусы видны!» Но, даже выбравшись из-под кровати, Ринка не могла как следует одернуть платье, потому что двумя

руками держала пыльного щенка, увешанного паутиной и какими-то стружками.

Наконец щенок был помещен в старую картонную коробку и готов к кормлению.

Ринка сделала так, как сказала ей продавщица: согрела молоко, налила его в бутылочку и натянула на бутылку соску. Затем разыскала толстую штопальную иглу, проделала в соске дырку и поднесла к щенячьей мордочке. Щенок скулил от голода, но не понимал, чего от него хотят. И очень скоро Ринка почувствовала себя так же, как Джой Адамсон.

Джой Адамсон жила в Африке и работала в заповеднике. Однажды она нашла львят погибшей львицы. Джой хотела их спасти, но никак не могла придумать, как же их накормить: львята не умели сосать соску. Об этом Ринка читала в книжке «Рожденная свободной».

Потом, повозившись со щенком еще немного, Ринка почувствовала себя, как Вера Чаплина. Вера Чаплина работала в зоопарке. Однажды ей пришлось бороться за жизнь новорожденного рысенка, которого мать-рысь отказалась кормить. Рысь сама родилась в зоопарке и не понимала, как ухаживать за детенышем. О бедном рысенке Ринка тоже читала в книжке. Но и эти воспоминания не помогли. И скоро она ощущала себя такой же несчастной, как Джой Адамсон и Вера Чаплина вместе взятые. В конце концов пришлось сделать щенку немного больно: разжать ему челюсти и запихнуть соску в рот. Щенок смешно и неловко зажевал резину, стало слышно, как он сглатывает. Когда молока в бутылочке стало на треть меньше, щенок уже спал, завалившись на бочок. Живот у него сделался тугим и круглым, как игрушечный барабанчик. А Ринка снова была счастлива.

Перед возвращением бабушки (Ринкиной мамы) с работы Ринка еще раз покормила щенка, поменяла ему успевшую подмокнуть подстилку и спрятала коробку под шкаф в темной комнате. Рано утром, думала Ринка, бабушка уйдет на работу и, может быть, не заметит щенка. Что будет дальше, загадывать не стоило.

Бабушка вернулась домой. Ужин прошел мирно. Ринка во всем соглашалась с бабушкой, без напоминания помыла посуду и раньше обычного пошла спать. Она даже решила не читать перед сном, чтобы быстрее погасить в комнате свет.

Бабушка тоже скоро легла, потому что вставать ей нужно было в шесть часов. Ринка вздохнула поглубже, посмотрела на желтый фонарь за окном и закрыла глаза.

В три часа ночи глаза пришлось открыть. Желтый фонарь все так же качался за окном, щенок тоненько и жалобно скулил в своей картонной коробке под шкафом, а бабушка громко и испуганно причитала:

— Боже мой! Что это такое?

Ринка пробовала ее успокоить: мол, не волнуйся. Это мыши пищат. За стеной у соседей. Она совсем забыла, что мыши не имеют права водиться в городской квартире. Они должны жить в деревне, где их будет ловить специальная деревенская кошка. Ложь о мышином писке была столь вопиющей, что тут же навела бабушку на истинный след преступления. Щенка обнаружили, и ему отвели стандартный срок пребывания в доме.

* * *

Утром бабушка ушла на работу. Ринка отправилась в школу, получила там две тройки за невнимательность и бегом вернулась домой. Она опять кормила щенка, носила его на руках и слушала голос, который пел внутри: «Ты мой маленький, мой мохнатенький!» Но ближе к вечеру голос становился все глуше, глуше, и с приходом бабушки совсем затих.

Ринка завернула щенка в старую детскую пеленку и пошла к пожарной части.

— Ты чего? — спросил дядя Вася.

— Мне мама не разрешает дома держать, — сказала ужасные слова. — Можно, я его здесь оставлю и буду приходить кормить?

— Не разрешают, значит? Ладно, приходи, — согласился дядя Вася.

Теперь Ринка каждый день ходила в пожарную часть, в проходную к дяде Васе. Щенок уже ел сам, из миски, и бродил по двору в поисках новых впечатлений. Дядя Вася согласился назвать щенка Мухтаром. Так звали одну знаменитую милицейскую овчарку, которая совершила подвиг — спасла людей от бандитов. В пионерском лагере Ринка смотрела фильм «Ко мне,

Мухтар!». Ей очень понравились и фильм, и собака. После этого она решила, что овчарка — ее любимая порода, а Мухтар — любимое собачье имя.

Не было никаких оснований заподозрить щенка в родственных связях с овчарками. Он был лохматый, грязновато-белого цвета, с коричневыми пятнами на спине и огромными оттопыренными ушами. Но когда Ринка звала: «Мухтар, ко мне!», щенок тут же срывался с места и несся к ней на предельно возможной щенячьей скорости, путаясь в ушах и лапах.

— Ишь ты, — удивлялся дядя Вася. — Как слушает-то! Преданный! Помнит, что ты его из соски кормила.

Через некоторое время Ринка обнаружила у щенка за ушами какие-то желтые корочки.

— Это что — лишай? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Лишай? Да нет, не должно бы, — не очень уверенно ответил дядя Вася. — Болел я, лишаем-то. Не очень похоже. Надо его помыть, вот что. А то он тут бегаёт где придется. Корочки размокнут и отпадут. А лишай... Да нет, не должно.

Тазик Ринка принесла из дома, а мыло ей выдал дядя Вася. Сейчас в магазинах продаются специальные шампуни и спреи для собак и кошек. Раньше ничего такого не было. Было только мыло под названием «ДДТ». Наверное, одна из букв «Д» означала «дезинфекция». Пахло оно отвратительно. Но с его помощью выводили все что угодно, даже вшей.

Ринка нагрела кипятивником воду, посадила щенка в тазик и стала тереть его мылом. Мухтар не возражал. Теплая вода ему нравилась, и купанию он радовался. Но Ринка не могла радоваться вместе с ним. Она все время думала про лишай. Дядя Вася не развеял ее опасений: корочки могли оказаться чем угодно.

«Возможно, я скоро облысею, — тихонько шептала Ринка щенку, взбивая пену в его шерсти. — Но я же не могу тебя вот так бросить? Быть может, ты вылечишься. Мы должны попробовать».

Ринка успокаивала ничего не подозревающего Мухтара, но чувствовала, что между ней и щенком вырастает какая-то преграда и тяжелый, липкий страх мешает ей любить щенка по-прежнему.

Она вылила на Мухтара кувшин воды, смывая мыло, вытерла его сухой тряпкой, выплеснула заразную воду из тазика на вытоптаный газончик и пошла домой.

Дома Ринка долго разглядывала себя в зеркало, пытаясь представить, каково это — жить без косичек. Бабушка вернулась с работы. Она ничего не знала, а ей, может быть, предстояло воспитывать лысую дочку.

* * *

Неделю Ринка не приходила к проходной. За это время щенок заметно подрос.

Желтые корки за ушами после купания исчезли. Скорее всего, это были подсохшие царапины: щенок чесался из-за блох, которые обжились в щенячьей шерсти с первых дней его появления на свет.

Мухтар носился по двору и приветствовал смешным тьяканьем все, что движется. За время

Ринкиного отсутствия щенка обнаружили другие дети. Ринка пришла, увидела, что с Мухтаром играют чужие, и почувствовала, будто ее ужалили изнутри — прямо туда, где, свернувшись в клубок, спят разные человеческие чувства. «Но ведь это не их щенки!» — с гневной обидой подумала она и требовательно крикнула: — «Мухтар, ко мне!» Мухтар, услышав Ринкин голос, на секунду замешкался, потом вывернулся из толпы детей и помчался ей навстречу, хлопая ушами. Ринка погладила щенка по голове, показывая, кто здесь главный, подошла к будке и села на крылечко. Мухтар повертелся возле нее, но, не дождавшись приглашения поиграть, снова помчался за кем-то из бегущих. Ринка еще немного посидела и пошла домой.

Теперь, возвращаясь из школы, она все время заставляла рядом с проходной резвящуюся компанию. Дети бросали щенку палки, боролись с ним за мяч, бегали наперегонки и угощали, кто чем мог.

Ринка не подходила близко. «Мухтар, ко мне!» — кричала она издалека. И Мухтар тут же вырывался из чьих-нибудь объятий и мчался к ней.

«Привет, мохнатенький, — говорила Ринка противным взрослым голосом, поглаживая щенка. — У тебя все в порядке? Ну, беги, играй!» И щенок мчался обратно. А Ринка, убедившись в своей власти, брела домой. Посидеть у проходной она приходила все реже и реже.

В начале лета щенки исчез. А вместе с ним — и веселая компания.

— Мальчик тут один ходил. Мишей звать, — сообщил дядя Вася. — Попросил разрешения щенка в деревню взять. У него там бабушка живет. Я разрешил. А то начальник ругается. Говорит, серьезный объект, а тут детский сад устроили. Так что — уехал Мухтар. Будет теперь бабке дом сторожить.

Ринка пришла домой, села на диван и заплакала. Она не двигалась, не морщилась, не шмыгала носом, а просто смотрела в одну точку на стене, и слезы вытекали из глаз сами собой. Потом в дверь позвонили. Пришел Борька Шалимов, чтобы позвать Ринку гулять.

— Ты чего? — спросил он, увидев, как блестят у Ринки щеки.

— Мухтара в деревню увезли. Дом сторожить.

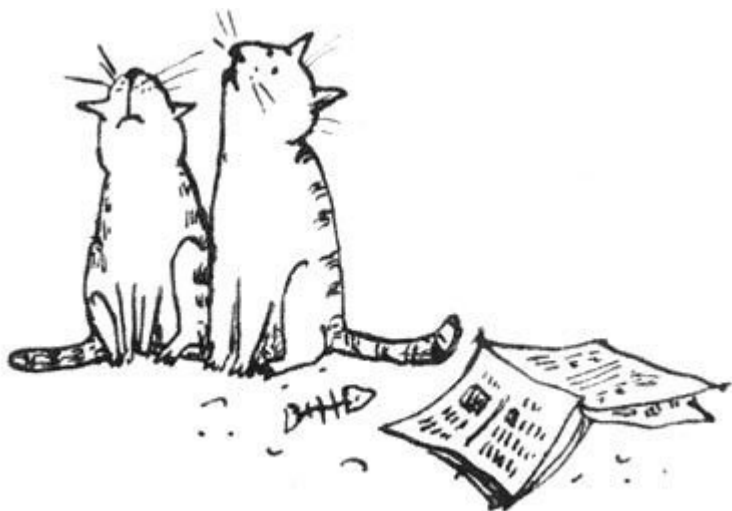
— В деревне здорово! — сказал Борька. Но потом еще раз взглянул на Ринку и добавил: — Хотя жаль немного...

Кошачья столовая

Квартира, в которой жили бабушка и маленькая мама, была на первом этаже. Под окном то и дело появлялись кошки. Одна была сплошь черная, и Ринка сразу решила, что это «самец»: по ее представлениям, именно «самцу» подходило быть черным. Кот получил кличку Черныш — по имени одного известного литературного героя кошачьего происхождения. Другая кошка была дымчато-серой и такой пушистой, что могла сойти за сибирскую. Ринка знала, что «сибирская» — это очень хорошо. Но не могла вспомнить какое-нибудь подходящее литературное имя, поэтому прозвала пушистую кошку Серушкой. Третья кошка появлялась не так часто и имени не получила. Но и ей Ринка радовалась.

Кошки ходили под кустами, грелись на узкой асфальтовой дорожке у дома и время от времени скрывались в отдушине подвала. Что они там делали — в этом темном подвале — и, главное,

чем они, бедные, питались? Когда выпал снег и наступили холода, Ринка сказала сама себе: «Нельзя, чтобы кошки голодали прямо у тебя под окном», — и решила устроить кошачью столовую.

Она нашла у овощного магазина три деревянных ящика, притащила их под окно и поставила так, чтобы получилось похоже на домик с несколькими комнатками. Потом устелила пол домика разными тряпками и выпросила у бабушки разрешение сдавать молочные бутылки в пользу кошек.

Бабушка Аня не стала возражать против столовой — потому что столовую открывали не в ее квартире. Но, рассуждала бабушка, бутылки — дополнительный источник денег. А деньги бабушке очень и очень нужны. В первую очередь для того, чтобы кормить Ринку. Это только кажется, что Ринку легко прокормить. Только кажется, что бутылка стоит копейки. Копейка, между прочим, рубль бережет. Если эти копейки направо-налево разбрасывать, скоро можно будет зубы на полку класть. Ринка хоть знает, что это такое?

У Ринки перед глазами тут же возникли книжные полки. На полках, перед рядами книг, неровными кучками были разложены зубы: желтоватые и большие — бабушкины, и мелкие беленькие — ее собственные. Это ужасное зрелище тут же заставило Ринку раскаяться в желании разбрасывать копейки. Но бабушка неожиданно перестала рассуждать и сказала: «Ладно. Сдавай. А то эти бутылки всю прихожую захламили!»

Ринка тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли, призвала на помощь Борьку, и они вместе отправились сдавать бутылки в пользу кошек.

* * *

Бутылки принимали за стройкой, в дощатом сарайчике с надписью «Стеклотара». Очередь к окошку сарайчика была длинной и двигалась медленно. Стоявшие в очереди притоптывали на морозе, позвякивали сумками и все время спрашивали друг друга, что сегодня принимают, а что нет.

— Из-под пива-то сегодня принимают? Как «тара кончилась»? Я им покажу, кончилась. Пусть в карман к себе суют! — волновался один сморщенный мужичонка.

— А банки трехлитровые? — суетилась толстая женщина. — Вот у меня тут горлышко немного отбито. Как думаете, возьмут? Не возьмут? Жалость какая! Тридцать копеек целых. А из-под перца болгарского? Не принимают? Что же с ними делать, с этими банками иностранными,

когда их нигде не принимают? Ну, да — выкинуть! Ишь чего придумал! Выкинуть! Я лучше тебя выкину — из очереди! — сердилась на мужичонку женщина.

Эти «стеклянные» разговоры заставляли Ринку думать, что вдруг и молочные бутылки сегодня не принимают. Тогда весь план рухнет: ведь столовая не может существовать без продуктов! Заскучавший было Борька решил сходить на разведку и высмотреть, что там на самом деле происходит у окошка. Скоро Ринка потеряла надежду не только сдать бутылки, но и снова увидеть Борьку. Но Борька вернулся — возрожденный к новой жизни, со сбившимся от ныряний в очереди шарфом — и сообщил: одна тетка только что сдавала молочные бутылки, и у нее взяли. И еще он видел в глубине ларька много пустых ящиков. Тара есть!

Наконец очередь подошла. Ринка с Борькой стали быстро выставлять бутылки на полочку в окошке. Приемщица девять бутылок взяла, а одну отставила в сторону: «Треснутая!»

Пока приемщица отсчитывала причитающиеся копейки, мужичонка стащил отставленную бутылку с окошка и сунул к себе в сумку.

— Давай посмотрим, у него возьмет или нет, — шепнул Борька. Но Ринка уже тянула его к магазину. Покупать кошкам еду.

Специальной кошачьей еды в магазинах тогда не продавали. А Ринка не очень хорошо представляла, чем нужно кормить кошек. В сказках кошки пили молоко и ели сметану. За сметану они готовы были продать свою кошачью душу. Но сказки сочинили давно, а сейчас, может быть, все не так.

Вот люди теперь едят совсем не то, что ели, когда были первобытными. Из-за прогресса и технической революции. Вдруг техническая революция повлияла и на кошек? Вдруг их организм тоже изменился? Соседка из квартиры сверху однажды сказала, что кошкам вредно пить молоко. И будто бы ее кошка даже рыбу не всякую ест: хека ест, а треску нет. «Если купишь что-нибудь не то, — размышляла Ринка, — деньги пропадут зря. А бутылки быстро не накопятся. Нужно купить что-нибудь такое, что кошки точно будут есть. И не очень дорогое, чтобы потом не пришлось класть зубы на полку». Тут Ринка снова представила себе полки с зубами — человеческими (большими и страшными) и маленькими симпатичными кошачьими зубками, похожими на белые камушки.

В магазине Ринка принялась изучать ценники, и Борька опять заскучал.

— Слушай, я пойду, а? Когда будешь кошек кормить, крикни.

Борька ушел, и Ринка даже обрадовалась: теперь никто не помешает ей принять обдуманное решение.

«Вот рыба хек, — рассуждала она. — Рубль сорок килограмм. А у меня один рубль тридцать пять копеек. К тому же неизвестно, любят ли эти кошки хека. Может, они, наоборот, любят треску». Ринка разглядывала витрину и вдруг увидела мясо, порезанное на маленькие кусочки. Над ним было написано — «гуляш». Ринка не очень знала, что это за гуляш такой, потому что бабушка его никогда не покупала. Но розовые кусочки выглядели аппетитно и, по мнению Ринки, могли напомнить кошкам мышей. Над гуляшом висел ценник: «100 г — 21 коп.». «Недорого, — обрадовалась Ринка. — Могу купить три раза, если брать понемногу».

— Тетенька, свесьте мне гуляш. Двести грамм!

Когда продавщица выдала ей маленький кулечек с кусочками, Ринка решила все-таки

уточнить:

— Как вы думаете, кошки будут есть гуляш?

— Кошки? Гуляш? Это что же за кошки такие, которых гуляшом кормят? — удивилась продавщица.

— Бездомные. Голодные.

— Голодные кошки даже хвост от селедки есть будут, — сказала продавщица и повернулась к другому покупателю.

* * *

Ринка прижала кулечек к груди и скорей побежала туда, где из ящиков был построен новый кошачий дом.

Под окном оказался только Черныш. Он сидел неподалеку от ящиков и грелся на февральском солнышке.

— Черныш, Черныш! — крикнула Ринка. — Смотри, что я тебе принесла! Гуляш!

Черныш метнулся к отдушине.

Ринка испугалась: «Сейчас Черныш убежит и спрячется в свой подвал. А пока он будет сидеть в подвале, гуляш испортится. И столовая так и не откроется!» Она почти замерла, даже дыхание задержала, осторожно присела на корточки и протянула Чернышу кусочек: «Кс-кс-кс! На, возьми!»

Гуляш шлепнулся где-то посередине между Ринкой и Чернышом. Черныш снова отскочил, потом присел, вытянул шею и принюхался. Лапы его еще не двигались, но шея все вытягивалась и вытягивалась в сторону мяса. Ринка даже удивилась, что шея у кошек может быть такой длины.

Черныш осторожно переступил лапами, подошел поближе, наклонился понюхать брошенный кусочек, а потом вдруг ухватил его, подбросил и сделал всего одно глотательное движение. Его горло раздулось и опало. Снег перед ним снова был чистым.

— Понравилось? — Ринку немного испугало внезапное исчезновение мяса. — Еще хочешь? На!

Черныш проглотил еще, и еще. И когда прибежала Серушка, на дне кулька остался всего один маленький розовый кусочек.

— Ой, и ты тут, Серушка? — обрадованно сказала Ринка. — Черныш почти все уже съел. Тебе только попробовать осталось.

Серушка съела мясо, стала требовательно мяукать и вертеться вокруг Ринки. Но больше ничего не было.

— Завтра я приду в это же время, — сказала Ринка кошкам.

Экскурсовод в уголке Дурова говорила, что точное время и постоянный порядок действий очень важны для дрессировки животных. А Ринка, вдохновленная результатами кормления, решила теперь кошек дрессировать.

— Как дрессировать-то? — спросил Борька, про которого она вспомнила только на следующий день.

— Ну, как? Сначала я буду дрессировать их идти на мой голос, а потом — жить в ящиках, а не в подвале.

Идти на Ринкин голос кошки научились очень быстро. Ринка приходила под окно со своим кулечком, заглядывала в отдушину и кричала в темноту:

— Черныш! Серушка! Обедать!

Кошки появлялись незамедлительно. Не всегда из подвала. Ринка едва успевала повернуться, а они уже были сзади, громко мяукали и терлись о ноги.

Но спать в ящиках, несмотря на мягкую подстилку и очевидный уют, они не хотели.

— Может, им дуется? — предположил Борька. — Вон тут щели какие!

Целый день Ринка с Борькой выкапывали из-под снега пучки сухой травы и засовывали в щели между досками ящиков. Потом траву навалили на «крыши», застелили газетами и сверху положили большую тряпку. Тряпка свисала над входом в ящик, как полог.

— Прямо шалаш настоящий, — восхитился Борька.

И Ринка удовлетворенно заметила:

— Если бы я была кошкой, я бы жила только здесь.

Но кошки ее мнения не разделяли.

Тогда Ринка придумала раскладывать кусочки мяса внутри ящиков. Кошки на минуту засовывали голову в ящик, вытаскивали еду на асфальт и быстро съедали.

— В дрессировке главное — терпение, — убеждала Ринка Борьку.

И когда Черныш иногда усаживался посидеть на ящике сверху, она считала это шагом к намеченной цели.

Скоро в обществе кормления кошек появились новые члены красивая девочка Таня с длинной толстой косой (по предложению Борьки) и некрасивая, но добрая девочка Тамара (по предложению Ринки). Они теперь тоже приходили под окно и помогали сдавать бутылки.

— Посмотрите, как Серушка и Черныш подходят друг другу, — говорила Таня. — Если бы они поженились, у них получились бы красивые дети.

Она отбрасывала косу за плечо, и Борька почему-то краснел.

— Кошки не женятся. Что они, люди, что ли?

— Очень даже женятся, — говорила Таня. — У них даже кошачьи свадьбы бывают.

— Может, они и кольца друг другу дарят, и в ЗАГСе расписываются? — ехидничал Борька. Но

Таня снова отбрасывала косу уже за другое плечо — и игнорировала Борькины замечания.

— А мне бабушка рассказывала, что черная кошка перебежала ей дорогу, и она ногу сломала, — говорила Тамара. — Надо было плюнуть, а бабушка не плюнула. Пошла и сломала.

— Черныш не кошка. Он самец, — сердилась Ринка. — И все это суеверность. Вредные слухи. Что-то я ничего себе не сломала.

— Мало времени прошло, — вздыхала Тамара. — Так что ты лучше на всякий случай поплюй.

Потом прошлась туда-сюда, погладила Черныша и тихонечко затащила: «Жил да был черный кот за углом...»

Ринка с Таней тут же подхватили: «И кота ненавидел весь дом. Только песня совсем не о том...» Это была любимая Ринкина песня и любимая песня всех во дворе.

Борька подобрал палку и стал стучать по ящику в такт песне.

И хотя на морозе петь вредно и можно простудить горло, жить было очень хорошо.

* * *

Черныш и Серушка не поженились. Сначала куда-то исчезла Серушка. А потом выяснилось, что Черныш вовсе не самец, хотя и одет «по-мужски», во все черное.

Во дворе появился большущий пушистый белый кот, не оставляя никаких сомнений по поводу того, кто здесь самец. Кроме размеров, кота выдавали нахальные повадки и беззастенчивое поведение. Он сразу же завладел вниманием бедного Черныша, которого срочно пришлось переименовать в Чернушку. Имя Чернушка, как и Черныш, тоже принадлежало известному литературному персонажу, но так звали не кошку, а одну знаменитую курицу. Делать, однако, было нечего. Да и Чернушке теперь было абсолютно все равно, как ее зовут.

Целыми днями кошка сидела на снегу, на проплешине между кустов, и смотрела вдаль. А напротив сидел белый кот. Иногда кот вскакивал и пытался напасть на Чернушку. Та убегала, но недалеко и только для того, чтобы снова усесться и уставиться в пространство.

«Чернушка, Чернушка, кс-кс-кс! Иди сюда», — пыталась отвлечь ее Ринка. Но Чернушка потеряла всякий интерес к Ринке, Борьке, Тане с Тамарой — и даже к гуляшу. Наверное, сошла с ума — оттого что этот наглый кот к ней привязался. А потом появился некто тощий, ободранный, неопределенного цвета, с огромной головой и неполным комплектом ушей.

Тощий тоже уселся напротив Чернушки и уставился на белого кота. Он смотрел, смотрел, смотрел, а потом из его тощего живота родилось нечто, напоминающее вой сирены и плач ребенка одновременно:

— Мрр-р-у-а-а-а-у!

На самой высокой ноте, когда барабанные перепонки у Ринки уже готовы были лопнуть, тощий бросился на белого.

Белый бросился бежать. И непрочные Ринкины представления о том, кого считать настоящим самцом, снова пошатнулись. А серый, загнав противника на липу, вернулся и уселся напротив Чернушки.

На третьем этаже распахнулось окно.

— Хулиганство какое! — кричали сверху. — Устроили тут притон, глаз сомкнуть не дают. Я вам покажу кошачий концерт!

Вода выплеснулась мимо. Кошки немного сместились в сторону, вновь расселись по местам и завели свои истошные песни. Дома Ринка спросила у бабушки, что такое притон.

— Это место, куда приходят солдаты, матросы и разбойники, чтобы пить водку и общаться с женщинами легкого поведения. С проститутками, которые продают себя за деньги, — уточнила бабушка.

Про проститутку Ринка знала от Тамары и Толика Мозглякова. Но почему у них было «легкое поведение»? Ринка ни с кем не успела это обсудить, потому что на следующий день наступили каникулы. И ее отправили к бабушке Соне, маме бабушки Ани.

* * *

Ездить к бабушке Соне Ринка не любила. У всех других счастливых детей бабушки жили в деревне, а у Ринки — в каменном мешке. Делать там было совершенно нечего. Гулять тоже было не с кем: никого во дворе Ринка не знала. К тому же на следующий день после приезда у нее заболело горло и потекло из носа. Бабушка Соня этому даже немного обрадовалась, потому что тоже совершенно не знала, что делать с Ринкой. А теперь Ринку можно было лечить. Бабушка Соня уложила ее на свою высокую кровать с деревянными спинками, накрыла самым теплым одеялом и вызвала врача. Врач пришла, потыкала Ринку холодной трубочкой и прописала постельный режим. Чтобы Ринка не умерла от тоски, бабушка Соня разрешила ей играть «в духи».

На трюмо стояли разные пузырьки — полные и почти пустые. Некоторые лежали в красивых коробочках, выстланных шелковыми тряпочками, — как в постельках.

У одного самого маленького красивого пузырька крышечка была в виде короны. И Ринка решила, что это будет Принцесса. Принцем был высокий узкий пузырек темного стекла. Несмотря на историю с Чернушкой, Ринка не хотела отказаться от мысли, что представителям мужского рода больше подходит темная одежда. Черный принц был страстно влюблен в беленькую Принцессу и пришел просить ее руки к Королю с Королевой. Король был одет очень просто, в квадратную мантию. Но мантия была розовой, и по этому цвету все узнавали о королевской доброте. А Королева была низенькой, толстенькой, в круглой зеленой юбке с многочисленными складочками. Принц поклонился Королю с Королевой и сказал, что хочет жениться на Принцессе. Королева тут же надулась. Ей стало обидно, что никто не просит ее руки. Конечно, раньше ее руки просил Король. Поэтому она и стала Королевой. Но это было очень давно, а Королеве хотелось все время выслушивать признания в любви. К тому же свадьба — это так интересно. «Ну-ну, дорогая! Не дуйся. Лучше сходи подыши свежим воздухом, пока мы тут с Принцем потолкуем», — сказал Король. Королева — топ-топ-топ — ушла гулять по трюмо, к хрустальной пепельнице, которая была точь-в-точь как озеро. А Король вздохнул и сказал Принцу: «Я открою тебе страшную тайну, сын мой! Принцесса истратила почти все, что было у нее внутри. Теперь она ничего не весит. Она стала совсем легкой. За это ее считают женщиной легкого поведения. Если ты на ней женишься, на твою голову падет позор». «И все-таки я хочу увидеть Принцессу», — твердо сказал Принц. Король снова вздохнул и отправил Принца к маленькой бархатной коробочке, где пряталась Принцесса. Принц постучался, и крышечка откинулась. Принцесса лежала в коробочке, утопая

в мягких складочках, и была прекрасна. Принц не удержался и поцеловал ее. «Ах, ах, ах, — заплакала Принцесса. — Не стоило этого делать, потому что теперь я все время буду о тебе думать! Но ты вряд ли сможешь на мне жениться, потому что внутри у меня ничего нет. Я теперь ничего не стою, и меня даже нельзя продать!» «Как такое могло случиться?» — воскликнул расстроенный Принц. «Я растратила все свои духи на разных людишек — чтобы они хорошо пахли. И вот теперь расплачиваюсь — за свою доброту». «Я спасу тебя», сказал Принц еще тверже, чем раньше, снова поцеловал Принцессу и отправился в опасное путешествие. Он взбирался на Одеяловы горы, скатывался в глубокие пропасти и карабкался через складки простыни, грозившие его удушить. Ему даже пришлось ползти по огромному черному тоннелю, в котором ничего не было видно. Наконец он добрался до туалетного столика, на котором стоял Волшебный Кувшин с кипяченой водой. «Дай мне несколько капель своей воды, — взмолился Принц. — Я отнесу их Принцессе, она выпьет воды, наполнится, и ее позор прекратится. Тогда я смогу на ней цениться». Кувшин молчал, потому что был очень большим, и слова долетали до него с опозданием. Принц пришел в отчаянье и решил умереть у подножия Кувшина от жажды и жалости к Принцессе. Но тут Кувшин наконец разобрал, о чем просил его Принц. Он развернулся, как огромный слон, и спросил: «В чем ты понесешь воду, сын мой?» — «В своей крышечке, которая верой и правдой служит мне шляпой». Кувшин наклонился и налил воду в шляпу Принца, устроив на туалетном столике наводнение. Наводнение погубило рецепты и таблетки. Но Принц ничего не мог сделать для их спасения — он очень торопился, покинул место стихийного бедствия и вернулся к Принцессе. Обратная дорога заняла у Принца гораздо меньше времени, хотя существовала опасность расплескать воду.

«Давай, скорее снимай свою корону!» — закричал он Принцессе еще издали. Принцесса торопливо откинула крышку бочки, сняла корону и приготовилась пить волшебную воду. Это оказалось труднее, чем выплескивать духи на головы ничтожных людишек. Вода пузырилась вокруг маленькой дырочки в горлышке пузырька-Принцессы, не хотела проникать внутрь и растекалась по белым постельным снегам. Волшебный Кувшин, узнав об этих сложностях, вынужден был послать на помощь Принцу и Принцессе две летающие рюмки добавочной жидкости. После каждой новой поглощенной капли Принц и Принцесса страстно целовались. Стекланный народ уже собирался на свадьбу, и толстая Королева то и дело вспоминала, как сама выходила замуж.

Но тут вошла бабушка Соня и увидела, что Ринка сидит в мокрой постели и готовится подхватить — еще не хватало! — какое-нибудь воспаление легких...

До конца каникул оставалось два дня. Ринка вернулась домой. Пришел Борька Шалимов и сообщил, что дворник убрал ящики. В подвале меняют трубы, и кошки куда-то делись.

А как же они теперь будут? Они же дрессированные! К гуляшу привыкли.

— Не такие уж и дрессированные, — сказал Борька и отвернулся, чтобы не смотреть на Ринку.

Ринка побежала под окно, стала бегать и кричать: «Чернушка, Чернушка! Кс-кс-кс!» Но никто не пришел на ее голос, не стал тереться о ноги и требовательно мяукать.

Во дворе было тихо-тихо. Жизнь шла своим чередом.

Рак по имени Гоша

Недалеко от дома, где жили маленькая мама с бабушкой Аней, построили крытый рынок. Иногда бабушка поручала Ринке купить кислой капусты. Капусту надо было попробовать. И Ринка, как большая, подходила к какой-нибудь торговке и спрашивала:

— Сколько стоит ваша капустка? Попробовать можно? Только из бочки!

Торговка нацепляла на вилку капустную прядку и протягивала Ринке. Та задумчиво жевала и говорила:

— Пойду-ка еще посмотрю.

Торговка сразу отворачивалась от Ринки, делая вид, будто ей безразлично, что где-то продают капусту повкуснее. А Ринка шла дальше и пробовала капусту у следующей тетеньки, а потом еще у одной, и наконец покупала капусту у четвертой по счету — независимо от вкусоности, потому что все торговцы в ряду на нее уже смотрели, и снова отступить было неудобно. Купив капусту, Ринка уходила не сразу, а гуляла по рынку. К концу весны рынок расцветал всеми красками и запахами, и прилавки напоминали столы на сказочном пире, ломившиеся от яств. Ринка рассматривала наваленные аппетитными горками какие-то фрукты, названия которых не знала, перевитые проволокой пучки гигантского лука и разноцветные глыбы меда, вокруг которых вились осы.

Но самое интересное было на улице. По выходным дням там продавали маленьких мохнатых кроликов и желтеньких цыплят. Кролики сидели в клетках, а цыплята — в ящиках, поставленных один на другой. Цыплята безостановочно пищали, и издали казалось, будто пищат ящики. Иногда на рынок привозили утят и даже гусей. Там было так же интересно, как в зоопарке.

* * *

Однажды Ринка с бабушкой возвращались с рынка домой. У черного входа, рядом со скатом для тележек, из овощных ящичков был устроен низенький прилавок, на котором лежали раки. Раки были разложены в две кучки: в одной — красные, в другой — серые. Серые копошились и шевелили усиками и клешнями. На огромном рюкзаке возле ящичков сидел мужик и время от времени сбрызгивал серую кучку водой из бутылки. Ринка остановилась и уставилась на раков.

— Дяденька, почему эти раки такие красные?

— Загорели небось, — засмеялся мужик. — Вылезли на солнышко погреться — и загорели! Эй, хозяйка, купи дочке раков! — весело сказал он бабушке Ане. — По дешевке отдам.

— Да я и не помню, когда последний раз раков ела, — ответила бабушка. — В эвакуации, помню, ловили. Хоть какое мясо было!

— Мамочка, купи мне, пожалуйста, серого рака, — взмолилась Ринка, догадываясь, что красные загорели до смерти. — Он будет у нас в ванной жить.

И бабушка не сказала свое обычное «Нет!». Она продолжала стоять, задумчиво глядя на раков.

— Ладно, мать, — снова сказал мужик. — Не грусти. Давай пяточок. Пусть дочка поиграет.

Бабушка Аня вытащила кошелек и протянула мужику пять копеек:

— Нашел больное место, — сказала она.

— Ну, выбирай, — обратился мужик к Ринке.

— Мне самого живого, пожалуйста, — сказала она дрожащим от счастья голосом.

Мужик вытащил из рюкзака лопух, достал из кучи самого крупного рака, обернул и протянул Ринке:

— Держи-ка!

— А что он ест? — спросила Ринка, принимая рака в зеленой обертке.

— Что ест? Рак тухлятинку любит. Мясную.

— А тухлая колбаса подойдет?

— Подойдет, подойдет, — опять засмеялся мужик. — У мамки, небось, тухлой колбасы в шкафу полно.

Дома Ринка налила в ванну немного воды, так чтобы прикрыть доньшко, и выпустила туда рака. Рак стал смешно пятиться и шевелить клешнями.

— Гоша, будь умницей! Пойду готовить тебе еду, — сообщила Ринка раку.

Она попросила у бабушки кусок докторской колбасы и нарезала его на кусочки. Затем взяла толстую катушку и иголку, и, протыкая мясо иглой, нацепила каждый кусочек на нитку, на нитке сделала петельку, как для елочной игрушки, и развесила кусочки на батарее — тухнуть.

— Сколько нужно времени, чтобы колбаса протухла? — спросила Ринка у бабушки.

— Не задавай глупых вопросов, — ответила бабушка Аня и ушла в кухню.

* * *

К вечеру Гоша стал местной знаменитостью. На него приходили смотреть Таня с Тamarой, Борька Шалимов и даже Толик Мозгляков. Толик последнее время часто вертелся рядом с Ринкой, и Таня сказала, что он влюбился. Ринка сомневалась, но Таня заверила, что знает по опыту и можно ей доверять. Влюбленный Толик пришел к Ринке в гости и сообщил, что красными раки становятся, когда их варят. Раков бросают в кипяток прямо живьем. Они еще продолжают шевелить усами и высовывают клешни из кастрюли — просят пощады. Но их никто не щадит, потому что раки — вкусная еда. Вареным ракам отрывают клешни и хвосты и высасывают из них мясо.

— Я их сто раз ел, а мой папа — тысячу раз. Он их сам ловил и сам варил, — сообщил Толик и предложил сварить Гошу. Ринка отказалась, и Толик ушел. Но если она вдруг передумает, пусть обращается.

Из-за Толика Ринка очень расстроилась.

— Когда вырасту, ни за что не буду есть никакого мяса, — сказала Ринка.

— Такие люди называются вегетарианцами, — пояснила бабушка, узнав о мамином решении. —

Они либо сумасшедшие, либо фанатики! Человеческий организм не может существовать без животного белка.

Ринка еще больше расстроилась и пошла проверять, протухла ли колбаса.

Колбаса все никак не превращалась в пищу для раков. И Ринка решила предложить Гоше полуготовый продукт. Она пришла в ванную и стала болтать у Гоши перед носом кусочком колбасы на ниточке.

— Гоша, хороший, попробуй! Может, она еще и недостаточно тухлая, но надо же что-то есть! Иначе ты умрешь от голода. Твой организм не выдержит без животного белка.

Гоша не высказал интереса к колбасе и стал пялиться, задирая клешни.

— Если бы ты был щенком, я бы знала, как тебя кормить, — расстроилась Ринка. — А так я даже не знаю, где у тебя рот.

— Дочка, мне ванна нужна. Я сейчас стирать буду, — закричала из кухни бабушка Аня. — Пересаживай своего рака в таз.

Гоша прожил у Ринки неделю, то и дело переселяясь из ванны в таз. За это время он так и не попробовал ни одно из предложенных ему «блюдов». Борька приносил раку кусочки настоящего мяса и давал Ринке нюхать, чтобы она убедилась: мясо действительно тухлое. А Толик снабдил Ринку дохлыми мальками, собственноручно выловленными в пруду. Но рак не реагировал ни на какие деликатесы. Он сидел в тазу, скрючившись, и не двигался. Бабушка Аня решила, что он уже умер.

— Вот, купила на свою голову, — ворчала она. — Не квартира, а склеп!

Бабушка проявляла к раку все меньше и меньше почтения. Однажды Ринка, придя из школы, узнала, что бабушка мыла окна и нечаянно опрокинула таз с раком. Ринка бросилась под окно и долго шарила в кустах, пытаясь найти хоть какие-нибудь следы улетевшего в неизвестность рака. Следов не было.

— Ну, ладно, не расстраивайся, — сказала бабушка. — Пропал — значит, судьба его такая. Рак этот твой через день-другой все равно бы сдох. Он же не ел ничего. Без еды даже такое бессмысленное существо прожить не может... Да, и сними эту колбасу с батареи!

Ринка сняла колбасу с батареи, легла на диван носом к стенке — специально для того, чтобы свет был плохой, назло бабушке, — и стала читать «Рассказы о животных» Сетон-Томпсона. Рассказы были очень грустными, и Ринка чувствовала: она не одна на земле со своим горем.

Через три дня Борька бродил по саду, под окнами Ринкиной квартиры.

— Ринка! Иди скорее, что я тебе покажу! — вдруг закричал он. — Смотри, твой рак. Живой.

Рак полз куда-то бочком по мокрой земле.

— Повезло ему, — сказал Борька. — Дождь шел целых три дня. Сыро было. По-моему, он сейчас даже живее, чем когда у тебя жил.

— Может, ему свобода нужна? — неуверенно спросила Ринка.

— Свобода всем нужна, — согласился Борька. — Давай его в пруд выпустим. Туда, где Толик мальков ловил.

Они посадили Гошу в ведерко и пошли к пруду. Ринка аккуратно взяла рака за спинку и положила на поверхность воды. Мгновение — и рак, как серый камешек, исчез под водой.

— Как ты думаешь, он не утонет? — спросила Ринка.

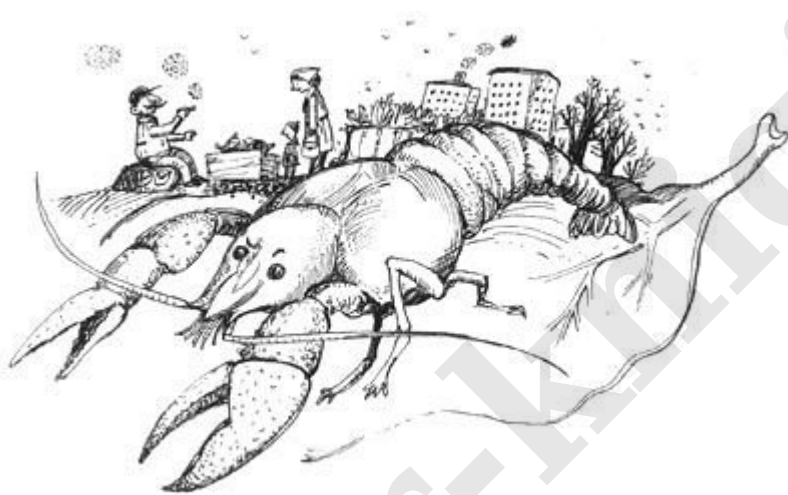
— А чего ему тонуть-то? Раки на дне живут.

— Может быть, он даже найдет там какую-нибудь рачиху, у них получится семья, и они заведут детей.

— Угу. И Толик будет приходить сюда их ловить, а потом варить и лопать!

Ринка посмотрела в пруд и покачала головой:

— Здесь глубоко. Метров пять, наверное. Он там, на дне, в безопасности.

Жил да был черепашонок

Когда бабушка Аня была маленькой, все в мире было устроено по-другому. Царил абсолютный порядок. Зима была зимою — со снегом и морозами в сорок градусов. А лето было жарким, как и подобает лету. В это счастливое время бабушка жила в эвакуации, в Саратове, и бегала по песочку вдоль широкой реки Волги. Песочек был белый и такой горячий, что на него больно было ступить босиком. Бабушка играла со своими друзьями в казаки-разбойники, в камушки и в вышибалы. Не то что современные дети, которые сидят по домам, уткнувшись в компьютеры, и только портят глаза.

— Бабушка, — осторожно замечал кто-нибудь из внуков, — но ведь это твое счастливое детство, оно во время войны было!

— Ну и что? — удивлялась бабушка. — Мы этих фашистов и не боялись совсем. Чего бояться-то? Бомбардировщики до нас и не долетали!

В Саратове жил дядя Лева — двоюродный брат бабушки и друг по счастливым годам эвакуации. Два раза в год дядя Лева приезжал в Москву защищать диссертацию, но никак не мог защитить, потому что на него все время нападал ужасный профессор Парамонов. Бабушка

Аня возмущалась, потому что ни один профессор по уму не мог сравниться с дядейлевой. «Он биолог, настоящий ученый, влюбленный в свое дело, — говорила бабушка Ринке. — Изучает раковые клетки. Ты можешь спросить его о чем угодно».

— Дядя Лева, почему рак назвали раком? — спросила Ринка, вспоминая своего Гошу, который теперь жил на дне пруда вместе с симпатичной усатой рачихой.

— Если ты думаешь, что онкология имеет хоть какое-нибудь отношение к животным из класса ракообразных, с их клешнями и усиками, то глубоко заблуждаешься. Простая омонимия, — ответил дядя Лева. Но потом задумался: — Хотя можно усмотреть глубинную ассоциативную связь. Раковые клетки дают метастазы. И это похоже на то, как спрут опутывает щупальцами свою жертву.

Больше Ринка вопросов не задавала.

У дяди Левы был сын Ромка. Ромка совсем недавно окончил школу и приехал в Москву поступать в институт. Во время экзаменов он жил дома у маленькой мамы и бабушки Ани. Ромка умел рисовать кота. Сначала чертится восьмерка, положенная на бок. Над каждым колечком восьмерки рисуется полукруг. Это глаза. А внизу, под перемычкой, — еще один полукруг, только поменьше, — язычок. Потом восьмерка с глазами обводится сверху дугой, и на дуге пристраиваются уши. Кот готов!

Еще Ромка подарил Ринке собачку для кукольного театра. Собачка была плюшевая, неизвестной породы. Ее нужно было надеть на руку, и тогда она смешно шевелилась. Иными словами, Ромка очень нравился маленькой маме, и она надеялась, что он проживет у них дома подольше.

Дядя Лева хотел, чтобы Ромка стал математиком, но на экзаменах в Московский университет тот не добрал баллов. Зато его с удовольствием взяли в какое-то МГПИ — чтобы он потом стал учителем физики. И бабушка по телефону долго убеждала дядю Леву, чтобы тот не расстраивался: у мальчика явные педагогические способности. Но дядя Лева заявил, что педагогические способности не обязательно развивать в Москве. Для этого годится и Саратов. Поэтому симпатичный Ромка ближе к сентябрю стал собираться домой.

За день до отъезда он на последние деньги приобрел еще один подарок для Ринки.

— Вот, смотри! Сегодня ехал в метро. Там тетка одна продавала. Такой смешной! Я не удержался — купил!

Это был крохотный черепашонок, величиной с ладошку, с маленьким, словно игрушечным, панцирем. С одной стороны из-под этого панциря выглядывала старая головка с клювиком и складочками на шее, с другой — маленький загнутый хвостик. Ромка пустил черепашонка на пол, и тот побежал, шустро перебирая лапками.

— Будто танк какой! — сказала вошедшая бабушка.

— Мамочка, можно, он у нас проживет? В память о Роме и дяде Леве? — стала заискивать Ринка.

— Ладно, пусть проживет. Он же по столам не прыгает. Только ты его лучше в коробку посади. А то еще раздавлю случайно.

— Я ему пустыню сделаю. Чтобы он жил, как на природе.

— Сделай, сделай, — поддержал Ромка. — Тетка сказала, это такой особый вид карликовых черепашек. В Египте живут.

Ромка вместе со своими педагогическими способностями уехал обратно в Саратов, а черепашонок остался жить у Ринки с бабушкой.

Ринка гладила его по панцирю и думала: «Теперь все будет по-другому. Не как в тот раз».

* * *

Год назад у Ринки уже была черепаха. Эту черепаху незадолго до Нового года вручил ей на улице таинственный незнакомец. Он шел, завернув что-то в полу пальто, а Ринка шла навстречу. Незнакомец увидел Ринку и спросил:

— Черепаху хочешь? Она, правда, уснула, потому что холодно. Но ты ее положи под батарею. Пусть отогреется.

Он сунул черепаху ей в руки и быстро-быстро ушел. Голова и черепашьи лапы были туго втянуты в панцирь, глаза закрыты. Черепаха была похожа на странный покрытый загадочными узорами камень.

Ринка принесла черепаху домой, положила под батарею и стала ждать, когда та оживет. Но черепаха не оживала. Она была все такой же окаменевшей и не подавала признаков жизни. Ринка еще немного посидела рядом, а потом перенесла черепаху в самое теплое место — в ванную комнату, спрятала за ведром, накрытым тряпкой, и пошла делать уроки.

Весь вечер Ринка то и дело бегала в ванную мыть руки. Бабушка Аня даже удивилась, с чего это она стала такой чистюлей. Перед самым сном Ринка заперлась в ванной и долго там возилась. А потом быстро-быстро вышла, легла в кровать и накрылась одеялом с головой, чтобы бабушка ничего не заподозрила. А случилась ужасная вещь: черепаха «оттаяла» и выпустила из-под панциря голову и лапы. Теперь они вяло свисали с разных сторон — как толстые плетеные веревки. Черепаха окончательно умерла. Ринка завернула ее в старую газету и засунула глубже под ванну.

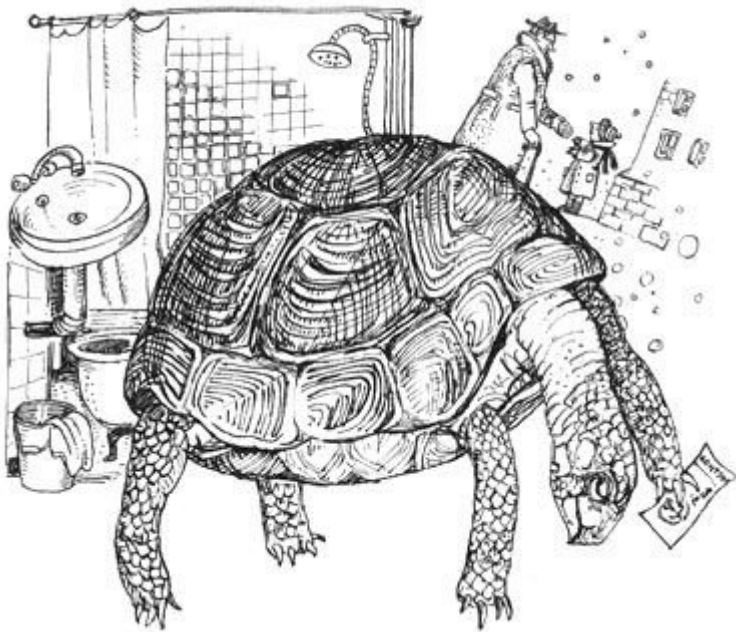
На следующей день во время перемены Ринка докладывала о случившемся на экстренном совете бывших учредителей кошачьей столовой.

— Он, наверное, эту черепаху выбросить хотел, — пытался понять действия незнакомца Борька. — Хотел — да не решился. Думал, вдруг она живая еще.

— А может, это был маньяк, который заманивает девочек в подъезды, — предположила Тамара. — И черепаха — это метка такая особая, по которой он узнает свою жертву.

— Что же, у него на всех девочек по дохлой черепахе припрятано? — отмел уголовную версию Борька.

— На одну девочку — черепаха, на другую — хомячок, — не сдавалась Тамара. — И совсем не обязательно дохлый. Может быть, и живой. Хомячки, например, очень быстро размножаются. — Эта часть Тамариной речи прозвучала особенно авторитетно.

У Тамары дома жили хомячки. Иногда Ринка ходила к Тамаре на них смотреть. В комнате, в кухне и даже в туалете были расставлены трехлитровые банки. В банках, в грязных гнездах из обрывков газет, яблочных огрызков и шелухи от семечек сидели хомячки. Большую часть времени хомячки спали, свернувшись пушистыми шариками. А когда просыпались, приподнимались и быстро-быстро перебирали передними маленькими лапками с крошечными пальчиками по стеклянным стенкам, будто хотели забраться наверх. Лапки скользили, и хомячки заваливались на бок. Ринке это не нравилось: хомячки должны жить в клетке с сетчатыми стенками, по которым можно лазить. Ринка видела такую клетку в зоомагазине. Там хомячки весело бегали из угла в угол, карабкались на потолок, повисали на задних лапах, как акробаты в цирке, а потом сваливались вниз, в общую кутерьму.

— Они веселятся, только пока маленькие, — не соглашалась Тамара. — А когда вырастают, уже не хотят лезть ни на какой потолок. Они хотят спать. И вообще — где я возьму столько клеток? А самцы — ты же знаешь! — могут съесть маленьких. Их обязательно надо отсаживать.

— Не понимаю, при чем тут самцы, которые едят маленьких, если речь идет о черепахе, — вмешалась Таня. — По-моему, мы должны решить, что теперь делать с этой размороженной черепахой, а не с хомячками в банках.

— Черепаху надо сварить. — Толик Мозгляков опять вертелся рядом и подслушивал.

Он был влюблен в Ринку и в прошлом году под этим предлогом хотел сварить рака Гошу. Возможно, он и черепаху хотел сварить по этой же причине.

— Что уставились? Про черепаший суп никогда не слыхали, что ли? У моряков, когда они по морю долго плавают, все запасы еды могут кончиться. Тогда они причаливают к какому-нибудь необитаемому острову, ловят черепах и варят из них суп. Есть такие Галапагосские острова — почти необитаемые. На них водились гигантские черепахи. Вот такого размера! — Толик обнял руками много-много воздуха. — Так там вообще черепах больше не осталось. Всех съели. А панцирь у этих черепах был такой здоровенный, что они даже в кастрюлю не влезали. Поэтому их варили по частям: сначала заднюю часть, потом — переднюю. Пока варилась задняя часть, черепаха высовывала из кастрюли голову и лапы и просила пощады. Но ее никто не щадил. Потому что черепаший суп — такая вкуснятина, что его даже в ресторанах дают.

— Ты уже это все рассказывал, про раков, — рассердилась Ринка.

Ну и что, — не смутился Толик. — Что ж я, виноват, что черепах тоже едят? Но твоя-то — дохлая. Из нее съедобного супа не выйдет. Из нее только панцирь может выйти — черепашья кость. Черепашья кость — почти что как слоновая. Дорого стоит.

— Как это — может панцирь выйти?

— Ну, как-как? Опять же — варить надо. Чтобы мясо от костей отвалилось.

Ринка подумала-подумала и неожиданно для себя — согласилась. Ее поразила Толикова осведомленность по поводу Галапагосских островов. К тому же вернуть черепаху к жизни все равно было невозможно. Похоронить зимой тоже нельзя. Только выбросить. А если получится черепашья кость, можно будет сделать морской музей. Собрать туда ракушки, камни гладкие, разные вещи с потонувших кораблей, бутылки с письмами...

Идея музея всем понравилась. Борька сказал, что его дядя служил на флоте. У него есть ремень с якорем, и Борька попросит — не навсегда, а на время, для музея. У Тани дома были большие рапаны, которые они с мамой и папой привезли с Черного моря. У Тамары, кроме хомячков, ничего не было. Но она пообещала поискать в старых журналах «Вокруг света» картинку с Галапагосскими островами. Может, ей даже попадутся моряки или черепахи. Толик пообещал раздобыть «у одного человека» песок с морского дна, с самого глубокого места, из Бермудского треугольника. Но главным его вкладом в организацию музея должно было стать отделение кости от всего остального, что раньше было черепахой.

Договорились варить черепаху завтра, после школы.

Таня и Тамара в этом «морском деле» участвовать отказались. А Борька Шалимов решил прийти — чтобы во время варки быть для Ринки моральной опорой.

— Надо кастрюлю правильно подобрать, — сказал Толик, засучив рукава. — Где твоя черепаха?

Ринка достала из-под ванны завернутую в газеты черепаху и стала перебирать кастрюли.

— Давай побольше, чтобы черепаха целиком влезла, — командовал Толик. — Все равно она дохлая и не сможет просить пощады.

— В этой кастрюле мы суп варим. Мама ругаться будет.

— И мы тоже почти суп будем варить. Все быстро сделаем и выльем. Никто не узнает.

Толик положил черепаху на дно кастрюли, налил воды, накрыл крышкой и поставил на огонь.

Все сели за стол в кухне и стали ждать, пока мясо отделится от кости.

Очень скоро кухня наполнилось резким неприятным запахом.

— Долго еще? — сморщившись, спросил Борька.

— Вода еще не закипела, — ответил Толик. — А потом — как закипит — часа два.

— Больше не могу. Меня сейчас вырвет.

— Эх, ты, слабак! А если б тебя на обитаемом острове высадили? Там и не такое есть приходится!

— Когда моя мама была в эвакуации, мальчишки нашли дохлую крысу, — сказала Ринка. — Они ее тоже сварили.

— И что — съели?

— Съели. У них потом живот болел.

— Так то ж во время войны было! Во время войны люди еще не то ели. Даже людей мертвых ели, — сказал Толик. — Закипело. Можно огонь поменьше сделать.

— Ну, про людей — это ты загнул. Все. Не могу больше — Борька вскочил, зажимая рот рукой, и замычал Ринке: — Выпусти меня. Выпусти быстрее!

Борька ушел, и Ринка сразу пала духом:

— Меня тоже тошнит, — сказала она Толику, — от этого запаха ужасного.

— Осталось немного. Скоро уже мясо начнет с кости сползать.

— Ринка вдруг представила, что мясо — это голова и черепашьи ноги, которые торчат из-под панциря. И вот сейчас они начнут отваливаться...

— Толик, — сказала она жалобно. — Ты не мог бы доварить черепаху где-нибудь в другом месте?

— Боишься? Эх, ты! А я-то думал... — Ринка вдруг поняла, что именно в этот момент, прямо у нее на глазах, улетучивается Толикова влюбленность. — Тогда я панцирь себе заберу.

— Забирай, — быстро согласилась Ринка. Она хотела только одного — чтобы все это кончилось.

Толик выключил газ и выплеснул из кастрюли воду в раковину. Кухня наполнилась густым вонючим паром.

— Кастрюлю потом занесу. Пока, эвакуация!

На следующий день Толик пришел в школу и даже не посмотрел на Ринку. Вместо этого он время от времени открывал портфель и что-то сосредоточенно там разглядывал. Наверное, думал, Ринка попросит показать, что у него там. Но Ринка не попросила. На сердце у нее была тяжесть — словно к нему внутри подвесили камень размером с замерзшую черепаху. На перемене Толик отозвал Ринку в сторонку.

— Вот, — сказал он и достал из портфеля чистенький и гладкий черепаший панцирь. — Настоящие моряки не сдаются!

Ринка посмотрела на панцирь и как-то очень спокойно отметила, что он блестит. Толик снова повертел панцирем у нее перед носом:

— Ну, как договорились. Мой!

Набежали ребята.

— Это что — панцирь? Вот это да! Вот это вещь! — говорили кругом.

Толик стал подробно рассказывать, как он варил мертвую черепаху и у нее сначала отвалилась голова, потом лапы, и последним — хвост. Какая вонь при этом стояла и как он, Толик, мужественно отскребал от панциря кусочки застрявшего мяса и потом долго промывал его под краном.

— А откуда черепаха-то? — спросил кто-то.

— Ринкина. Ей какой-то козел к Новому году подарил.

— Так до Нового года далеко еще. И зачем ей мертвая черепаха? На елку вешать? А может, он — дурак просто?

— Я же говорю — козел!

Ребята с интересом посмотрели на Ринку, но, не получив никаких разъяснений, разошлись. А Ринка все стояла на месте и смотрела на панцирь.

— Вечером зайду, занесу кастрюлю, — сообщил Толик и убрал панцирь в портфель.

Домой из школы Ринка шла самой длинной дорогой. С дерева на дерево перелетали вороны и каркали. «Что будет с вороной, если ее сварить? — внезапно подумала Ринка. — Наверное, то же, что и с курицей. У нее мясо отвалится от костей. И зачем я только ем эту курицу? Что я — моряк на необитаемом острове, что ли?»

Около дома Ринку поджидал Толик.

— Ты куда делась-то? Опять маньяка встретила? — поинтересовался он. — Я тебе кастрюлю принес. Вымыл с «Гигиеной». Можно снова нормальный суп варить.

«Гигиеной» назывался чистящий порошок, которым в то время пользовались мамы и бабушки, и еще тетеньки в столовых для мытья раковин и унитазов. Ринка взяла у Толика пакет с кастрюлей. Толик хотел уже уходить, но вдруг замялся:

— Ринка, ты это... Она же мертвая была! — вдруг сказал он. — А живую я бы не стал варить. И про раков... Это отец раков варил, а я только ел. Я всего двух раков съел. Остальных они с приятелями сожрали. Ели и запивали пивом. А если ты музей откроешь, я, это, — панцирь туда отдам. И песок достану. Из Бермудского треугольника. Не веришь?

— Верю, — сказала Ринка. — Хорошо, что ты кастрюлю «Гигиеной» помыл.

Музей так и не открылся. У всех почему-то пропало настроение собирать морские редкости. И панцирь остался у Толика. Потом он выменял его на трещотку для велосипеда: подвешиваешь к крылу колеса, и велосипед на ходу тарахтит, как трактор. А бабушка так и не узнала, что варилось в кастрюле для супа.

* * *

Борька принес Ринке треснувший аквариум, а Толик раздобыл песок. Возможно, это был тот самый песок, который достали со дна моря из Бермудского треугольника, но теперь это было неважно. Главное — устроить в аквариуме пустыню. Ринка красиво разложила в песке камушки и вкопала алюминиевую миску. В миску налили воды, а рядом воткнули маленький

кактус, который Таня отщипнула от большого кактуса у себя дома. Она сказала, это — «детка». «Детка» пустит корни и будет вырабатывать кислород. Не очень много, но для черепашьей пустыни хватит. Потом Таня предложила прикрепить к задней стенке аквариума картинку с верблюдами, которую Тамара вырвала из журнала «Вокруг света».

— Картинка-то черепашонку зачем? — не понял Борька.

— Для красоты, — уверенно ответила Таня. Перед красотой Борька всегда малодушно отступал.

Некоторое время все любовались получившейся пустыней и представляли, как бы они радовались, если бы были черепахами, а им предложили здесь жить. Наконец пришло время черепашонка.

Его выпустили в аквариум, и черепашонок тут же быстро заработал лапками. Не оглядываясь по сторонам и не оценив по достоинству пейзаж, он полз вперед, как маленький безумный трактор: сначала подмял под себя кактус, потом попал в миску «оазиса» двумя левыми ногами, и вода в источнике тут же замутилась и превратилась в грязную лужу. Черепашонок выбрался и продолжил быстрое бесцельное движение, пока не уперся в стеклянную стенку. Тут он приподнялся на задних ногах, а передними стал елозить по стеклу. Совсем как Тамарины хомячки в банках.

— Ну, что ты, Тимофей? — пыталась вразумить его Ринка. — Зачем в стенку-то уперся? Ползай по кругу. И озеро тебе — чтобы пить и купаться, а не для того чтобы воду мутить.

Тимофей перестал дергать лапами и закрыл глаза. Видимо, устал и решил соснуть. Публика разошлась, а Ринка отправилась менять воду и пересаживать «детку» кактуса в консервную банку.

Неудача с пустыней, однако, была не самой большой неприятностью в жизни Ринки. Настоящей проблемой оказалась крайняя разборчивость черепашонка в пище. Он игнорировал листья капусты, которыми, как сказал Борька, обычно кормят черепах; мог пару раз откусить от ломтика яблочка, но потом быстро втапывал ломтик в песок, и тот делался непригодным для еды. Единственное, что черепашонок признавал, были листья одуванчика. Выяснилось это опытным путем, когда Ринка вынесла его погулять и погреться на сентябрьском солнышке. Черепашонок по привычке быстро двинулся в неизвестном направлении, но, наткнувшись на одуванчик, вдруг затормозил, вытянул шею и принялся щипать зелень. Он вполне разумно прижимал листик передней лапой к земле, ухватывал его ртом и тянул на себя до тех пор, пока не отрывал кусочек, который и проглатывал, совершая серьезную работу челюстями. У черепашонка оказалась маленькая розовая пасть со смешным язычком, который старательно шевелился, помогая листику продвигаться по направлению к горлу.

Открытие любимого блюда Тимофея окрылило Ринку и порадовало остальных. Но сентябрь быстро близился к концу. В октябре выпал первый снег. Черепашонок уже не мог гулять, и Ринка после школы собирала для него то, во что к поздней осени превратились одуванчики, прихваченные ночными заморозками. Как первобытный человек, ищущий коренья для пропитания, Ринка, вооружившись детским совочком, каждый день отправлялась на «охоту за одуванчиками»: их приходилось выковыривать из-под тонкого слоя снега или выкапывать из подмерзшей земли. Однако зима в том году торопилась захватить власть, и скоро даже мороженые листья сделались недосыгаемыми.

Объяснять черепашонку последствия изменений в природе было бесполезно. Он по-прежнему

ничего не ел. И к концу ноября, заглянув в аквариум, Ринка обнаружила: Тимофей заболел. Черные глазки-бусинки черепашонка исчезли. На их месте появились вздутые желтые пузыри, и теперь, несмотря на свои размеры, черепашонок выглядел старым и уставшим от жизни. Ринка запаниковала. Никто вокруг не мог дать ей дельного совета, никто не мог объяснить, что произошло.

Каждое утро Ринка заглядывала в аквариум и обнаруживала больного черепашонка, вяло скребущего стекло. Она меняла в мисочке воду — это было единственно возможное полезное действие — и шла в школу. Вернувшись после уроков, снова усаживалась рядом с аквариумом и смотрела на черепашонка — иногда полчаса, иногда целый час, — как будто могла вылечить его взглядом. Ничего не менялось.

Не менялось до тех пор, пока не приехал дядя Лева. Ему опять надо было защищаться от ужасного и коварного профессора Парамонова, и дядя, к неопишуемой радости бабушки Ани, приехал к ним пожить.

На этот раз у Ринки были вопросы. Точнее — один вопрос: «Что делать?»

— Этот вопрос просто обожают в нашей стране. Его задают уже сто пятьдесят лет. И никто ни разу не получил вразумительного ответа, — сказал дядя Лева, достал из аквариума черепашонка и стал его разглядывать:

— Египетский, говоришь? Рома подарил?

Дядя Лева пробормотал, что педагогические способности никогда не спасали от невежества и это часто встречающееся соседство просто отвратительно, а потом повернулся к Ринке и сказал медленно, четко и внятно:

— Это не египетская черепаха. И не карликовая. Египетских черепах в природе не бывает. Обычная степная черепаха. Самый распространенный вид в нашей стране. Черепашонок летом родился. К вам, барышня, в результате браконьерского промысла попал. Выживаемость — один из сотни. Прежде чем принимать подарки борзыми щенками, научитесь заглядывать в справочник!

Никогда в жизни дядя Лева не был так суров с Ринкой. И хотя Ринка не очень поняла, кто собирается подарить ей щенков (ведь это просто невозможно!), было ясно: она очень провинилась и должна понести заслуженную кару.

— В какой справочник? — спросила она пришибленно.

— В справочник по уходу за животными!

— У меня нет!

— А ноги у вас есть — до библиотеки дойти?

Дядя Лева объяснил, что маленьких, только что родившихся черепах запрещено ловить, но их — в погоне за наживой — все равно отлавливают, сваливают в ящики (иной раз и соломы не постелют) и везут в Москву, где продают сентиментальным, невежественным и безответственным «любителям природы» — вроде Ромы и Ринки. Покупать черепах — все равно что помогать браконьерам. Это может привести к уничтожению биологического вида. А Ринка, кажется, хотела стать защитницей фауны?

Ринка догадалась, что фауна — это животные. Но легче от этого не стало, потому что дядя Лева посмотрел на часы и ушел с видом человека, который на защиту этой самой фауны не претендует, но вполне способен защитить людей от зловредных раковых клеток и одновременно — от профессора Парамонова.

Ринка ненавидела браконьеров всей душой. Они убивали невинных животных и губили нашу природу. Но Ринка думала, что браконьеры водятся только в лесу, у них жестокие лица и кровожадные глаза. А та тетенька, которая в метро продала Ромке черепашонка, судя по его рассказам, была доброй на вид. Значит, она прикидывалась? А может, просто ничего не знала? Может, ее тоже обманули, и она стала пособницей браконьеров невольно. Как сама Ринка.

Ринка сглотнула накопившуюся в горле тоску и поплелась в библиотеку. Обычно ей нравилось там бывать. Детские книги в то время было трудно купить. Все, кто любил читать, ходили за книгами в библиотеку. Бабушка Аня знала один секрет — как выбирать интересную книжку: подходишь к стеллажу и ищешь самую потрепанную. Если книжка потрепана, значит, ее много раз читали. А так читают только что-нибудь действительно захватывающее. И чаще всего Ринка искала себе книгу среди старых, подклеенных экземпляров, давно потерявших свою настоящую обложку, в переплетах из желтого картона с беленькими прямоугольничками в середине, где от руки было написано название. В этих зачитанных книгах, пахнущих канцелярским клеем, часто не хватало первых и последних страниц. Ринка сначала расстраивалась, а потом решила, что это даже хорошо. Ведь вырванными или потерянными обычно оказываются неинтересные или «неправильные» страницы. Например, писатель взял и придумал книжке плохой конец. Зачем такой конец? Не нужен совсем. Лучше уж немного додумать самому — чтобы все закончилось так, как хочется.

Но все это не имело никакого отношения к справочникам. Ринка никогда не брала в библиотеке справочники. И было ясно, что додумывать в них страницы невозможно. Просто категорически нельзя. Как вообще их выбирают? Вдруг она не сумеет найти то, что нужно? Можно, конечно, сказать библиотекарше: «Вы знаете, я тут недавно стала браконьером. Хочу найти книжку, где написано, как превратиться обратно...»

Библиотека была закрыта. Последняя пятница месяца — санитарный день. Что там происходило в санитарный день, было не совсем понятно. Наверное, библиотекари на время превращались в санитаров, протирали корешки книжек хлоркой и делали друг другу прививки. Но сейчас это было неважно. Закрыта — и закрыта! Ринка испытала смешанное чувство невыполненного долга и облегчения, ни с чем вернулась домой, опять поменяла черепашонку воду и села за уроки — чтобы думать о чем-нибудь привычно скучном.

Вечером дядя Лева принес справочник. Это был личный справочник профессора Парамонова. Вдруг выяснилось, что профессор Парамонов не всегда бывает ужасным и даже возглавляет какое-то общество по охране природы. А дядя Лева не постоянно от него защищается. Иногда он даже разговаривает с профессором на разные человеческие темы. Когда профессор Парамонов был молодым научным сотрудником, как дядя Лева, он ездил в Среднюю Азию, в разные экспедиции, и своими глазами видел там черепах. Он даже немножко изучал их: как они откладывают яйца в песок и как из яиц вылупляются черепашата. Профессор Парамонов наблюдал, как этих только что родившихся черепашат склевывают хищные птицы. А местные мальчишки разоряют черепаши кладки точно так же, как в наших краях разоряют птичьи гнезда. Если бы не угроза человечеству в виде рака, профессор Парамонов и по сей день занимался бы черепахами и, может быть, даже написал про них интересную книжку. Но так как сейчас он занят другими делами и готовит дядю Леву к защите диссертации (оказывается, научные бои у профессора Парамонова были всего лишь тренировочными!), он передает Ринке

справочник в бессрочное пользование — как будущей защитнице черепах и других представителей отечественной фауны. (Что такое фауна, Ринка уже знала.)

— Давайте посмотрим, барышня, что нам тут посоветуют в нашей бедственной ситуации под названием «авитаминоз», — дядя Лева нашел главу, посвященную устройству террариумов, и углубился в чтение. Ринкин сухой аквариум, сказал он, вполне может считаться террариумом: так называется место, где в неволе живут ящерицы, черепахи и змеи. Ринка затаилась, чтобы шум надежды, возникший из толчков сердца и растущего возбуждения, не прорвался наружу раньше времени.

— Во-первых, в своей модели пустыни вы забыли главное — солнце! — сказал дядя Лева. — Черепаха нуждается в обогреве. Особенно зимой. Но это легко исправить. Давайте-ка сюда настольную лампу!

Дядя Лева установил лампу над аквариумом.

Этого, правда, мало. Настольная лампа не даст нам нужное количество ультрафиолетовых лучей. Нужно раздобыть кварц.

Затем дядя Лева прочитал, что черепашонка придется лечить с помощью витаминов, а кормить искусственно тертой морковкой.

Придется вам освоить введение инъекций. Пойдемте-ка в дежурную аптеку.

Дядя Лева шел, а Ринка то ли бежала, то ли скакала рядом и чувствовала, что слово «инъекция» ей очень нравится. Красивое такое слово. Приложишь эту инъекцию черепашонку, и он поправится. Но оказалось, что инъекции — это уколы. И Ринке предстоит делать Тимофею уколы туда, что можно условно считать черепашьей попкой, — в мягкое место рядом с хвостиком. Для уколов нужны были ампулы с надписью «Витамин В». А еще дядя Лева купил пузырек с маслом, где содержался витамин D. Маслом нужно было «обогащать» тертую морковку, которой предстояло теперь питаться черепашонку. Еще дядя Лева купил блестящую металлическую коробочку для кипячения шприцов — стерилизатор — и раствор борного спирта, чтобы протирать перед уколом иглу. Об одноразовых шприцах тогда еще даже не слышали.

— Какие расходы! — ужаснулась бабушка. — И все из-за какой-то черепахи!

Расходы — логическое следствие Роминого поступка, — отвечал дядя Лева. — Будем считать их необходимым условием выживания этого несчастного существа.

И дядя Лева стал учить Ринку кипятить шприцы и делать Тимофею уколы. Во время укола черепахе можно занести инфекцию. Прямо как человеку. Чтобы ничего подобного не произошло, нужно убить микробов в шприце и иголке. Для этого и требовалась металлическая коробочка — стерилизатор.

Колоть иглой черепашью попку было очень страшно. И Ринка сначала училась втыкать шприц в старенькую плюшевую собачку. «Несмотря на морщинистую кожу и панцирь, черепахи испытывают боль. Но в момент укола об этом лучше не думать. Вам повезло, что черепахи не кричат и не оказывают ощутимого сопротивления, — сказал дядя Лева. — Достаточно поднять черепашонку в воздух, чтобы он не смог задеть вас лапами. Колоть нужно уверенно и быстро, чтобы не растягивать мучений». Ринка старалась не думать про то, что черепашонку больно, и пробовала втыкать иголку уверенно и быстро. Но это оказалось не самым сложным. Гораздо сложнее было насильно кормить Тимофея. По совету справочника,

Ринка вырезала из тонкой картонки палочку-пластиночку. На эту пластиночку она набирала чуть-чуть тертой морковки, смоченной витаминизированным маслом, а потом надавливала картонным уголком у основания черепашьего рта. Рот Тимофея чуть приоткрывался. В образовавшуюся щель требовалось впихнуть немного морковки. Черепашенок, почувствовав морковь, начинал делать глотательные движения. А потом снова намертво захлопывал свой клюв, и его снова требовалось раскрывать насильно. Рот у черепашонка был крошечный. Неловким нетерпеливым движением его можно было поранить. А засунуть в черепашонка еду требовалось не раз и не два. А раз этак десять.

Три дня дядя Лева по вечерам обучал Ринку выхаживать жертву браконьерского промысла. А на четвертый день пожелал Ринке терпения, Тимофею выздоровления — и уехал. Теперь Ринкина жизнь была до отказа наполненной заботами о черепашонке.

На кормление уходил час. Еще двадцать минут в день Ринка, нацепив солнцезащитные очки, кварцевала черепашонка: десять дней кварца — три недели перерыв. (Лампу бабушка Аня одолжила у соседки, которая в прошлом году родила ребеночка. Оказалось, маленьким детям тоже не хватает солнца — совсем как черепашатам.) Раз в неделю черепашонка купали в теплой воде и смазывали подсолнечным маслом. Еще требовалось стерилизовать шприцы, ходить в магазин за морковью и тереть ее на мелкой терке (самое нелюбимое).

Борька, Таня с Тамарой и Толик приходили смотреть, как Ринка кормит Тимофея. Толик пообещал, что летом поймает для нее змею. Раз она так мастерски научилась открывать рот черепахе, может, ей стоит потренироваться со змеями? Будет открывать им рот и выдавливать из них яд. Яд очень дорого стоит. Если надавить много яда, можно заработать денег на прививки всем бродячим кошкам в Москве. Кроме того, когда у Ринки появится запас яда, все будут ее бояться и никто не посмеет сделать ей ничего плохого.

Ринка сказала, что терпеть не может змей, потому что они извиваются. Кроме того, ей не нужен запас яда, чтобы ее все боялись. Тогда, сказал Толик, змею можно сварить и съесть. Путешественники в пустынях часто варят змей. Или нацепят на палочку и жарят, как шашлык. Змей, правда, трудно жевать, потому что змеиное мясо жесткое.

— Одна девочка у нас в деревне нашла змею, — сказала Тамара. — Она думала, что змея мертвая, и повесила себе на шею — как бусы. А змея ожила и укусила ее прямо в шею.

— Небось, тепло почувствовала, — объяснил Борька. — Змеи тепло любят.

— Яд ей до сердца дошел, — продолжала Тамара. — И эта девочка вся посинела и умерла.

— И ее не спасли? — возмутилась Таня. — У вас что — в деревне скорой помощи, что ли, нету?

— Скорая помощь есть. Но когда врачи приехали, она уже посинела. Врачи все равно ничего не смогли бы сделать. Против яда в сердце.

— От яда лекарства есть. Из лошадей делают, — влез Толик. — Из змей яд выкачивают и делают лошадям уколы. У них тогда противоядие вырабатывается. И потом у этих лошадей берут кровь и превращают в лекарство. Если такое лекарство человеку дать, он не умрет.

— Есть такие змеи, которые сразу насмерть жалят. Тут никакая лошадь не поможет. Никто даже укол не успеет сделать, — мягко настаивала Тамара. — А чтобы змея не ужалила, нужно слово специальное знать. Надо посмотреть змее в глаза и сказать это слово. И она тогда уползет. Не станет жалить.

— Пока ты будешь змее в глаза смотреть, она тебя укусит, — не согласился Борька.

— А в справочнике написано, что змеи никогда никого просто так не кусают, — заявила Ринка. — Это они обороняются. Если на них наступить или потревожить.

— Ну, вот видишь, — обрадовался Толик. — Говоришь, змей не любишь. А сама про них в справочнике читаешь!

— Это я случайно. Просто змеи иногда тоже в террариумах живут, — объяснила Ринка.

Черепашенок дождался весны, и его стали выносить на зелененькую новорожденную травку — погреться на настоящем солнышке. В один прекрасный день Ринка обнаружила, что черепашенок смотрит — правда, только одним глазом. На дневной прогулке, наткнувшись на пробившийся к жизни листочек одуванчика, Тимофей задержался, склонил головку и, поглядывая на листок своей одинокой черной бусинкой, принялся щипать зелень. Сердце у Ринки готово было выскочить из груди. Ест! Сам ест!

Теперь черепашенок иногда самостоятельно прихватывал немного «обогащенной» морковки, разложенной маленькими кучками по аквариуму. Ринка нашла в журнале «Юный натуралист» статью про черепахи. Правда, там было написано только о взрослых черепахах. Но кое-что подходило и черепашонку.

Оказывается, черепахи не едят на одном месте, а пасутся — точно так же, как козы или коровы. Ущипнут травки и ползут дальше. Потом опять ущипнут. Поэтому еду лучше раскладывать в разных местах. А то, что черепахи часть корма вдавливают в песок, это так полагается. Тут уж ничего не поделаешь.

Весна уже изо всех сил торопила приход лета. Бабушка Аня стала собирать Ринку в летний лагерь.

— Черепаху с собой возьми. Ты там, в лагере, наверняка в «живой уголок» ходить будешь. Вот и Тимофея туда пристройшь. Не буду же я его тут пасти. А там, на природе, у него, может, и второй глаз откроется, — сказала бабушка.

Тимофей переместился из аквариума в обувную коробку и отправился «на природу».

Приехав в лагерь, Ринка с трудом дождалась открытия кружков и скорее побежала в «живой уголок». Ринку сразу туда записали, а Тимофея посадили в загончик к большим черепахам. «Будто бы ты на даче в детском саду, а я к тебе в гости приезжаю, — говорила Ринка черепашонку и гладила его по панцирю. — Вот тебе гостинцы — свеженький клевер. Очень вкусная и полезная травка!»

Но теперь черепашенок не занимал так много места в Ринкиной жизни. Он уже не требовал столь пристальной заботы. А в «живом уголке» было много других животных: белка, лисенок, ушастый ежик, ворона, кролики, морские свинки и волнистые попугайчики. Все они шевелились, пищали, пыхтели и тявкали, хотели есть, пить, играть и жить в чистых клетках. И Ринка вдруг поймала себя на мысли, что черепахи уже не кажутся ей очень интересными животными. Как и всем детям вокруг. О черепахах вспоминали в последнюю очередь: ползают и ползают в своем загоне. Но через две недели черепахи вытоптали там всю траву, и есть им стало нечего. Сначала траву для черепах пробовали рвать. Но это было скучно. К тому же черепах было много, травы явно не хватало. А эти старушки с морщинистыми шеями явно не

ценили проявленной заботы и в обычной своей манере втаптывали половину драгоценного питания в грязь.

По предложению Ринки, черепах решили выпускать гулять — на полянку перед «уголком». Пусть пасутся, как козы и коровы, и переползают с места на место. Но черепахи, в отличие от коз и коров, не хотели ходить стадом. Они разбредались во все стороны и, не ограниченные бортиками загона, оказались вдруг довольно шустрыми и склонными к побегу. А следить за черепахами было так же скучно, как рвать для них траву. Беспечные черепахи пастухи вспоминали о своих обязанностях только к моменту закрытия «живого уголка» и начинали бегать по полянке, обыскивая окрестную территорию в поисках беглянок. Сначала потерялись две взрослые черепахи. А потом пропал Тимофей.

Ринка, однако, уже устала о нем переживать. Черепашенок был самым шустрым и подвижным. Даже странно, что он не терялся так долго. От летнего солнышка впережку с дождиком, от зеленой травки и чистого воздуха у черепашенка открылся второй глаз: он выздоровел! Ринка это заметила, но не смогла сильно обрадоваться, потому что была занята кроликами и лисенком. И когда Тимофей сбежал, она совсем немного, для порядка, погрузила, а потом легко утешила себя словами бабушки Ани: «Значит, судьба его такая!»

В конце лета в лагерь приехал автобус с надписью «Зоопарк». Лисенка, енота, кроликов и других животных пересадили в дорожные клетки и увезли в Москву — туда, где они до этого жили. «Живой уголок» закрылся. Последняя лагерная смена заканчивалась.

Собирая вещи в чемодан, Ринка наткнулась на коробку, в которой одноглазый Тимофей приехал вместе с ней в лагерь. В коробке было немного сухой травки и шарики подсохших черепашьих какашек. Ринка взяла коробку в руки и вдруг опомнилась: «Черепашенок, миленький! Где же ты теперь?» Ей вдруг захотелось быстро-быстро выйти во двор и увидеть, как трава под кустом зашевелилась и показался маленький черепаший панцирь. Как кривые, но шустрые лапки быстро несут этот маленький панцирь в неизвестном направлении. А потом черепашенок остановился бы у кустика одуванчика, прижал лапкой листик к земле, ухватил его беззубым ртом и потянул на себя...

Но Ринка никуда не пошла. Она сидела на чемодане и смотрела на какашки в коробке. «Тимофей убежал, потому что я перестала его любить, — подумала Ринка и тут же попыталась смягчить свое неприятное признание: — Ну, не совсем перестала, а стала любить не так сильно. Если бы я любила его так же, как раньше, мы бы вместе вернулись в Москву, и Тимофей опять поселился бы в аквариуме и уже не стал бы болеть: ведь он подрос и научился есть капусту. А теперь его найдет какая-нибудь другая девочка. И возьмет к себе жить...»

Тут Ринку поразила страшная мысль: ведь у этой девочки нет справочника! Она найдет Тимофея, но не будет знать, как надо за ним ухаживать. Она сделает что-нибудь не так, неправильно, отчего Тимофей заболит и, может быть, даже умрет. А Ринка будет далеко, в Москве, и уже ничем не сможет ему помочь. «Надо что-то придумать, надо что-то придумать», — без конца повторяла Ринка.

Но что надо делать, она поняла только утром.

— Автобусы приехали! — закричал кто-то.

Все побежали смотреть на автобусы, которые длинной цепочкой выстроились на дороге у ворот.

— Ура! Автобусы! Едем в Москву! — радовались ребята.

А Ринка не радовалась. Она не побежала смотреть на автобусы вместе со всеми. Она даже не пошла на завтрак. Она сидела в пустой палате и писала на листочках слова из справочника. Ринка решила развесить листочки вокруг «живого уголка». Девочка, которая найдет Тимофея, пойдет гулять и увидит листочек. А там все про черепах написано. Что они едят, и как за ними ухаживать. Вот она обрадуется!

«Но написать один раз будет мало, — думала Ринка. — Вдруг девочка пойдет какой-нибудь другой дорогой? Надо сделать еще листочки». И Ринка быстро-быстро писала, стараясь ничего не забыть. Внизу каждого листочка она сделала пометку: «Черепашонка зовут Тимофей».

А ребята уже пришли за чемоданами и потащили их к автобусам.

— Ринка! Быстрее! Пошли! Уезжаем!

— Я сейчас! — крикнула Ринка, схватила листочки и побежала к «живому уголку».

— Ри-на! Ри-на! — звали ее хором. Все ребята из отряда уже сидели в автобусе.

— Сейчас, сейчас, — приговаривала Ринка, пристраивая листочки. Один листочек она прицепила на забор, другой повесила на кустик, а третий положила под большой камень — так, чтобы его было видно, но он бы не улетел.

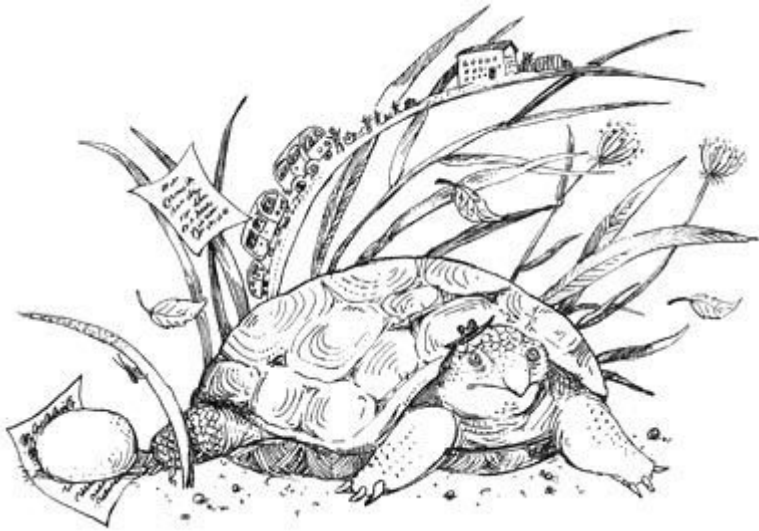
— Ты с ума сошла? — к ней спешила вожатая. — Где ты бродишь? Мы уже уезжаем! А вещи? Где твои вещи? Что-о? В корпусе?

Вожатой не хотелось сильно ругать Ринку перед отъездом. Она велела торопиться к автобусу, а сама побежала за Ринкиным чемоданом.

Наконец все оказались на своих местах, и автобус тронулся.

Вожатые запели песню, и все стали им подпевать. Только Ринка не подпевала, а просто смотрела в окно.

«Полезная книжка — справочник. Нужная такая, — отрешенно думала она. — Когда я вырасту, у меня обязательно будет собака. Настоящая, большая собака. Овчарка. Я пойду в библиотеку и возьму себе справочник, где написано все-все-все про собак. Чтобы знать, как за ними ухаживать, чем кормить и какие уколы делать. А еще я буду любить свою собаку сильно-сильно. Я никогда не променяю ее ни на каких кроликов. Я назову ее Тимофей...»

Часть вторая

Как мама, папа, Костик и Гришка жили без собаки

Истории скорее веселые, чем грустные

Операции «Лягушонок»

Когда мама была маленькой, у нее не было собаки. Из-за взглядов бабушки Ани на жизнь. Но мама все время об этом мечтала. И чем старше становилась, тем сильнее крепла эта мечта. В седьмом классе мама вдруг заметила, что Толик Мозгляков вертится теперь не вокруг нее, а вокруг Тамары. И свои глупости рассказывает ей. Про то, как надо кого-нибудь сварить и съесть. И Тамара, добрая Тамара, в ответ только смеется. Разве добрые смеются таким хитреньким, игривым смехом? А Таня отрезала свои длинные волосы и носила теперь короткую французскую стрижку. Но Борька Шалимов, глядя на Таню, по-прежнему краснел. Несмотря на отсутствие косы. И не просто краснел. Теперь он все время садился за одну парту с Таней, а после уроков тащил из школы два портфеля — свой и ее. До самого Таниного дома. Хотя жил в одном подъезде с мамой.

От всего этого мама чувствовала себя не очень хорошо. И случайно (совершенно случайно!) взглянув в зеркало, обнаруживала там всеми покинутое, никому не нужное существо. Ну, ничего-ничего, мстительно думала мама. Вот она вырастет и посвятит себя какому-нибудь великому делу. Она будет работать от зари до зари, и у нее просто не останется времени на что-нибудь другое. На каких-то там друзей, которые так противно хихикают и таскают чужие портфели. А мамино дело будет настолько великим, что ей даже не нужен будет сильный, храбрый и благородный юноша, который мог бы ее от чего-нибудь спасти, а потом предложить руку и сердце.

Она будет совершенно одинокой. Одинокой и удивительно прекрасной. Делить с ней ее совершенное одиночество будет только собака. Большая черная овчарка. Самец. Мама снова смотрела на себя в зеркало и представляла, как рядом с ней — вот тут, справа, — стоит собака. Собака будет встречать маму после работы, гулять с ней по темному парку и носить в зубах мамину сумку. Вот идут они вместе по улице, а прохожие оборачиваются и шепчут друг другу: «Какая прекрасная одинокая девушка с собакой...»

Но у мамы никак не получалось стать совершенно одинокой и, видимо, из-за этого, удивительно прекрасной. Ей все время что-нибудь мешало. Взять хотя бы великое дело. Маме постоянно подворачивались дела, которые могли считаться великими. Но их невозможно было делать без чьей-нибудь помощи. Совсем наоборот. Когда мама еще немного подросла, она перешла учиться в другую школу. И там у нее появились новые друзья. Они вместе ходили в походы, ставили спектакли и мечтали открыть новую школу — такую замечательную, где детям будет интересно учиться. Для этого маме пришлось поступить в педагогический институт. Она по-прежнему хотела собаку, разные дела теперь только мешали осуществить это желание.

А потом появился папа и нанес маминой мечте самый сокрушительный удар: она окончательно лишилась возможности стать одинокой. По крайней мере, в обозримом будущем.

* * *

Папа, как только увидел маму, твердо решил на ней не жениться. Все окружающие страшно удивились: вокруг было много разных девушек, на которых он преспокойно не женился и до этого. Но так твердо не жениться папа решил только на маме. Дело было вот в чем.

Хотя у мамы, в силу сложившихся обстоятельств, не получилось стать удивительно прекрасной, она была вполне симпатичная и жизнерадостная. Папа тоже был молодой и очень много читал. Он читал разные книги, но больше всего — по истории. И вот, когда папа в первый раз встретил маму, он для начала спросил: «Как вы чувствуете себя в Истории?»

А мама ответила, что ей совершенно не нравится чувствовать себя в Истории. Вся История, сказала мама папе, состоит из войн, во время которых люди убивают друг друга. Но людям этого мало, и они убивают невинных животных. Они придумали химическое оружие и атомную бомбу, и к тому же уничтожили морскую корову. Этого мама никогда не сможет им простить.

Она, мама, хотела бы быть как Джейн Гудолл. Джейн Гудолл была знаменитой исследовательницей обезьян, поехала в Африку и наблюдала там за шимпанзе — как они живут в природе. Она даже делала обезьянам прививки — чтобы те не умирали от болезней. Это было ее великое дело.

Еще мама хотела быть как Альберт Швейцер. Швейцер был врачом и тоже решил поехать в Африку. Правда, он лечил людей, а не животных. Но кроме него лечить людей в Африке в то время было совершенно некому. И он делал великое дело.

А еще маме нравятся йоги и буддисты. Им вообще не нужна никакая История. Йоги и буддисты просто закрывают глаза, сидят в позе лотоса и думают о чем-нибудь великом. Мама тоже пробовала так сидеть. Нужно скрестить ноги, а потом положить левую ступню на правое колено, а правую ступню на левое колено. Пятками вверх. Очень трудная поза, и у мамы пока в позе лотоса не получается думать ни о чем великом. Только о том, когда же это, наконец, кончится. Поэтому мама пока решила отдельно сидеть и отдельно думать.

Йоги и буддисты не едят мяса. Они считают, что вместе с мясом человек поглощает страдания зарезанных кур и коров. Зачем человеку съесть чужие страдания, если у него своих достаточно? Буддисты вообще против страданий. Они даже, когда ходят, подметают перед собой дорожку мягким веничком — чтобы случайно не наступить на какого-нибудь жучка или божью коровку. Мама пока не решается ходить по улицам столицы с веником, но мясо не ест. Уже два года. Потому что мама любит природу, и любить природу маме нравится даже больше, чем читать.

Папе стало очень обидно, что мама рассказывает ему про любовь к природе, когда перед ней стоит он, папа. И еще папе стало обидно за Историю. Он простился с мамой и твердо решил на ней не жениться.

О своем твердом решении папа думал целый вечер и целую ночь, а потом еще два дня и две ночи.

Через три дня он вообще уже не мог думать ни о чем другом и позвонил маме. «Тут мне пришла в голову одна важная мысль, — сказал папа, хотя никакой специальной мысли, кроме той, чтобы позвонить маме, в голове у него в этот момент не было. — Мне хотелось бы ее обсудить. Ты не возражаешь?» Мама не возражала, потому что стояла хорошая погода и можно было погулять в парке. А еще мама обрадовалась, что папа обратился к ней на «ты». Так даже в Истории чувствовать себя несколько легче, а тем более обсуждать мысли.

И вот мама с папой пошли гулять в парк. Сентябрь был на исходе. Под ногами похрустывали сухие листики. И все вокруг было прозрачным от поредевшей листвы и нежно-радостным от осеннего солнышка.

— Кхе-кхе, — сказал папа. Хотя новые мысли ему в голову в тот день не приходили, у него про запас было полно старых, о которых мама все равно еще пока ничего не знала.

— Я хотел бы прояснить эту ситуацию, с Историей, — сказал папа. — Согласись, мы все рождаемся не просто куда-то в пространство, а именно в Историю. Вот ребенок появляется на

свет. Ну, кто он такой? Зверушка, не более того.

— Ты это серьезно? — мама возмутилась. — Про ребенка? Да если не видеть в нем человека с первого вдоха, разве можно будет воспитать из него что-нибудь приличное? Разве он сможет почувствовать себя полноценной исторической личностью?

— Значит, ты против Истории не возражаешь? — обрадовался папа. — Ты согласна, что все мы должны найти в ней свое место, оставить свой след, обрести смысл жизни? А понять себя — разве это не важно? Но сделать это можно, только если найдешь себе настоящего друга. В диалоге с этим другом. Друг, другой — вот что делает нас настоящими людьми. И встреча с ним — это задача целой жизни, которую нельзя решить раз и навсегда...

Судя по всему, догадалась мама, утром в голову папе пришла не одна мысль, а гораздо больше. И вообще он очень умный. Надо обязательно как-то дать ему знать, что она это поняла. Надо постараться тоже сказать что-нибудь умное, потому что диалог — это разговор двух или нескольких лиц. Но ничего умного мама так и не сказала. Вместо этого она воскликнула:

— Ой! Лягушонок!

— Что — лягушонок? — не понял папа.

— Лягушонок. Вон там. Провалился в яму.

Мама свернула с дорожки и побежала к яме.

— Смотри, смотри, их здесь много!

Папа подошел и тоже заглянул в яму. Яма была свежевырытая, узкая и глубокая. На дне копошились и подпрыгивали плененные лягушата.

— Тут забор собираются ставить, — сказал папа. — Видишь, вон там еще одна яма, и вон там. Похоже, под столбы. А что, эти лягушки сами отсюда не выберутся? Откуда их здесь столько?

— Им не допрыгнуть. Видишь, они маленькие. Это лягушата. Наверное, спешили на свою первую зимовку. Знаешь, как они зимуют? Залезают в водоем и зарываются в ил. Но до водоема надо сначала добраться. Тут, наверное, какая-нибудь лягушачья тропа пролегает, которая к пруду ведет. Они скакали-скакали — и попали в ловушку.

— Ты думаешь, их надо спасать? — осторожно спросил папа.

— Конечно, надо, — убежденно ответила мама. — Разве можно бросить их на дне земляной ямы, таких маленьких? Они все погибнут.

И она тут же представила себе, как они с папой приходят к яме через неделю и видят, что она заполнена дохлыми, посиневшими лягушками, которые лежат вверх животами. Нет, нет, нет...

Папа, видимо, тоже что-то себе представил, потому что вздохнул и спросил:

— Как мы будем это делать?

— Можно было бы соорудить какой-нибудь наклонный помост из веток. Но яма очень узкая. Не получится. Придется руками вытаскивать. Ты когда-нибудь держал лягушек в руках? Они очень нежные. Их можно случайно раздавить.

Папа подумал, что лягушки не только нежные, но еще скользкие, холодные и шевелятся. И что он никогда — никогда-никогда — не держал в руках никаких лягушек. Но мама в этот момент на него смотрела, поэтому он ничем себя не выдал. Ни один мускул не дрогнул у него на лице. Только глаза стали немного грустными. И мама увидела папин мужественный взгляд и поняла: он готов помогать ей и лягушкам. Готов совершить благородный поступок, даже если придется делать это голыми руками. Но на всякий случай — ради безопасности лягушек — мама решила вытаскивать их из ямы сама.

— Я буду доставать, а ты — принимай, — сказала мама. — Только надо этих лягушат не здесь выпускать, а где-нибудь подальше. А то они снова упадут в яму, в другую. Хорошо бы их куда-нибудь складывать...

Тут папа опять повел себя мужественно и благородно.

— Можно мешок сделать, — сказал он. Быстро снял с себя куртку и свернул ее кульком.

Мама засучила рукав, присела у ямы и запустила туда руку. Лягушки тут же прыгнули в разные стороны, стали прыгать на стенки и никак не желали спасаться.

«Так не годится, — подумала мама. — Надо засунуть руку поглубже, до самого дна».

Маме пришлось лечь боком на землю и прижаться щекой к траве.

«Наверное, это очень некрасиво со стороны, — думала мама. — Будто я не человек, а дикое растение, котороеросло в почву одним боком. А что он подумает? Но надо выбирать, — вздохнула она, — красота или лягушки».

Чтобы сосредоточиться на лягушках, мама решила смотреть не на папины ботинки (папу целиком ей не было видно), а в сторону — на низенький куст, который рос неподалеку.

Лягушата по-прежнему увертывались и выскальзывали из пальцев. Но в конце концов мама приноровилась. Сначала она распускала пальцы и накрывала ладонью какого-нибудь лягушонка, потом чуть-чуть сжимала кулак и тащила его вверх, по земляной стенке ямы. Тут наготове поджидал папа с мешком из куртки. Мама подносила лягушонка к куртке, разжимала пальцы над горловиной, и лягушонок оказывался на новом месте. А папа ловко перехватывал мешок и легонько его встряхивал, чтобы лягушонок упал в середину. От напряжения у мамы по лицу бежала струйка пота, а папина куртка слегка шевелилась.

Наконец последний лягушонок был извлечен на свет божий. Папа помог маме подняться. Весь бок у нее был в травинках, а на щеке отпечталось зеленовато-коричневое пятно.

— У тебя лицо грязное, — сказал папа очень нежно.

Мама достала носовой платок и стала тереть пятно, отчего пятно расплзлось по щеке еще шире.

— Все?

— Почти, — сказал папа и подумал, что мама красивая.

Но мама не знала, что подумал папа, и очень переживала, что она такая грязная и страшная, да к тому же только что на глазах у папы валялась на земле, уставившись на дурацкий куст.

— Ладно, пошли, — вздохнув, сказала мама.

Папа поудобнее перехватил свой самодельный мешок, и они стали спускаться под горку — в направлении старого паркового пруда.

— Здесь, наверное, уже безопасно. Ям вроде нет. Дальше они сами доскачут, — объявила наконец мама.

Папа развернул куртку, и лягушата высыпались на землю. Они тут же шустро запрыгали по желтеющей траве, не оглядываясь на своих спасителей, — заторопились к заветному пруду, чтобы поскорее зарыться в ил. Скоро последний лягушонок исчез из виду.

— Хорошо, что мы их спасли! — сказала мама. Потом немножко помолчала и спросила: — Тебе не противно было?

— Нет, — сказал папа тихим и немного грустным голосом. — Мне нравилось, что мы вместе их спасали. И что ты до меня дотрагивалась. Пожалуйста, прикоснись ко мне еще раз.

— Без лягушек не могу. Стесняюсь, — сказала мама. Дальше они пошли молча. Папа нацепил свою куртку на палку, чтобы она немного проветрилась и просохла после лягушек. Палка с курткой на сучке была похожа на флаг. Будто бы маленький отряд спасательной экспедиции возвращался с задания домой. Они шли, шли, шли. И вдруг папа остановился и крепко прижал маму к себе, а мама обхватила папу за шею.

— Теперь, когда ты будешь обо мне думать, — пробормотала мама в плечо папе, — тебе всегда будут мерещиться лягушки — холодные и мокрые... Хотя Иван-царевич вообще женился на лягушке — и ничего!

— Я тоже хочу на тебе жениться, — неожиданно сказал папа.

— А я хочу выйти за тебя замуж. Я это твердо решила, с первого раза, когда ты спросил: «Как вы чувствуете себя в Истории?» Мне, конечно, иногда говорили... Ну, там: «Я тебя люблю!» Но это всегда было как-то скучно. А ты спросил: «Как вы чувствуете себя в Истории?» — и мне сразу стало интересно.

Папа с мамой шли по парку и держались за руки.

— Знаешь, — сказала мама, — еще недавно я думала, что навсегда останусь одинокой и буду гулять по парку одна, с собакой. С такой большой черной овчаркой. Но теперь мы могли бы гулять втроем...

— Зачем нам кто-то третий? — удивился папа. — Нам и вдвоем хорошо!

И мама, хоть и была совершенно счастлива, вдруг поняла, что теперь, в изменившихся обстоятельствах, мечту о собаке будет осуществить еще труднее.

Закон Чарльза Дарвина

Бабушка Аня, раздумывая над каким-нибудь жизненным происшествием, иногда говорила: «Да-а... Жизнь — это борьба за существование!» Эти слова она придумала не сама. И вообще, это были не просто слова, а закон. Закон Чарльза Дарвина. Чарльз Дарвин родился двести лет назад и был натуралистом. Натуралистами называли ученых, изучающих природу, потому что

«натура» в переводе с латинского означает «природа».

Дарвин плавал на корабле «Бигль», наблюдал за животными и описывал, что с ними происходит. Плавал-плавал, наблюдал-наблюдал и понял: жизнь — это борьба. Только благодаря этой борьбе на земле появились все те, кто сейчас здесь живет: птицы, звери, насекомые и сам человек. Но они не перестали бороться и после того, как заняли свои места в природе. Они до сих пор борются. И едят друг друга. Маленькая рыбка съедает червячка, большая рыба — маленькую рыбку, а большую рыбу съедает кто-нибудь еще. Какой-нибудь кашалот или человек. Или червячка съедает не рыбка, а лягушка. Лягушку ловит цапля. А цаплю съедает кто-нибудь еще. Это называется пищевой цепочкой.

Мама очень уважала Чарльза Дарвина — за то, что он был натуралистом и изучал, что откуда взялось. Но она любила животных и не желала считаться с наличием пищевых цепочек. Из-за этого она даже стала вегетарианкой — не ела мяса. Папа соглашался: нельзя слепо следовать каким бы то ни было законам. Но, с точки зрения Истории, достаточно было бы того, чтобы люди не ели друг друга. На остальное можно закрыть глаза. По крайней мере, пока. На этой стадии технического прогресса. К тому же игнорирование пищевых цепочек плохо сказывалось на семейной жизни.

Ведь мама не просто не ела мяса: она не хотела его готовить. И папе приходилось самостоятельно резать колбасу для бутербродов. Это очень мешало папиному творчеству, потому что делать бутерброды и заниматься творчеством в одно и то же время совершенно невозможно. Папа даже стал подозревать, что мама ценит каких-то глупых кур и коров больше него, папы. Пусть она хорошенько подумает, прежде чем сделает окончательный выбор!

Мама отказывалась. Она считала, что выбирать не из чего: папа — это одно, а пищевые цепочки — совсем другое. Папа вздыхал и говорил себе: раз он любит маму, ему придется терпеть ее чувства к коровам. Но что он не желал терпеть ни под каким видом, так это мамины чувства к дельфинам.

Пока мама была настолько занята, что не могла завести собаку, ее любимыми животными временно были дельфины. Они плавали далеко в море и не требовали особого ухода.

Кто-то рассказал маме, что дельфины очень умные и даже умеют читать мысли на расстоянии. А один знакомый йог поведал ей по секрету, что дельфины произошли от людей. Или наоборот: люди когда-то были дельфинами. В общем — одно из двух. Йог даже показал маме таинственную картинку из древнеегипетской книжки. Поэтому, объяснял он, очень важно подружиться с каким-нибудь дельфином, а потом родить ребенка в его присутствии. Тогда этот ребенок будет все очень тонко чувствовать, и у него откроется третий глаз. Про третий глаз известно из древних книг. Будто бы им можно видеть вещи насквозь. И будто бы он есть у всех людей. Но люди об этом не догадываются, потому что обычно этот глаз закрыт. А еще друзья дельфина могут научиться проходить сквозь стены.

Мама мечтала подружиться с дельфином и родить ребенка с третьим глазом — прямо в морскую воду. На двери ее комнаты висела огромная картинка из японского календаря: лиловая женщина на фоне красного морского заката гладила голубовато-розового дельфина.

И вот, когда папа переехал к маме, он первым делом потребовал снять со стены мамину любимую картинку.

Папа заявил, что теперь, когда у мамы есть он, ей вряд ли понадобится другой такой же умный

друг, пусть даже и дельфин. К тому же папе не нужны в семье никакие водоплавающие циклопы. (Циклопы — это такие чудовища из греческих мифов, у которых глаз был в середине лба.) Конечно, папа совершенно не возражает против появления нормальных детей. Но будет вполне достаточно, если эти дети будут входить, куда надо, не через стену, а через дверь, и вежливо здороваться с окружающими.

Мама уверяла папу, что третьего глаза снаружи не видно. Это внутренний глаз, которым можно различать свечение вокруг человеческой головы и по свечению узнавать, хороший человек или плохой. Папа заявил, что он умеет это делать без дополнительных приспособлений и хочет, чтобы его дети научились смотреть фактам в лицо двумя нормальными глазами. Это тоже непросто. Что касается душевной тонкости, то лично ему для этого никакой дельфин не понадобился. Ну, а чтобы мама научилась читать папины мысли на расстоянии, ей нужно подробно ознакомиться с содержимым вот этих двух книжных шкафов.

Маме пришлось признать, что папа в некотором смысле заменил собой дельфина и ей придется отказаться от своей лилово-розовой мечты, а заодно — и от родов в воду. Поэтому Костик с Гришкой родились, как самые обычные дети, — в роддоме и без дополнительных глаз.

Но это не означало, что папа одержал окончательную победу.

Пусть без помощи дельфинов, мама собиралась вырастить из своих детей настоящих любителей природы.

Гришка родился первым, на три года раньше Костика. Чтобы он рос добрым, мама решила не давать ему пищу, замешанную на страданиях невинных животных. Зато Гришка мог пить молоко и компот — сколько хотел, есть творог, мед, морковку и орешки. И еще он в любое время мог грызть капустные кочерыжки — очень полезные для растущих зубов и других органов.

Папе это совершенно не нравилось. Но он не мог все время думать о Гришкиных кочерыжках, потому что из-за бутербродов у него и так было мало времени на творчество.

Зато у бабушки Ани времени было предостаточно, и она твердо знала: кочерыжки — еда, подходящая только для эвакуации. И, когда Гришку привозили к ней в гости, бабушка втайне от мамы кормила его мясными котлетками. Эти котлетки маленький Гришка просто обожал. А мама ничего не знала и думала, что ее сыночек вот-вот станет йогом или буддистом и сядет в позу лотоса!

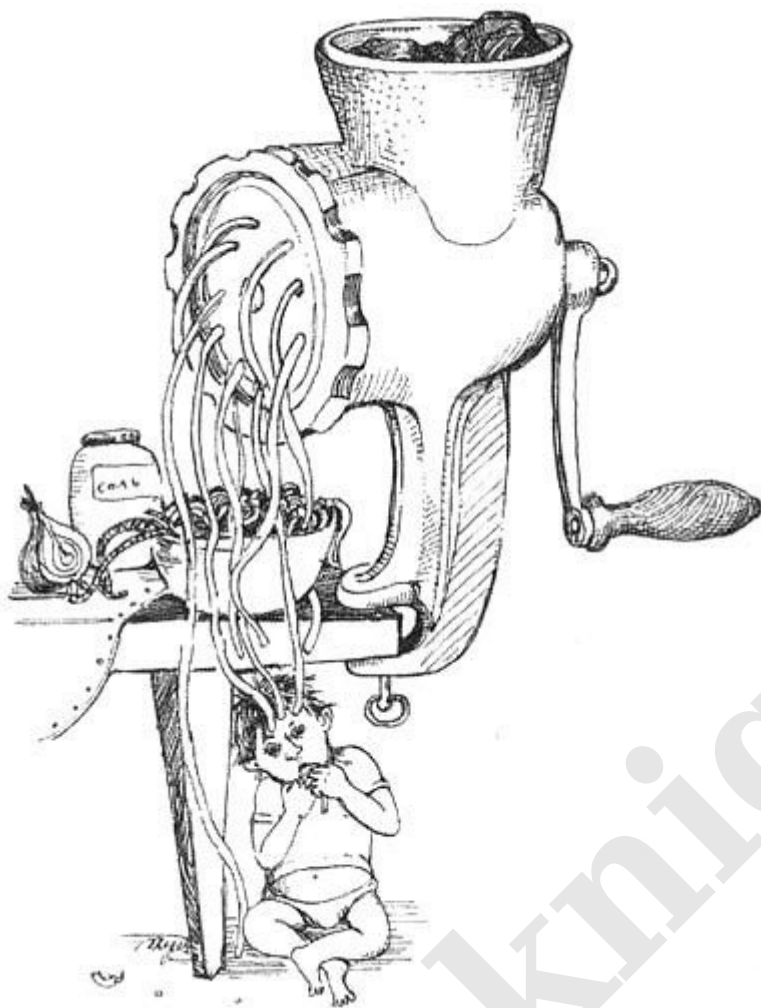
Но однажды все раскрылось.

Гришка приехал к бабушке, она решила сделать ему котлетки и уже приступила к осуществлению своего преступного плана, но тут ее позвали к телефону. Маленький Гришка, фарш и мясорубка остались в кухне совершенно одни, без всякого присмотра.

Гришка посмотрел на мясорубку, посмотрел на фарш, а потом — на дверь, за которой скрылась бабушка, и понял, что в таких обстоятельствах ему придется ждать котлеток очень долго...

Мама приехала за Гришкой неожиданно. Она сделала все дела раньше времени и вернулась не вечером, как обещала, а днем — как раз в то время, когда бабушка говорила по телефону. Мама вошла в кухню и увидела на столе мясорубку. Из мясорубки торчали хвостики сырых мясных трубочек. Потом она посмотрела кругом и увидела под столом Гришку. У него изо рта тоже торчали сырые мясные трубочки. А еще несколько слипшихся трубочек он зажал в

кулачках — про запас. И вот Гришка сидел под столом, жевал сырой фарш и чавкал от удовольствия: на губах у него надувались красные пузыри.

От неожиданности мама так растерялась, что целую минуту (или даже две) молчала и смотрела, как ее будущий йог поедает невинно убитых животных прямо в сыром виде. Потом спохватилась, отобрала у Гришки то, что еще было возможно, и понесла его в ванную — отмывать.

Папа, узнав о случившемся, сначала просто обрадовался: наконец-то пришел конец всем этим кочерыжкам! Но потом вспомнил про закон Чарльза Дарвина и сказал: вот к чему приводит нежелание смотреть фактам в лицо! В ребенке пробуждается алчная страсть к недозволенному — причем в самом диком и первобытном виде. В результате маминых усилий Гришка, может быть, и согласится сидеть в позе лотоса — днем. Зато вечерами будет рыскать по городу в поисках мяса, питаться тушками городских голубей, крыс и других бродячих животных, которых легко поймать на помойках. И, чтобы добыть фарш, станет проникать сквозь стены ларьков и витрины магазинов...

Мама пришла в отчаянье. Целый вечер она думала — о Гришке, папе, невинно убитых животных, о буддистах и законе Чарльза Дарвина. В конце концов ей пришлось признать, что жизнь — это борьба, от пищевых цепочек никуда не деться, и пусть лучше Гришка ест жареные котлетки, чем сырой фарш. И еще мама подумала, что стоит заодно жарить котлетки для папы, пока в нем не пробудилась какая-нибудь запретная первобытная страсть.

Когда Гришка немного подрос, мама пошла работать в школу. Не в ту, о которой она когда-то мечтала, а в самую обычную. И вдруг оказалось, что школа так же плохо совместима с вегетарианством, как и папино творчество. Маме приходилось так много готовиться к урокам и проверять так много тетрадей, что у нее совсем не осталось времени грызть кочерыжки. Кроме того, после школы она всегда была страшно голодной.

— Я сегодня поставила семь двоек за контрольную по математике и пять двоек — за безударные гласные в диктанте, — тяжело вздыхая, говорила мама. — Я так зла, что должна съесть на ужин кусок мяса. Иначе завтра в школе я съем какого-нибудь ученика! А ведь главное в этой жизни — не есть людей!

Примерно в это же время дельфины перестали быть маминими любимыми животными. Они этого даже не заметили, так как плавали где-то далеко в море и не особо в ней нуждались. Мама снова стала мечтать о собаке.

Конечно, теперь ее после работы встречал папа. Он носил мамину сумку и гулял с ней по светлому и темному парку. К тому же у мамы были Гришка и Костик, исключавшие всякую возможность одиночества и, в отличие от дельфинов, требовавшие постоянной заботы.

И все-таки маме казалось, что в их с папой доме есть одно свободное местечко — как раз для собаки. Но теперь собаку опять нельзя было завести. Из-за папиных взглядов на жизнь.

Как мама не умела ругаться матом

Когда папа был маленький, у него, как и у мамы, дома не было никаких животных. Почему, точно не известно. Но это, по мнению папы, плохо на нем не сказалось, потому что летом папины родители отправляли его к бабушке в Покров. Покров был небольшим городком, и люди там жили в деревянных домиках. Так что при желании его вполне можно было считать деревней. Папина бабушка тоже жила в самом настоящем деревянном доме. А кроме бабушки, в этом доме жила старая и мудрая кошка Ньюска.

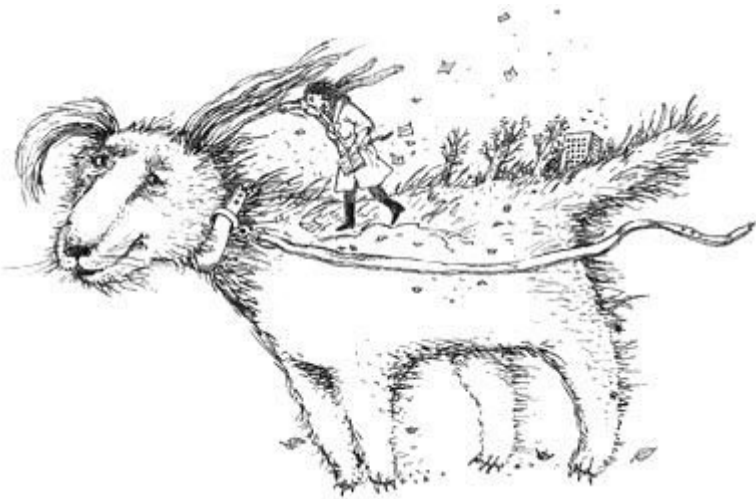
— А что же — собаки в будке у вас не было? — допытывалась мама.

— Будка была, а собаки не было, — отвечал папа и не видел в этом ничего удивительного.

Наличие Ньюски обеспечивало папе явное преимущество перед мамой. Мама это признавала, но пыталась выяснить, всегда ли Ньюска была старая и в чем состояла ее мудрость. Папа отвечал, что копаться в деталях не имеет смысла. Надо прямо смотреть фактам в лицо и учиться принимать реальность. Когда мама посмотрела фактам в лицо, то догадалась: старая мудрая кошка Ньюска как-то так повлияла на папу, что он навсегда расхотел иметь собаку.

Вообще-то папа ничего не имел против собак. Но он, почти как бабушка Аня, любил их на расстоянии. Только доводы у него были другие.

— Собака, — говорил папа, — требует человека с характером. Ее воспитывать надо. А ты? Разве ты сможешь воспитывать собаку? Ты не в состоянии толком воспитать даже собственных детей! Посмотри: они совершенно не понимают слова «Нельзя!». Они ведут себя как стая плохо дрессированных щенков.

Под «стаей щенков» папа имел в виду Костика и Гришку. В первую очередь, Гришку. Но так как один Гришка не мог считаться стаей, папа вынужден был прибавлять к нему Костика.

— Ты не видел настоящую плохо выдрессированную стаю! — защищалась мама. — Вот приходи ко мне в школу на переменке. Я тебе покажу!

— И это говорит профессиональный педагог! — возмущался папа. — Никто не умеет работать с детьми. Но все хотят иметь собаку! Да непослушная собака в сто раз хуже непослушного ребенка! Она может быть опасной.

— Собака — не тигр и не лев, который при каждом удобном случае съедает своих хозяев. Собака — это домашнее животное, друг человека с первобытных времен. У половины моих учеников дома живут собаки. У твоих лучших друзей есть собака, — наступала мама.

— Да знаешь ли ты, — менял тактику папа, — что хозяин собаки должен быть готов в критический момент ее ударить, если она вышла из повиновения? Ты можешь кого-нибудь ударить?

— Если потребуется, то смогу, — гордо отвечала мама. Когда она училась в третьем классе, то ударила своего одноклассника книжкой по голове, потому что тот гнусно дразнился. Но в отношениях с большой черной овчаркой, которая носит в зубах сумку и охраняет хозяев в темном парке, никакие критические моменты, была уверена мама, просто невозможны.

— А матом? Матом ты умеешь разговаривать? — вкрадчиво интересовался папа.

— При чем тут это? — мама сразу теряла наступательную энергию.

— А при том, что все владельцы кричат и ругаются на своих собак. И случается — матом.

Мама должна была честно признаться: она не очень умеет ругаться матом. («У меня было недостаточно практики», — объясняла она.) Но совсем недавно, даже не зная, как это важно для хозяина собаки, она прочитала про мат очень интересную книгу. Оказывается, пересказывала мама, в глубокой древности матерные слова считались священными и употреблялись во время земледельческих обрядов. С помощью этих слов люди призывали Небо взять Землю себе в жены. Употреблять священные слова разрешалось только жрецам. Ведь слова использовались для выражения сильных чувств — очень сильных чувств. Теперь древние обряды забыты, и матерная речь потеряла магическую силу. Однако закон, запрещающий использовать такие слова в обычной жизни, по негласному договору, действует и сейчас.

Мама увлеклась и совсем забыла: умение ругаться матом просто необходимо, чтобы иметь собаку. Она вслух размышляла, что делать с людьми, которые не понимают правил. Особенно ее интересовали случаи, когда такими людьми были дети. И эти дети учились в ее школе...

Но папа маму перебил, потому что вспомнил, как он тоже читал книгу — про исследование человеческого мозга. Оказывается, за матерные слова в мозгу человека отвечают совсем не те центры, благодаря которым человек обычно разговаривает. Эти центры находятся в другой половине головы. Они подают сигналы, когда человек сильно возбуждается.

Тут мама перебила папу. Она вспомнила, как работала в студенческом стройотряде. В то время, когда мама училась в институте, все студенты летом отправлялись куда-нибудь работать — что-нибудь строить, полоть или собирать. Это называлось «стройотряд». Однажды маминотряду поручили перегнать годовалых телят с одного пастбища на другое. Телят выпустили из коровника, и они понеслись сломя голову по дороге. А вдоль дороги цепочкой стояли студенты и защищали своим телом засеянные поля, чтобы телята туда не забежали и не потоптали урожай. Но телята очень быстро обнаружили дыры в студенческом строю, свернули с намеченного пути и, задрав хвосты, понеслись в пшеницу. Почти как кобылица в сказке про Сивку-Бурку. Тогда все, кто стоял вдоль дороги, бросились за ними — выгонять с поля. При этом все очень громко кричали и ругались. И она, мама, тоже ругалась. Она кричала: «Ах ты, дрянь!» и «Ах, козел!» Хотя никаких козлов в стаде не было. Быть может, она даже кричала какое-то нехорошее слово. Очень может быть. Одно вот ей приходит на память. Слова выскакивали из мамы сами собой, будто кричал кто-то другой внутри нее. Теперь-то она понимает, почему пастухи всегда ругаются матом: они просто сильно возбуждаются — из-за непослушных коров.

Да-да, заключила мама, теперь ей многое понятно. Вот недавно она проходила мимо пивного ларька. К ларьку подошел мужик и стал что-то говорить продавщице — не по-русски, а на том, древнем языке, на котором, вообще-то, нельзя говорить. Но мама не застеснялась и даже почувствовала теплоту в душе, потому что только что закончила читать книжку про мат. Теперь, после разговора с папой, мама поняла еще одну важную вещь: этот мужик, наверное, сильно возбудился — из-за продавщицы и из-за пива, которым она торгует. Его переполнили неподвластные разуму чувства, и он целиком оказался во власти другой половины головы.

Тут папа стал советовать маме почитать еще какую-нибудь книжку, которую они потом обсудят. Потому что мамы симпатии к мужику у ларька плохо вяжутся с нетерпимостью, которую она проявляет к детям в школе. А чем они хуже мужика? Они тоже возбуждаются. Их тоже переполняют чувства! С этим обязательно нужно разобраться, и это гораздо интересней, чем обсуждать несуществующую собаку.

— Тем более что с собакой надо гулять, — подытожил папа. — Кто будет гулять с собакой, скажи на милость? Ты с утра уйдешь в свою школу, а я, значит, выходи на улицу в проливной дождь и в лютый мороз? А если у меня высокая температура?

И папа выразил предположение, что мама, наверное, просто не хочет, чтобы он занимался творчеством, раз готова обменять его на первую попавшуюся собаку.

Мама стала убеждать папу, что он неправильно ее понял, что она очень сильно его любит, несмотря на желание иметь четвероногого друга. Пусть папа и дальше занимается творчеством, а разговор о собаке надо просто немного отложить.

Разговор о собаке откладывался, и ее место в доме продолжало пустовать.

Тухлые рыбки и сломанный нос

Это пустое место — оно было очень заметно. Поэтому Костик тоже хотел собаку. Такую небольшую собачку вроде спаниеля, у которой уши достают почти до земли. Иногда Костик даже представлял, как эта собачка бежит ему навстречу и хлопает своими ушами, завивая вокруг веселые струйки пыли и сухих листьев. Но он боялся, что у папы от этого поднимется температура, и поэтому не мог хотеть очень сильно.

А вот Гришка собаку совсем не хотел. Гришка хотел крокодила.

— Если хочешь знать, крокодил умнее твоей собаки. В сто раз. Знаешь, как он охотится? Притворится бревном и лежит. Комбинации разные продумывает. Может полдня лежать. Даже больше. Только глаза над водой оставит, как бинокли, чтобы за берегом следить. А потом какая-нибудь антилопа на водопой сунется, он ее — ам! И сразу пополам перекусывает!

— И кого же он у нас будет перекусывать?

— У нас — никого. Я его приручу. Это будет такой ручной крокодил. Домашний. Собака, думаешь, сразу домашней была? Да ее сто лет приручали! Даже больше. И она, если хочешь знать, тоже хищник. Думаешь, собаки всегда сухой корм ели? С геркулесовой кашей, да? Они охотились, твои собаки. Как крокодилы. Мясо ели. Живое.

— А крокодила тоже сто лет приручать надо? — Костик подумал, что у Гришки в этом случае может не хватить времени.

— Нет, я его быстро приручу. Сейчас наука приручения уже развилась. Новые приемы. Стимул — реакция.

— Что-что?

— Ну, свистишь, — Гришка показал, как он будет свистеть крокодилу, — а потом кидаешь кусочек мяса. Или рыбы какой-нибудь. В общем, что крокодилу нравится. И он к тебе быстро привыкает. А еще у него надо найти места, где его чесать, а ему приятно. Также приручать помогает. Я думаю, это на лбу, между глазами.

Было не очень понятно, откуда Гришка знает, где чесать крокодилов. Было также непонятно, есть ли у крокодила лоб. По мнению Костика, у крокодила был только нос. Но Гришка сказал, что брат ничего не понимает в крокодилах.

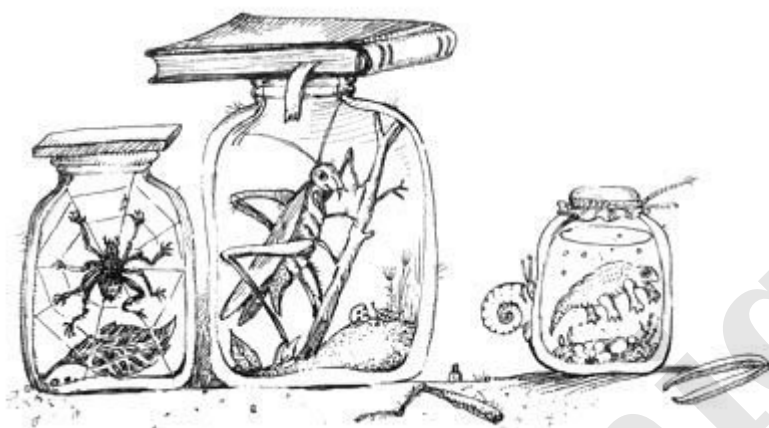
— У крокодила даже сердце как у человека. Из четырех частей. Две части слева и две части справа. Отделены друг от друга перегородкой. В одну половину сердца вливается синяя кровь, а из другой выливается красная. Я на картинке в энциклопедии видел. Но у крокодила перегородка между половинами не полностью выросла. Поэтому в середине сердца у него кровь фиолетовая. Знаешь, как красиво!

Короче говоря, Гришка по-настоящему восхищался крокодилами. Он знал, где какие крокодилы живут, что едят и сколько весят. Будь у него дома крокодил, Гришка бы часами за ним наблюдал. А лучше — два крокодила. Тогда бы они откладывали яйца и, когда выведутся маленькие крокодильчики, носили их в пасти. Крокодилы просто обожают своих малышей, очень осторожны и никогда не сделают малышам больно. Поэтому крокодилатам нравится сидеть между острыми зубами мамы или папы.

Но крокодилам нужен очень большой аквариум. Величиной в полкомнаты. Или даже в целую комнату. Иначе им будет тесно и они не захотят приручаться.

Пока такого аквариума у Гришки не было, думать о крокодилах было бесполезно и он довольствовался малым.

То ли из-за того, что Гришку в раннем детстве нерегулярно кормили мясом, то ли из-за того, что однажды он наелся сырого фарша, а может быть, по какой-нибудь другой причине, у него очень рано открылись биологические наклонности. В том смысле, что он наклонялся над каждой встречной лужей, совал туда нос и руки, вылавливал все, что попадется, и тащил домой. Дома он рассаживал это «все» по банкам и с восторгом рассказывал, что где у них находится и что они умеют делать.

Иногда он даже демонстрировал Костику возможности этих странных существ.

— Вот саранча и вот саранча. Видишь? Сабли видишь? А челюсти, челюсти видишь? Эту саранчу в кино снимать можно. В фильмах ужасов. Если их в сто раз увеличить, они человека запросто перекусят. Ты что, чувак, не веришь? Да я тебе прямо сейчас фильм ужасов покажу!

Костик немного боялся, но ему было интересно. Он же не знал, что именно собирается показать Гришка. А потому молчал, то есть соглашался. И Гришка от этого молчаливого согласия очень вдохновлялся. В порыве вдохновения он запускал одну саранчу в банку к другой.

— Сидите? — хитро спрашивал он то ли у Костика, то ли у саранчи. — А теперь мы вас разозлим!

С видом фокусника-виртуоза, собирающегося продемонстрировать смертельный номер, Гришка запускал в банку соломинку и тыкал по очереди в каждую саранчу. Насекомые приходили в движение. Как гладиаторы на арене римского цирка, они бросались друг на друга, ослепленные яростью и смертным ужасом.

— Смотри, смотри! — в диком восторге кричал Гришка. — Они едят друг друга!

Костик смотрел. Костик не мог оторваться, пока представление не оканчивалось: на дне банки лежали две обезображенные хитиновые шкурки.

— Хищники, — с удовлетворением констатировал Гришка. — Страшная вещь.

Мама не знала всех этих подробностей. Мама считала, что интерес к насекомым, паукам и прочей хладнокровной и хитиновой живности — вещь довольно редкая, по-своему ценная. Мама удивлялась, что Гришка знает всех их по именам. Мама считала, это очень полезно.

У нее во втором классе учился мальчик Паша, который долго не мог научиться читать. А потом мама повела свой класс на экскурсию в лес, и экскурсовод, который рассказывал им про окружающую природу, поймал в траве богомола. Это такое насекомое, похожее на кузнечика, только намного крупнее. Богомола посадили в банку с травкой и принесли в класс, чтобы немного за ним понаблюдать. Богомол так поразил Пашу, что он наблюдал за ним три дня — все-все перемены и даже немножко на уроках. В конце концов ему на глаза попала этикетка на банке. Паша с минуту напряженно смотрел на эту этикетку, а потом очень внятно и четко прочитал: «Бо-го-мол».

С этого момента его развитие заметно продвинулось вперед. Кроме того, считала мама, если из Гришки не получился вегетарианец, может, из него получится биолог. А биологи тоже любят животных.

Но папа был категорически не согласен с мамой. «Не путай биологов с буддистами, — убеждал он. — Некоторые биологи действительно изучают животных. Но для этого им не обязательно подметать перед собой дорожку веничком!»

И еще папа считал, что Гришкино развитие от присутствия в банке богомола (саранчи, тритонов, жуков-плавунцов, головастика и водомерок) никуда не продвинется. Во-первых, Гришка давно научился читать, во-вторых, он совершенно не умеет обращаться с животными. И папа неустанно боролся с Гришкиными наклонностями — почти так же, как когда-то с дельфинами. Но с гораздо меньшим успехом.

Как-то папа вернулся домой чуть раньше обычного. Впереди у него было два с половиной дня, чтобы позаниматься творчеством.

Он быстренько принял душ, быстренько поел, быстренько позвонил по телефону, потом походил туда-сюда по комнате, собрался с духом, сел за стол, включил компьютер... И тут оказалось, что заниматься творчеством совершенно невозможно! Что-то мешало папе. Он сидел и думал, что же это такое. А потом понял: ему мешает дух! В смысле, запах. Этот странный запах шел из соседней комнаты — той, где жили Гришка с Костиком.

— Та-а-ак... — тяжело проговорил папа и пошел в детскую.

— Та-а-ак! — повторил он еще более угрожающим тоном, обнаружив на подоконнике вонявшую трехлитровую банку. Банка была доверху наполнена водой, и в ней, как в магазине живой рыбы, вяло шевелили плавниками и тяжело открывали рты больше десятка крупных рыб.

— Рина! — позвал папа голосом, не предвещающим ничего хорошего. — Что это такое? Взгляни!

— Рыбы, — растерянно сказала мама, входя в детскую. — Плавают. Кажется, ротаны. Или головешки.

— Я сам вижу, что это рыбы, — отрезал папа. — Ты считаешь, эти головешки плавают? По моему, они подышают. Откуда они взялись?

— Наверное, Гришка в пруду наловил. Он всю последнюю неделю мечтал о рыбалке.

— Ты что — поддерживаешь бессмысленное убийство невинных рыб?

— Нет, — быстро-быстро отвечала испуганная мама. — Я допускаю охоту и рыбалку только ради пропитания.

— Кто, кто собирается этим питаться? — потрясал папа рукой, указывая в сторону страшной банки и обращаясь не столько к маме, сколько к Высшим Силам Справедливости.

— Саша, ну подожди кипятиться. Наверное, Гришка решил завести себе рыбок. Ведь в самом намерении ничего плохого нет? Быть может, он хочет создать экосистему местного водоема. Такой эксперимент...

Тут папа впал в неистовство.

— К черту эксперименты! — кричал он. — Я не дам превратить свой дом в безнравственную лабораторию! Эти рыбы еще не окончательно подошли, но уже протухли!

— Конечно, им здесь тесновато. Может быть, надо купить с полочки большой аквариум... Все-таки биологические склонности ребенка надо уважать.

— Это кто кого здесь не уважает? — папа уже разошелся не на шутку. — Здесь не уважают чужую жизнь! Здесь превращают живых существ в игрушки! Здесь не делают исключений даже для людей! Даже для тех, кто занимается творчеством!

— Ребенку для правильного развития нужны в доме животные, — пыталась урезонить его мама. — Вот если бы мы завели собаку, может быть, никому и не захотелось бы ловить рыбу. (Мама еще не знала, что Гришка хочет крокодила.)

— Ну, конечно! Тогда бы этот Никто с утра до вечера ловил собак!

— Но ребенок должен о ком-нибудь заботиться.

— Это ты называешь заботой? Бессердечно наблюдать массовую гибель несчастных существ, законсервированных прямо в живом виде? Чтобы к вечеру в моем доме не было никаких экспериментальных консервов!

Папа хлопнул дверью и ушел гулять в парк. Без мамы. Без собаки. Совершенно один. А что было делать, если ужасный запах рыбок не давал ему заниматься творчеством?

Мама осталась дома — грустить и размышлять. Возможно, развитие Гришкиных биологических наклонностей требовало жертв в виде некоторого количества рыб и саранчи. Так полагается в науке: чтобы выяснить, что как устроено и кто кого поедает, проводят опыты. Но вдруг в этих опытах и рождается желание съесть человека?

Сама мама опыты не любила. Ей было жалко маленьких шимпанзе, которых отбирали у мам-обезьян и смотрели, насколько ненормальными они вырастут. И жалко крыс, которых били током для проверки умственных способностей. И собак, которым пришивали вторую голову. Мама даже не ходила в цирк, потому что не любила выступления дрессированных животных.

Вот Джейн Гудолл, думала мама, просто поехала в Африку и наблюдала, как обезьяны живут в природе. А поняла про них ничуть не меньше тех, кто растил бедных обезьяньих детенышей на железных каркасах с бутылками молока.

— Я и наблюдал, — отмахнулся Гришка от маминых опасений, когда пришел из школы. — Я вообще их не удочкой ловил, а сачком — чтобы дырок в губе не было. Там ребята для кошек ловили. А я — для себя. Чтобы жили. И вообще... — Гришка вдруг сменил тему, — я как Даррелл хочу быть. Заповедник устроить...

— Вот-вот! Лучше устрой заповедник! — обрадовалась мама. — Когда вырастешь, конечно.

— Ну, да! Устрой! — насупился Гришка. — Для этого знаешь сколько денег нужно? Чтобы землю купить. С лесом. А у нас даже третьей комнаты нет...

Мама не поняла, при чем здесь третья комната. Она торопилась организовать отступную экспедицию.

Накормив Гришку котлетками, мама осторожно и ласково сообщила ему: выловленные в пруду рыбы испускают запах, который мешает папиному творчеству. К тому же Гришка уже достаточно понаблюдал за содержимым банки и теперь с легким сердцем может вернуть его туда, откуда взял. И сейчас все, кто не пошел бродить по парку в одиночестве, отправятся к пруду. А на обратном пути мама купит Гришке с Костикум раскраски с динозаврами: Гришке — для поощрения биологических наклонностей, а Костику — за компанию.

Рыбок вернули в родной пруд. Некоторые, правда, уже не могли уйти под воду и еле удерживались, чтобы не перевернуться кверху брюхом. На ветку растущего рядом с прудом дерева уселась ворона и следила за рыбками жадным черным глазом.

— Вон как смотрит! А рыбку ей не достать, — то ли осуждающе, то ли с сочувствием сказала мама. — Эй, ворона, ты же не чайка!

Гришка с Костиком стояли и тоже смотрели на воду.

Костик думал: как было бы хорошо, если бы папа поскорее вернулся домой и помирился с мамой. Мама думала: если бы у нас была собака, она побежала бы по парку, нашла папу и привела его сюда. А лишившийся рыбок Гришка думал о третьей комнате. Но это выяснилось только через два дня.

Через два дня папа опять не смог заниматься творчеством. И опять из-за Гришки. Точнее, из-за Гришкиного носа.

В двенадцать часов дня папе позвонили из школы и сказали, чтобы он срочно приехал: Гришка на перемене подрался, и, судя по некоторым признакам (по цвету и размеру), ему сломали нос. Мама работала в этой же школе, но в другом здании. Она в это время давала открытый урок для каких-то начальников и ничего не знала. А сказать ей про Гришку во время такого ответственного мероприятия никто не решился. Папа взял такси и помчался в школу. Он забрал из школы Гришку, а заодно и маму, которая только что закончила свой урок и страшно удивилась появлению папы.

— У Гришки сломан нос, — коротко сообщил папа. — Из-за крокодила в третьей комнате.

— А-а-а... — неопределенно ответила мама, хотя ничего не поняла. Потом она увидела Гришку с мокрыми глазами. Его нос сильно увеличился в размерах и был точно такого же цвета, как середина крокодилова сердца. Поэтому мама не стала больше ничего спрашивать.

Мама, папа и Гришка сели в черную «Волгу», которую один начальник на время одолжил маме за хороший урок, и поехали в Филатовскую больницу. Врач осмотрел Гришку, оценил ущерб, нанесенный его физиономии, и сказал, что надо делать операцию. Гришку оставили в больнице, а расстроенные мама и папа вернулись домой. Мама была просто расстроенная. А папа — расстроенный и злой.

— Ты представляешь, что учудил этот «биолог»? — рассказывал папа историю, которую узнал от школьной медсестры. — Пришел в школу и стал одноклассникам лапшу на уши вешать, будто у него дома крокодил живет. В одной комнате — мама с папой, в другой — Гришка с братом, а в третьей комнате стоит огромный аквариум, и там плавает крокодил. Стоит Гришке

этому крокодилу свистнуть, как тот тут же бросает все свои дела и плывет к бортику. Гришка гладит крокодила по головке, кормит из рук и чуть ли с ним не целуется. И морда у крокодила тонкая-тонкая...

— Гавиаловый, — тяжело вздохнула мама.

— Что-что?

— Гавиаловый. Мы недавно в зоопарке в террариум ходили и видели там гавиаловых крокодилов. Гришке очень понравились. У этих крокодилов длинные острые морды. Они часами сидят с раскрытыми пастьями и не шевелятся. Я сначала даже подумала: может, чучела? Но потом один из них вдруг решил закрыть пасть, и челюсти у него стали смыкаться — как в кино с замедленной съемкой... А глотку крокодила, чтобы в нее не заливалась вода, закрывает кожистая складка.

— Вот-вот. Складка, коготь, бородавка. Все описал, как по картинке. Одного не учел. У них в классе еще один «биолог» есть. И этот биолог — конкурирующая фирма — возьми и скажи: «Врешь ты все! Гавиаловые крокодилы не приручаются! И третьей комнаты у тебя нет. Твоя мама сама моей маме говорила, что вы в двухкомнатной квартире живете». Гришка так разозлился, что полез в драку — защищать свою биологическую честь. Будто у него действительно в третьей комнате крокодил, а в шляпе — белый кролик. Вот и получил по носу.

Костику было жалко Гришку — когда мама рассказала про его нос, какого он цвета. Костик подумал, что Гришка не смог дотерпеть. Не смог дожидаться, когда он вырастет, разбогатеет и устроит заповедник для крокодилов. Пока были рыбки, он еще терпел. А потом рыбок не стало, и терпение кончилось.

— Мне кажется, он сам верил в то, что рассказывал — про крокодила в третьей комнате, — сказала мама.

— То есть удачно обманул сам себя, — подвел итог папа.

Мама тяжело вздохнула, и они с папой замолчали. Папа уткнулся в газету, мама смотрела в окно, хотя там уже ничего не было видно. А Костик смотрел в стол.

И тут в голову папе пришла мысль. В этом не было ничего необычного: папе все время в голову приходили мысли.

Но на этот раз они касались Гришкиных наклонностей.

— Если Гришка всерьез интересуется биологией, надо перевести его в биологическую школу. Вот вправят ему нос, и пусть идет сдавать экзамены.

— Правда, пусть идет, — согласилась воспрянувшая духом мама. — Но это, знаешь ли, не решит все проблемы. Все равно в доме нужно какое-нибудь животное — чтобы заботиться...

— В данный момент ты должна срочно позаботиться обо мне. Иначе я могу превратиться в животное. С этой беготней по школам и больницам у меня с утра крошки во рту не было.

О духовной пище я даже не говорю.

— Да, да, конечно, — опомнилась мама и принялась готовить ужин.

Перед сном она пришла почитать Костику.

— Есть одно стихотворение, которое я запомнила с детства, — сказала мама. — Даже не знаю, почему. Его написала поэт Эмма Мошковская:

Игрушки, конфеты
мне не дарите.
Все это, все это
вы заберите.
Мне крокодила,
такого большого,
такого живого
лучше купите...

— Правда, смешно?

— Что смешно?

— Что не один Гришка мечтал о домашнем крокодиле? Костику почему-то не было смешно, и он не знал, что сказать.

Поэтому мама и Костик немного помолчали.

— Да, не только Гришка хотел завести дома крокодила, — сказала мама. — Но только он получил за это по носу. Или совсем не за это? — грустно вздохнула она.

Крыса-пианист

История с крокодилом имела отдаленные и совершенно неожиданные последствия — в виде крысы, которая на время заняла в доме место собаки.

Точнее, не заняла, а занял, потому что крыса был мужского пола. Вообще-то для животных разных полов обычно существуют специальные слова: волк — волчица, медведь — медведица, воробей — воробиха. Иногда такие слова звучат совсем непохоже друг на друга: пес — собака, конь — лошадь, петух — курица. Но они все-таки есть. Для крысы же никаких специальных слов придумать не потрудились. Она — «крыса», и он почему-то тоже «крыса». Полагается говорить «самец крысы» или что-нибудь в этом роде. Но маме это сочетание решительно не нравилось. Разве можно в обычной жизни так говорить о животном?

— У тебя кто?

— У меня пес (кот, хомячок). А у тебя кто?

— У меня — самец крысы.

Все были согласны с мамой. Поэтому крысу звали просто Крыса: Крыса поел, Крыса поспал, Крыса залез. Ничего страшного, говорила мама. Ведь зовут же некоторых человеческих девочек Саша или Женя. Почему же крысиных мальчиков не могут звать Крыса?

Крыса был даром любви. Так сказала мама, представляя Крысу папе. И хотя Крыса, как и многие другие, появился в доме из-за Гришки, папа не смог его отвергнуть.

* * *

К моменту начала этой истории Гришка уже заметно подрос и учился в биологической школе. Время от времени он по-прежнему ездил в гости к бабушке Ане поесть котлеток.

А после этого надевал резиновые сапоги, брал сачок, трех-литровую банку, обязанную вокруг горлышка веревкой, и отправлялся к пруду, в котором когда-то жил рак Гоша.

Во времена рака Гоши пруд был большим, с мелководными болотистыми берегами, сплошь заросшими камышом. По всему пруду были раскиданы островки, облюбованные рыбаками. Вода цвела пятнами тины. Кое-где виднелись желтые кубышки (такие цветы, которые обычно называют кувшинками) — предмет капризных желаний местных красавиц. Влюбленные смельчаки добирались до вожделенного цветочка на утлых плотиках, на бревнах или просто по дну, бредя по пояс в воде. Доставленная на берег добыча разочаровывала: венчик кубышки сидел на длинном, толстом и скользком стебле без листьев, напоминавшем о подводных чудовищах. Красавица, повертев цветок в руках, делала безуспешную попытку закрепить его в волосах. Но управляться с кубышками могли только русалки, и на берегу то тут, то там обнаруживались выброшенные цветочные головки — немое свидетельство бессмысленных подвигов и неправильно понятой красоты.

Всем своим первобытным видом пруд нарушал городской пейзаж. Поэтому в один прекрасный день сюда приехали экскаваторы и грузовики. Болотистые берега пруда засыпали песком, забили в дно сваи и построили два дома. От пруда осталась аккуратная лужица — довольно глубокая, окаймленная бетонными бортиками и металлическими перильцами.

В одном из домов теперь жила девочка Лиза. Девочка Лиза училась в гимназии, а в свободное от учебы время сочиняла стихи.

Сочинение стихов похоже на приготовление супа. Внутри у человека что-то томится, бурлит и кипит, а потом выплескивается наружу. В результате получаются стихи.

Легче всего писать стихи, когда внутри томится и бурлит неземной восторг или неземная печаль. Они, как правило, проникают в человека при шуме морских волн или при свете зари — то есть из воды и из воздуха, в чем на собственном опыте убедились многие поколения поэтов. В этом состояла некоторая сложность. На заре Лизе было не до стихов: она еще спала. А когда просыпалась, ей нужно было идти в гимназию. У моря Лиза тоже оказывалась только раз в год, во время летних каникул, когда ездила с мамой и папой в Геленджик.

Чтобы как-то восполнить недостаток природного материала для стихов, Лиза ходила гулять к пруду. Она надевала длинную юбку до пят, накидывала на плечи пеструю мамину шаль, брала изящный блокнотик в кожаном переплете, ручку с ангелочком на колпачке и выходила на асфальтовый бережок. Лиза ходила туда-сюда вдоль перил, потом останавливалась и, глядя на свое отражение, строго спрашивала:

— Ну?

Вода в пруду морщилась от напряжения, а Лиза внимательно прислушивалась к себе. Ощувив внутри что-то вроде неземной печали, она присаживалась на скамейку, доставала из сумочки блокнотик и записывала:

Красная роза в саду зацвела.
Красная роза с тобой нас свела.
Красная роза упала на грудь.
Ты про меня никогда не забудь!
Красную розу ты, может, погубишь,

Но про меня никогда не забудешь!

Вот в такой момент Гришка и появился на берегу. Он поставил банку, закинул сачок в воду и стал ждать, пока в этот сачок кто-нибудь заплывет. Но никто не заплывал. И вокруг тоже никого не было. Кроме Лизы, которая что-то писала в блокнотике. Гришка посмотрел на Лизу, на ее длинную юбку, шаль и ангелочка и понимающе спросил:

— Стихи?

— Стихи, — вызывающе ответила Лиза и дернула плечами. — А что?

— Про цветочки?

— Откуда ты знаешь? — удивилась Лиза.

— Да все девчонки пишут про цветочки, — с видом знатока заметил Гришка и в качестве образца процитировал классические, с его точки зрения, строки:

Ромашка, ромашка,
Не будь какашкой.
Он меня любит,
В душу не плюнет.

Лиза возмутилась:

— А про что же пишут мальчишки?

— Мальчишки? Мальчишки пишут про крокодилов, — заявил Гришка со всей серьезностью, на которую был способен.

— Очень умно! — Лиза не могла избавиться от ощущения, что над ней смеются. — И что же такого замечательного можно написать про крокодилов? Поэму о крокодиловых слезах?

— Можно-можно, — авторитетно настаивал Гришка:

Игрушки, конфеты
мне не дарите.
Все это, все это
вы заберите.
Мне крокодила,
такого большого,
такого живого
лучше купите!

— Это кто сочинил? — удивилась Лиза.

— Я. В детстве. Мне даже нос за это сломали, — скромно признался Гришка.

— Нос? За стихи?

— За стихи. Чтоб не сочинял про крокодилов. Операцию делать пришлось. Но — не помогло. — Гришка развел руками и с прискорбием добавил: — У меня до сих пор нос кривой.

— А так незаметно. — Лиза смотрела на Гришку с неподдельным сочувствием.

— Ты вот с этой стороны посмотри. Видишь?

И Гришка стал поворачиваться то тем, то этим боком, демонстрируя Лизе трагическую неустранимость старой раны, полученной во время дуэли за честь крокодиловой поэзии.

Он заставил Лизу признать, что нос у него — действительно кривой, кривой на всю жизнь, и Лизино сердце впервые в жизни преисполнилось неземной печали без всякой помощи шума моря. После этого Гришка вытащил сачок и продемонстрировал свой улов. Состоял он из одной-единственной отчаянно извивавшейся пиявки.

Гришка посадил пиявку в банку и некоторое время наслаждался ее телодвижениями и ужасом Лизы.

— Да ты не бойся. Эта пиявка не страшная. Она даже кожу прокусить не может, не то что кровь сосать, — покровительственно комментировал он устрашающие пляски пиявки. — Хочешь, покажу?

Гришка смело запустил руку в банку, ухватил пиявку и вытащил из воды. Пиявка, тут же присосалась к его ладони. Гришка посмеивался и на глазах у потрясенной Лизы покачивал ладонью из стороны в сторону, болтая пиявкой, пока та не сорвалась и не упала в пруд.

— Ладно, пусть плывет, — великодушно разрешил Гришка. — Мне тоже пора. А то завтра зачет. По химии. У нас химия знаешь какая сложная? На уровне института. — Тут Гришка очень правдоподобно вздохнул, потому что к зачету готов не был. — А в следующие выходные придешь? Стихи сочинять? Поболтаем!

Лиза пришла в следующие выходные. И еще через выходные. Но никаких стихов она уже больше не сочиняла. Вместо неземной печали и неземного восторга ее сердце, голова и какие-то другие, ранее неизвестные слои существа были до отказа забиты рассказами об опасностях и приключениях из жизни начинающего биолога. С видом менестреля, призванного завладеть чувствами толпы, Гришка повествовал о ловле тритонов в водоемах с отвесными берегами, о хищном растении под названием росянка, которое требовалось отыскивать на гиблых болотах, о личинках ручейника, обитавших среди ядовитых зарослей борщевика. Рассказывая, он выразительно качал головой, отбрасывая кудри со лба, размахивал руками, подпрыгивал, приседал на корточки и говорил, говорил, говорил — без всяких пауз, не давая Лизе опомниться. «Ой!», «Ай!» — только и могла вставить Лиза. «Да что ты!» было самой длинной фразой, которую она произнесла за все время знакомства после первой встречи.

Но в какой-то момент Лиза почувствовала: в нескончаемый поток историй о водомерках и плавунцах ей пора вставить свое слово. Иначе ее сердце просто разорвется от вполне земных, но невысказанных чувств.

— Гриша, — сказала она, собрав в кулак все свое мужество, чтобы прервать повествование об очередном насекомоядном монстре, — мне нужно тебе что-то сказать. Что-то важное. Ты должен назначить для этого место и время.

— А-а-а, — Гришка, затормозивший рассказ на всем ходу, с трудом осознал вопрос. — Знаешь, у меня через неделю день рождения. Я опять сюда приеду, к бабушке. Хочешь — приходи. Она пирог испечет. «Бедный студент». Так пирог называется. Потому что для него продуктов мало надо. Бабушка его после войны делать научилась. Но он вкусный. Она в него орехи кладет, и варенье. Так что это уже не совсем «Студент», а вроде как «Профессор». Придешь?

— Обязательно, — сказала Лиза.

В день рождения Лиза принесла Гришке подарок. Точнее, два подарка: большую черную крысу и признание в любви. Эту крысу Лизин дядя принес из лаборатории. Специально для Гришки.

Крыса сидела в клетке. А к дверце была привязана розовая ленточка с бумажным сердечком, сложенной книжечкой. Внутри было написано: «Гриша, я тебя люблю!»

Лиза вручила имениннику клетку и стала ждать, что будет дальше.

Крыса Гришке понравилась:

— Ого! — сказал он. — Крыса!

Потом повертел в руках бумажное сердечко и спросил:

— Это что? Мне, да? Хм!

Снова повертел сердечко и еще раз сказал:

— Мне, да? Хм!

После этого он понял, что ничего нового к ранее сказанному добавить уже не может. Неожиданно ему на помощь пришла бабушка. Она принесла пирог «Бедный студент», который был почти «Профессор», отрезала Лизе большой-большой кусок и стала смотреть, как Лиза будет есть. А Лиза откусила совсем немного, какую-то крошечку, и вдруг расплакалась.

Тут Гришка тоже расстроился — из-за Лизы и из-за бумажного сердца. Он утешительно толкнул Лизу в плечо и сказал: «Ну, Лизка, ты это... Не парься! Би хэппи!»

После чего Лиза вытерла слезы и ушла. Дома она достала из комода старую мамину шаль, изящный кожаный блокнотик, ручку с ангелочком и написала длинное стихотворение о печальной розе, которую грубо сломали начинающие биологи, отправляясь в поход за ядовитыми росянками.

А крыса осталась. С бабушкой Аней. Потому что Гришка на следующий день в спешном порядке уехал в биологический лагерь. На прощание он и бабушку потрепал по плечу: «Бабуль, ты это — не парься! Крыса в клетке. Она тебя не съест и по столам бегать не будет. Подливай ей из лейки воду. Прямо через прутья, раз боишься дверцу открыть. И засовывай в эту щель хлеб с сыром. Ну, все! Пока!»

* * *

Костик делал уроки, когда позвонила мама.

— Сынок! Срочно поезжай к бабушке Ане. Какая-то девочка подарила Гришке на день рождения крысу. Гришка уехал в лагерь, а крыса сбежала. Бабушка страшно напугана. Ничего не может делать. А у меня совещание. Я освобожусь только через час. Придется тебе самому спасти бабушку. Эта крыса, ты ее не бойся. Она, скорее всего, лабораторная. Должна даваться в руки. Только запомни: нельзя делать резких движений. В крайнем случае, поймай ее тряпкой... Ну, это ж надо: оставить крысу бабушке! Ба-буш-ке! — воскликнула она, возмущаясь очевидной нелепостью ситуации, и повесила трубку.

Костик никогда не имел дела с крысами. Все, что он о них знал, не внушало доверия: крыса Шушера из сказки про Буратино, Крысиный Король из сказки про Щелкунчика, Водяная крыса из сказки про оловянного Солдатика. Еще он знал, что у них в доме год назад травили крыс, которые жили в мусоропроводе. Так что в народе крысу явно не считали другом человека. Костик приготовился к худшему и отправился выручать бабушку из беды.

— Свои, бабуль, открывай! — скомандовал он как можно более бодрым голосом.

Бабушка долго возилась, стараясь не греметь: отперла сначала один замок, потом другой, сняла с двери цепочку и, наконец,пустила Костика в прихожую. Двери в комнату были плотно закрыты. Бабушка двигалась на цыпочках.

— Тсс, — сказала она и приложила палец к губам.

— Что — тсс?

— Крыса спит, не разбуди!

— Где спит? Она же сбежала?

— Сбежала, а потом легла спать, — объяснила бабушка и поманила Костика рукой.

— Вон там, на столе, — бабушка чуть-чуть приоткрыла дверь в комнату. — Видишь — клетка. А рядом спит крыса.

Костик заглянул в щелочку и перевел дух.

— Бабуля, крыса сидит в клетке.

— Как в клетке? А кто же лежит рядом с клеткой?

— Рядом с клеткой лежит тапок.

— Какой тапок? Откуда на столе тапок?

— Ну, может, ты кидалась в крысу, — предположил Костик.

— Ты что! — испугалась бабушка. — Как я могла? Чтобы ее разозлить?

— Или в Гришку, — предложил Костик другой вариант развития событий.

— Не кидалась я в Гришку тапками, — обиделась бабушка. — Он съел «Бедного студента» и уехал.

— Ну, значит, тапками кидался Гришка. В рюкзак. Один тапок попал в цель и уехал с Гришкой в лагерь, а другой пролетел мимо и остался дома.

— Да вот он, другой, гляди! Под столом лежит, — прошептала бабушка.

— Бабуль, а чего ты все шепотом говоришь? Крыса же в клетке.

— Да, да, в клетке, — расслабилась бабушка и заговорила в полный голос. — Но ты ее все-таки заberi. А то вдруг она завтра сбежит?

— Сбежать отсюда невозможно, — заметил Костик, осматривая добротную клетку, сделанную по всем правилам содержания грызунов, с двумя маленькими боковыми дверцами, открывающейся крышей и встроенной поилкой. — Но крысу я заберу. Чтобы ты зря не волновалась.

Костик вполне мог увезти Крысу в клетке. Но не захотел: ведь он готовился к испытанию всю дорогу, и потому открыл крышу, медленно протянул в клетку руку и издал неожиданный для самого себя звук:

— Тц-тц-тц!

Кто-то внутри Костика знал, как разговаривать с крысами. Крыса, судя по всему, все понял, вытянул в сторону Костика мордочку, задвигал усиками, потом продвинулся вперед и наступил ему на ладонь передними лапами.

На каждой крысиной лапке было четыре пальчика. И эти маленькие пальчики теперь держались за большой палец вытянутой руки. Костик почему-то совершенно перестал бояться, вынул Крысу из клетки, придерживая второй рукой сзади, и прижал к себе. Крыса не возражал. Похоже, ему это даже понравилось. Шерстка у него была жесткая, но гладкая. И еще он был теплый, живой и какой-то... свой.

Бабушка помогла Костику надеть пальто и застегнуть пуговицы, позволив Крысе высунуть нос наружу. Потом Крыса завозился и сделал попытку залезть Костику подмышку. Наконец устроился и затих. Костик взял клетку в свободную руку и поехал домой.

Дома поджидала взволнованная мама.

— Ты справился? И она даже на руки пошла? Ну, покажи! Покажи скорее.

Костик расстегнул пальто, и Крыса высунул нос.

— Ого, какая крупная! Черная. А хвост-то, хвост. Ну, что за хвост приделали этим животным! Слушай, да это, кажется, мальчик, — сказала мама, взглянув на крысу сзади. — Я тоже хочу погладить. Хороший, хороший, не бойся. Мы тебя не обидим. Ну, пойдём его устраивать. Давай в твоей комнате. Смотри-ка, тут к клетке бумажка прицеплена.

Костик так волновался при знакомстве с Крысой, что не обратил внимания на картонное сердечко. Теперь они с мамой внимательно его разглядывали.

— Вот как все непросто, — заметила мама и обратилась к Крысе: — Оказывается, ты особенный! Как ты думаешь, наш папа это поймет?

Крыса шевельнул усиками, ухватил из только что наполненной кормушки семечко и стал грызть его с видом существа, рассчитывающего на всеобщую любовь.

«Это не просто крыса, — сказала мама вернувшемуся с работы папе. — Это дар первой любви. А ты всегда внимательно относился к человеческим чувствам!»

Папа молча смотрел на Крысу и думал о том, какие причудливые формы может принимать любовь. Костик открыл клетку. Крыса тут же влез ему на плечо, свесил хвост вниз и ухватился лапками за ворот свитера. «Надо же, какие пальцы! — удивился папа. — Как у пианиста! Ну, а

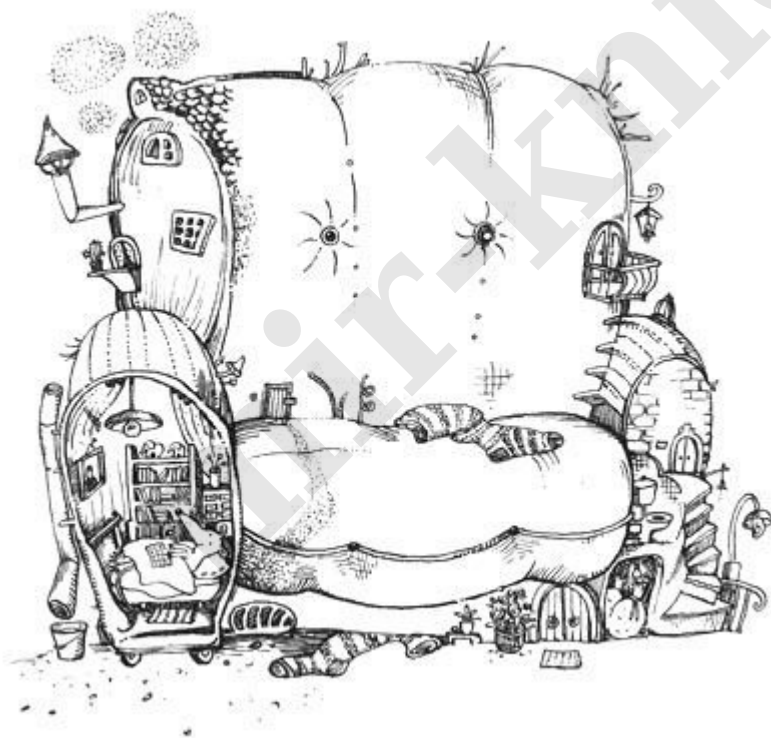
хвост... Подумаешь, хвост!» И все поняли, что Крыса в своих расчетах был прав.

Крыса был гораздо меньше собаки и жил в клетке, но ему достались все чувства, которые раньше пропадали без дела. Крысу любили все. Однако, по общему молчаливому признанию, Крыса считался зверьком Костика. Даже вернувшийся из лагеря Гришка этого не оспаривал. Дело было не только в спасении бабушки. Костик с Крысой понимали друг друга. Крыса выходил из укрытия на Костику «тц-тц-тц». Костик с самого начала совершенно спокойно брал его в руки, а другие научились этому только со временем. И это Костик обнаружил: Крысе нравится, когда ему чешут лоб, между маленькими круглыми ушками — замирал от удовольствия и смешно свешивал голову набок.

Через некоторое время Крысу стали выпускать погулять по комнате. Крыса не был шустрым, всегда двигался осторожно и обдуманно.

Он освоил маршрут из клетки через журнальный столик до большого старого кресла. В этом кресле Крыса устроил себе запасное гнездо. Костик приподнимал покрывало, чтобы зверек мог под него залезть, и клал перед входом в «тоннель» газету. Крыса высовывал мордочку, ухватывал газету передними лапами и начинал быстро-быстро резать ее зубами на маленькие кусочки. Кусочки утаскивались под покрывало вглубь кресла и использовались для строительства крысиного жилища.

Папа называл кресло «крысиной дачей». Там Крыса спал днем, а на ночь его водворяли в клетку.

Все привыкли к Крысе — такому милому и забавному. Но со временем его поведение странным образом изменилось: Крыса почти болезненно стал нуждаться в людях.

— Сегодня я зашел в комнату, и Крыса попросился на руки, — с удивлением рассказывал папа. — Сидел у клетки, увидел меня, доковылял до моей ноги и стал перебирать передними лапками по штанине. Пришлось полчаса носить его на руках.

— Он слишком часто просится на руки, — заметила мама. — Вам не кажется?

«Просто ему у нас хорошо, — думал Костик. — Крыса и раньше был ласковый. А теперь привык и стал еще ласковее».

Но мама с Костиком не согласилась.

— Ему плохо, — сказала она. — Быть может, он состарился, и ему хочется больше тепла.

Однажды, когда Крыса был «на даче», Костик позвал его привычным «тц-тц-тц». Он не вылез. Костик подождал немного и опять позвал, а потом, заподозрив неладное, поднял покрывало. Крыса лежал, свернувшись калачиком в гнезде из кусочков газеты, но бок его не вздымался вверх-вниз. Костик осторожно до него дотронулся: Крыса был совсем холодным.

— Умер, — сказала мама. — От старости. Это надо было предвидеть. Крысиный век недолог. Года три — не больше. А он, судя по всему, достался нам уже в зрелом возрасте. Мама погладила крысиный трупик и освободила обувную коробку.

— Вот, положим его сюда. Возьми огородный совок и пойди, закопай коробочку во дворе. Поглубже. Чтобы собаки не смогли отрыть.

Крысу похоронили. Через три дня Костик с Гришкой вытащили на помойку старое кресло. В нем и раньше никто не сидел, а теперь это было бы совсем неправильно. Кресло давно принадлежало Крысе и не могло использоваться для чего-то другого. Тем более что Крыса приспособил его обшивку для своих строительных работ, а один из углов стал уборной.

— Ты смотри, как все обустроил: здесь — спальня, там — кладовка... Надо было предвидеть, — опять вздохнула мама. Что мама имела в виду? Ведь Костик все равно не смог бы любить Крысу меньше? У него были такие смешные пальчики...

Война с тараканами

Пока в доме жил Крыса, никто не вспоминал про собаку. Но Крысы не стало. И пустующее собачье место должен был кто-то занять.

Незадолго до Нового года мама принесла домой сухой аквариум с ящерицами. В школе во время каникул их совершенно некому будет кормить, объяснила она папе. Пару дней ящерицы могли обходиться без пищи, но речь шла о двух неделях!

А мальчикам будет очень интересно понаблюдать за поведением этих животных. Тем более что ящериц надо кормить с пинцета. Живым кормом.

— Живым кормом? — папа почувствовал неладное.

— Да ты не волнуйся. Живой корм вот тут. В консервной банке. Технология отработана, — быстро-быстро заговорила мама. Но папа не клюнул на слово «технология». Его подозрительность возросла еще больше:

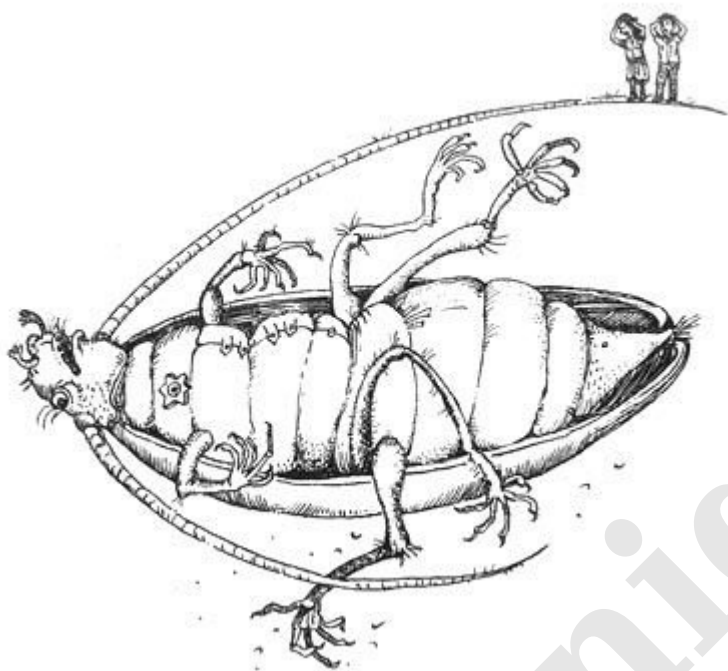
— А что там, в банке?

Там в банке, — замялась мама, — всего лишь тараканы.

Кормовые.

— Какие кормовые тараканы?

Ну, такие редкие бразильские тараканы, которых едят вот эти самые ящерицы. А сами тараканы едят всякие отходы: картофельные очистки и гнилую капусту. Берешь такого таракана пинцетом и подносишь ящерице к носу. Надо некоторое время махать тараканом у ящерицы перед носом, чтобы ящерица его заметила и схватила. Проблем с размножением у тараканов нет. Они все время размножаются, без всякого усилия со стороны. Так что и проблем с кормлением ящериц не будет. А края банки смазаны вазелином. Ни один таракан не выберется. Хочешь посмотреть? — и мама доверительно протянула папе банку.

— Не хочу, — с тихой угрозой произнес папа. — Учти: если я увижу дома хоть одного кормового таракана...

— Ну что ты такой подозрительный? — мама поняла, что папа сдался. — Почему ты всегда предполагаешь худшее? Ящерицы — очень интересные животные. От них веет древностью. Посмотреть — просто уменьшенная копия динозавров. Знаешь, осенью мы со школьниками ходили на экскурсию в лес с биологом Митей. Помнишь, один знакомый из музея? Он привел нас к зарослям папоротника и предложил лечь на спину — чтобы лицо было ниже листьев. Вот так, говорит, выглядели первобытные леса в эпоху динозавров. Когда поедем в лес, можем вместе попробовать. Незабываемое впечатление!

— Я не буду лежать мордой в папоротниках из-за какого-то биолога Мити! — папин голос стал набирать силу. — Речь вообще не о папоротниках. И не о ящерицах. Хотя эти животные совершенно не могут вызвать у нормального человека хоть каплю теплых чувств! Речь о тараканах.

— Но мы же не можем обречь ящериц на голодную смерть, — мама решила, что против этого аргумента не сможет устоять даже папа. — А кроме тараканов подходящего живого корма для них не подобрали. Больше они ничего не едят.

Тут папа громко плюхнулся в кресло и закрылся от мамы книжкой с видом человека, которому все вокруг желают смерти. А мама отправилась устанавливать аквариум с ящерицами в мальчишеской комнате.

Она положила на подоконник широкую деревянную доску, проверила, чтобы аквариум не

качался. А рядом с батареей пристроила крупную консервную банку из-под селедки, полную кормовых бесперебойно размножавшихся тараканов Гришке ящерицы понравились. Костику они понравились не так сильно. Но он понимал: кто-то должен занять место собаки. Ящерицы вылезали из своего укрытия только под вечер и застывали в неподвижной позе. Только горло у них шевелилось. Мама объясняла, как кормить ящериц.

— Каждая ящерица должна съесть по два-три таракана в день, не меньше, — объяснила она. — Но им нужно время, чтобы собраться для охоты. Поэтому процесс кормления может несколько растянуться. Тот, кто кормит, не должен торопиться.

Костик решил, что Гришке больше подходит роль опекуна ящериц. Все-таки между ящерицами и крокодилами было много общего. Поэтому он слушал мамины инструкции с праздным интересом. А Гришка воспринял возложенные на него функции с энтузиазмом и заверил маму, что все будет «о'кей». Ящерицы ни за что не помрут за каникулы с голоду! Мама была довольна: наконец-то Гришке будет о ком заботиться. Биология биологией, но уход за живыми существами наука заменить не может. Конечно, мальчику придется собственными руками скормливать одних животных другим, да еще и живьем. Но надо смотреть фактам в лицо: все в жизни устроено по принципу пищевых цепочек.

* * *

Через неделю папа сказал маме:

— Ты знаешь, что со мной сегодня случилось? Ночью я пошел в туалет.

— Ну, это бывает, — насторожившаяся поначалу мама перевела дух.

— Нет, это не все. Пока я там сидел, под ванной раздался страшный скрип.

— Неужели привидение? — удивилась мама.

— Я не знал, что думать. Никогда не слышал ничего подобного. А я — сама понимаешь — был совершенно беспомощен. Я мог потерять самообладание.

— Да, да, да, — понимающе закивала мама. Она была вполне согласна с папой, что при таких обстоятельствах легко потерять самообладание.

— И вдруг из-под ванны выполз вот такой... — папа развел руки на полметра —...вот такой таракан. Я схватил тапок и стал его бить.

— Молодец! — маме понравилось папино бесстрашие.

— Но ему было хоть бы что, — тут папа выдержал паузу и очень внимательно посмотрел на маму. — Это случайно не ваш с Гришкой таракан?

— Нет, нет, нет, — замотала головой мама. — Наши тараканы сидят в банке, смазанной вазелином. И что же — ты с ним справился?

— Мне потребовалось десять минут. Целых десять минут на одного таракана! Очень прошу тебя: проверь свою банку. Мама клятвенно заверила папу: по содержанию тараканов приняты беспрецедентные меры безопасности. На всякий случай она пошла и заглянула в их вместилище. Тараканы мирно кормились и размножились в искусственно созданной для них помойке.

Но через три дня папа снова сообщил маме о ночном госте. На этот раз таракан появился в кухне. Он был еще больше первого и напоминал черный фашистский танк. Папа расправился с ним молотком: со времени последних событий в туалете молоток постоянно находился у него под рукой.

А еще через неделю мама затеяла генеральную уборку. Она оторвала папу от творчества и попросила его минутку подержать аквариум с ящерицами.

Надо протереть подоконник!

Папа взял аквариум и прижал его к груди. А мама сняла с подоконника деревянный щит, служивший аквариуму подставкой. Она сняла его, чтобы поставить на пол, у батареи. Но тут...

— А-а-ар-рр-а! — вытаращив глаза, завопил папа. Нет, не завопил. Зарычал. Через пару секунд в его рычании уже распознавались слова, которые доказывали: папа вполне мог иметь собаку.

Мама посмотрела на подоконник и почувствовала, что сейчас грохнется в обморок.

Под щитом на подоконнике обнаружилось огромное черное-пречерное пятно. Это пятно шевелилось, многочисленные усы-антенны торчали в разные стороны. Секунда, две, три — и на папу и маму, шевеля усами, двинулись черные тараканьи танки. Каждый танк был размером со спичечный коробок. Маме даже показалось, она различает на них силуэты свастики — как в фильмах про войну, которые они с папой смотрели в детстве. Тараканы явно хотели окружить безоружных противников, а потом захватить весь многоэтажный дом.

— Держи своих ящериц, — заорал папа.

Мама схватила аквариум, а папа бросился в самую гущу тараканьего полчища, принялся прыгать, давить врагов и кидаться в них разными предметами.

— Срочно неси мне зимние ботинки и молоток, — закричал он маме.

Мама кое-как пристроила аквариум на диване и бросилась в прихожую. А папа все танцевал посреди комнаты танец смерти и извергал страшные ругательства. Пол в комнате был усеян черными трупами, у папы со лба градом катился пот, волосы торчали в разные стороны, и вид у него был страшный и отчаянный.

Мама чувствовала себя самым несчастным человеком на земле, и из глубины своего несчастья вдруг узрела страшную правду: «У Кого-то не хватило терпения трясти пинцетом у ящериц перед носом! И этот Кто-то просто выпускал тараканов в аквариум! Надеялся, что ящерицы сами с ними разберутся. А у аквариума края не были смазаны вазелином!»

Мама посмотрела на растерзанного папу, поняла, что сейчас заплачет, и пошла за веником и за помойным ведром.

— Посмотри внимательно, нет ли живых, — устало сказал папа и опустился на диван. Его локоть уткнулся в стекло. Из аквариума на папу смотрела ящерица и шевелила горлом.

— Фу ты, черт! — сказал папа и отпихнул аквариум.

Мама подметала поле боя, и слезы ее капали прямо на тараканов. Живых среди них не обнаружилось.

— Вот была бы у нас собака, — эта мысль всегда утешала маму в невыносимых обстоятельствах, — мы бы учились быть внимательными. Никто не стал бы выпускать тараканов в аквариум. Может, мы вообще бы отправили ящериц на каникулы куда-нибудь в другое место. Если бы у нас была собака...

Тут папа почувствовал, что ему очень жалко маму. Она всегда хотела собаку, подумал он, — еще тогда, когда они вместе спасали лягушек. Но мама почти не умеет ругаться матом и поэтому не может воспитывать щенка. Не то что он, папа... Вот сейчас он с помощью слов, молотка и ботинок в одиночку победил целое полчище тараканов... И он почти воспитал Костика и Гришку. Он даже маму почти воспитал.

— Когда я был маленьким, — сказал папа неожиданно спокойным голосом, — меня отправляли летом к бабушке в город Покров. Там жила старая и мудрая кошка Ньюска. Помнишь, я рассказывал?

— Помню, конечно, помню, — всхлипнула мама.

— Ну, вот и давай заведем котенка, — неожиданно предложил папа.

— Ой, давай! — мама еще не перестала всхлипывать, но уже улыбалась.

— Кошка — это, знаешь ли, лучше, чем собака. Она не такая возбудимая. Не лезет лизаться. Не лает на гостей. Кошка — это почти человек. Только в шубе.

— И она совсем не мешает заниматься творчеством. С ней ведь не надо гулять, когда у тебя высокая температура? — поддержала папу мама. Потом немного помолчала и добавила: — И матом совсем не надо ругаться!

Тут папа посмотрел на маму, мама посмотрела на папу, потом они вместе посмотрели надохлых тараканов и засмеялись.

Часть третья

Тот самый котенок

Истории, одновременно грустные и веселые. И все хорошо кончается

Булочка и папа Римский

Папа, мама, Гришка и Костик решили завести котенка. Вместо собаки. Вместо консервированных рыбок и кормовых тараканов. Все очень радовались этому решению, но не знали, как лучше это сделать.

— Котенок — как ребенок, — говорила мама. — Он будет членом нашей семьи.

— Котенок — это ответственность, — добавлял папа. — Ведь речь идет не просто о каком-нибудь котенке! Таких котят тысячи. Речь идет о нашем котенке!

Костик, в общем-то, был с ними согласен: где-то существовал или готовился появиться ТОТ САМЫЙ котенок, который только и мог жить с ними. Но нужен был знак, чтобы его распознать.

Гришка, как всегда, держался особого мнения. Он предлагал поехать на Птичку. (Это такой специальный рынок, где продают животных.) Там на каждом углу стоит бабка, у каждой бабки — корзинка, в каждой корзинке — котята, всех возможных цветов и размеров. Плати пять рублей и бери любого. Хочешь — рыжего, хочешь — черного или белого. Даже розовые встречаются. Гришка сам видел. С бантиками на шее. «Ты что, чувак, не веришь? Да в мамином справочнике посмотри!» И Гришка совал Костику под нос страницу, где крупными буквами было написано: «Породы кошек».

— Смотри! Это что, по-твоему?

— Что-что? «Голубая кошка».

— Ну! — с видом победителя восклицал Гришка. — Если есть голубые, почему бы не быть розовым? Может, им просто места на картинке не хватило.

Но мама на Птичку ехать не хотела. Она, как и Костик, ждала, что котенок — случится. «Котята, — говорила мама, — в отличие от всего другого, валяются даже на дороге. Давайте немного подождем! Может, нам придется кого-то спасти». И все ждали. Ждали, пока ТОТ САМЫЙ котенок где-нибудь обнаружится.

Однажды папа вернулся домой в приподнятом настроении. Он ходил в книжный магазин. А там у него всегда поднималось настроение.

— Помнишь, мы были на вечере поэта О.? Вот новый сборник ее стихов, — папа достал из сумки толстую книжку и с почтением выложил ее на стол. — Ты согласна, что О. — замечательный поэт? — обратился он к маме.

Мама была согласна. И хотя у поэта О. были трудные стихи, мама даже выучила два наизусть: она до сих пор совершенствовалась в умении читать папины мысли.

Но папе было мало простого признания поэта О.

— Да что там замечательный! О. — гениальный поэт. Ее стихи читает на ночь сам Папа Римский! А еще, — тут папа сделал загадочное лицо, — у поэта О. есть кошка. И, по сведениям из авторитетного источника, эта кошка недавно родила котят. Ты понимаешь, что это значит?

— У нас что — будет котенок от Папы Римского? — встрял случившийся рядом Гришка.

По лицу папы пробежала тень, и Костик поспешил исправить ситуацию:

— Дурак! У нас будет котенок от гениального поэта!

Ни гениальные поэты, ни даже папы римские не способны производить на свет котят, — отвергла мама гипотезы Гришки и Костика. — Мы возьмем котенка, который появился у кошки поэта О. Для папы это хороший повод поближе с ней познакомиться. Не с кошкой, а с О. Быть может, О. даже захочет прийти к нам в гости — посмотреть, как живет ее котенок. Мы, так сказать, породнимся: у нас появятся родственные связи по линии кошек. — Тут мама поняла, что может запутаться, и перешла к делу: — Когда ты собираешься ехать?

— Завтра, — ответил папа. — Только не знаю, что надеть. По судьбоносному значению визит к поэту О. не мог сравниться ни с одним из событий папиной жизни. Ну, разве что с первой встречей папы и мамы.

— Может быть, костюм? — папа пошарил в шкафу и вытащил пропахший нафталином зеленый вельветовый костюм.

Мама засомневалась:

— Последний раз ты надевал этот костюм на нашу свадьбу. Это было шестнадцать лет назад.

— И кто виноват в том, что у меня нет другого костюма? — возмутился папа. — Видимо, кто-то

проявляет полнейшее равнодушие к моему внешнему виду.

— Но ты никогда не любил костюмы. Они тебя стесняют. Может, ты наденешь свитер? Это для тебя привычней.

— Ты хочешь сказать, мне привычней чувствовать себя маргиналом?

Древние римляне обожали оставлять на полях книжек пометки. Их за это никто не ругал. Пометки назывались маргиналиями и считались признаком мыслящего человека. А в наше время маргиналами стали называть людей, которые не похожи на остальных — внешним видом, занятиями и взглядами на жизнь. Когда папа имел в виду свои занятия творчеством, ему нравилось считать себя маргиналом. Но когда речь шла о его внешнем виде, походить на маргинала он совсем не хотел: с таким же успехом можно было походить на чучело. А мама ему как раз это и предлагала — отправиться в гости к гениальному поэту одетым как чучело.

— Но ведь поэт О., кажется, живет в деревне?

— Поэт О. живет в деревне временно — пока пишет стихи.

А потом уезжает в Англию, читать лекции лучшим студентам Европы. Поэт О. еще и ученый, специалист по похоронному обряду.

— Тогда тебе лучше всего нарядиться в черную мантию и в парик с буклями, — рассердилась мама. — Так ты точно не будешь выделяться из толпы.

Папа неожиданно смирился и вытащил из шкафа свой свитера — старый-престарый, просто старый и новый старый свитер. Новый в том смысле, что папа надевал его только в гости. А старый — потому что мама подарила его папе на день рождения три года назад.

— Не модничай, — сказала мама. — Ты повезешь котенка. Он будет цепляться за тебя когтями. Вот этот свитер (мама показала на просто старый свитер) тебе очень идет. И в нем ты действительно выглядишь как человек, который занимается творчеством.

— Но я надену брюки от костюма, — твердо заявил папа и на следующий день, нарядившись, отправился в гости к поэту О.

У поэта О. было много гостей. Гости сидели за столом в большой комнате и поздравляли О. с выходом новой книги. А в маленькой комнате сидела кошка Дуська со своими котятами.

— Сколько котят у вашей кошки? — спросил один из гостей — папин знакомый, который привез с собой папу.

— Сначала было пять, — сказала О. — А теперь восемь.

— Как восемь? — зашумели удивленные гости.

— Пять котят — собственные дети Дульсинеи. (Так поэт О. называла Дуську в приличном обществе.) А три котенка у нее приемные. Неделю назад соседская кошка отказалась кормить своих новорожденных котят. Соседи попросили подложить малышей Дульсинеи — чтобы они не погибли. Я принесла бедняжек домой, и наша заботливая мамочка их приняла. Так что теперь мы живем большой веселой компанией, — О. едва заметно вздохнула.

— А вот Александр! — сказал папин знакомый, который привез его к О. — Он занимается

творчеством. А еще он хочет взять у вас одного котеночка.

— Правда? — оживилась О. — А каким творчеством вы занимаетесь? Хотя об этом мы еще успеем поговорить. Хотите посмотреть котят?

— Конечно, хочет! — закричали гости вместо папы (который совсем смутился от оказанного ему внимания). — Пойдемте смотреть котят!

Все подхватили папу под руки и потащили в маленькую комнату. Кошка Дуська сидела на стуле и вылизывалась, отдыхая от своих многочисленных детей. Но можно ли мечтать о настоящем отдыхе при таком большом семействе? Вот и сейчас под стулом сидел один котенок и пытался передними лапами ухватить Дуську за кончик хвоста. Еще два котенка возились в кресле. А посередине комнаты стоял большой картонный ящик, тоже полный котят. Такая кошачья кучка, из которой в разные стороны торчали ушки, лапки и животики. Кучка частично дремала, а частично шевелилась.

— Вот, — О. сделала широкий жест руками. — Выбирайте. Какой вам нравится?

— Ты кого хочешь — кота или кошечку? — спросил папин знакомый.

— Кошечку, — сказал папа. — Когда я был маленький, у моей бабушки была кошка Нюська. Так что я хочу кошечку.

— Странно, — заметила О. — Обычно все хотят котиков. Хотя я — видите! — тоже предпочитаю кошек.

Папу изнутри захлестнула теплая волна солидарности с великим поэтом.

— Да-да, кошечку, — подтвердил он. — Может быть, вот эту, — папа показал на котенка в кресле.

— Слушай, тебе предлагают выбирать, — возмутился папин знакомый. — А ты верен своим маргинальным принципам. Что-нибудь попроще, понеказистей. Чтобы не было сомнений: котенок с помойки!

— Это из приемных, — прокомментировала О.

Папа совсем смутился, замолчал и уже не знал, куда смотреть и что делать.

— А вот эта темненькая кошечка, Александр, вам не нравится? — одна гостья указывала в ящик, на кошачью кучку. — Смотрите, какая яркая. Белые лапки на темном фоне. И на шейке жабо. Вы только взгляните, какие у нее усики, какие бровки!

Папа посмотрел в ящик. В самом центре сонного царства на боку лежал лохматый бурый котенок, легонько пихая лапками и покусывая за ухо дремлющего собрата. На секунду котенок отвлекся, взглянул на людей круглыми желтыми глазами и принялся старательно вылизывать соседа своим крохотным язычком.

— Какая заботливая! Ласковая, — продолжала расхваливать гостья свою пассию. — И, судя по всему, будет пушистой.

— Вы уверены, что это кошечка? — робко спросил папа, понимая, что выбор уже сделан.

— Конечно, кошечка, — закричали все. — С такими повадками. Берите скорее, Александр! Пока дают.

Поэт О. сама достала из коробки котенка и передала папе.

— Ну, Булочка, иди к хозяину, — сказала она и добавила, прощаясь с папой. — Надеюсь, у нас с вами еще будет возможность побеседовать о творчестве.

Счастливый папа посадил котенка за пазуху, на свой старый свитер, и отправился домой.

* * *

— Вот, — сказал он, — извлекая котенка. — Приехали!

Все столпились вокруг папы.

— Ой, какой маленький! — воскликнула мама. — Подождите тянуть руки. Дайте ему опомниться.

И тут же встревожилась:

— Что это с ним? Почему он на ногах не держится?

Папа опустил котенка на пол, и тот сразу же завалился на бок, некоторое время повозился, а потом поднялся на лапки, с трудом удерживая равновесие.

— Его, наверное, в дороге укачало, — догадалась мама. — Ведь вы долго ехали. Сколько времени?

— Часа три.

— Ничего удивительного. Ну-ну, давай, приходи в себя! Он уже умеет сам есть?

— Не знаю, надо попробовать.

— А как его зовут?

— Это кошечка. Ее зовут Булочка.

— Булочка?

— Дурацкое имя, — заявил Гришка. — Небось, кошку этого знаменитого поэта как-нибудь нормально зовут.

— Кошку поэта зовут Дульсинеей, — сказал папа. — О. написала цикл стихов, посвященных Дон Кихоту.

— Она что, похожа на Дон Кихота?

— Кто — поэт О.?

— Нет, кошка.

— Не на Дон Кихота, а на его прекрасную даму, — поправила мама. — Ну, наверное, есть что-нибудь общее. В повадках.

— Ну, ладно: стихи про Дон Кихота написала. Но ведь про батоны и булки у нее стихов нет? — Гришка явно нарывался.

Но папа еще не до конца оправился от переживаний, связанных со судьбоносным визитом, поэтому не мог так сразу рассердиться на Гришку. Он сидел на корточках рядом с котенком. А котенок, несмотря на подкашивающиеся лапки, уже делал попытки отправиться на разведку в какую-нибудь интересную щель — например, под буфет.

— Может, правда назовем по-другому? — Костик решил поддержать Гришку. — Булочка — какое-то не кошачье имя.

— Я тоже так считаю, — согласилась с нами мама. — Все-таки это НАШ котенок. Мы должны назвать его так, как нам нравится.

— Ну, давайте придумывать имя, — папа проявил невиданную уступчивость.

— А чего тут думать? — заявил Гришка. — Я давно уже придумал. Еще когда папа туда поехал. Надо назвать котенка Риммой.

— Риммой?

— Ну, да. Риммой. В честь Папы Римского, который читает на ночь стихи поэта О.

Папа вдруг громко захохотал. И все захохотали. От Гришкиных слов и от счастья, что ТОТ САМЫЙ котенок наконец нашелся.

* * *

Котенок оказался необычайно воинственным. Пока он бодрствовал — в течение минут пятнадцати, ну, может быть — двадцати, то воевал со всем, что попадалось ему на глаза и до чего могли дотянуться его лапки. Поэтому все ходили в кошачьих метках. Затем котенок в изнеможении падал на диван, откидывался на спину, засыпал — часа на два — и тут становился похожим на ангелочка в шубке, за которого его приняли гости поэта О. Спящего котенка можно было гладить: в это время он не дрался. Правда, гладить, по большому счету, было нечего. Котенок состоял из косточек, покрытых пухом. Поэтому приспособились водить указательным пальцем между ушками и по спинке, а еще двумя пальцами щекотали круглый животик. Потом котенок просыпался и снова начинал воевать.

И вот в один прекрасный момент котенок побрыкался и уснул. Мама полюбовалась на него в

ангельском обличии и ушла на кухню, а папа стал его гладить. Гладил-гладил, смотрел-смотрел — и УВИДЕЛ. И тут же почувствовал, как сердце неприятно подпрыгивает и, того гляди, упадет прямо в живот или еще ниже. И внутри у папы стало очень холодно. Он некоторое время прислушивался к этому внутреннему холоду и смотрел на котенка, а потом пошел к маме на кухню.

— Ты знаешь, я должен тебе что-то сказать, — папа выглядел очень смущенным. — То есть, что-то показать... Я тут кое-что обнаружил. У нашей Риммы, — и папа на некоторое время замолчал, подбирая слова. — Ну, в общем, я, знаешь, обнаружил у нее то, чего быть не должно.

— Что? Что такое? — испугалась мама.

— Ну, нет, ничего такого особенного. Просто это самое, оно бывает только у котов. А у кошек не бывает. Короче, я думаю, это никакая не Римма. Скорее уж Ромул. Или Рем.

— Ты хочешь сказать, что это не кошечка?

— Да, именно это я и хочу сказать.

— Ты уверен? Но ведь ты сам ее выбирал. И твои друзья тебе помогали.

— Она, то есть он... Он такой лохматый, и у него в пуху ничего не было видно. К тому же он так заботливо облизывал другого котенка... Как хорошая будущая мать.

— Так вот почему эта заботливая «мать» такая драчливая! Да ты просто Ахилл в юбке! — обратилась мама к котенку с разоблачением.

Ахилл был героем древнегреческих мифов. По замыслу богов, он должен был стать великим воином. Но Ахиллова мама, которая к тому же была богиней, боялась, что подвиги не доведут Ахилла до добра. Поэтому она его спрятала: нарядила в женское платье и поселила вместе с девушками. Это не помогло: в один прекрасный день Ахиллу все же пришлось стать героем.

— Теперь понятно, откуда у тебя такие усики и бровки!

— Вот именно! Кошечек с такими бровями в природе не бывает. И вообще — это не бровки, а бровищи. Не усики, а усищи. Ты посмотри: торчат, как боевые стрелы. — Папа опять помолчал. — И как я дал заморочить себе голову? Я думаю... Может, мы его поменяем? Пока мало времени прошло?

— Как ты можешь так говорить? Ты вез этого несчастного котенка три часа, так что он почти опьянел от качки. А теперь хочешь везти его обратно? Это просто невозможно! И вообще... Я лично очень рада, что это котик.

Тут котик проснулся, увидел мамин палец, вцепился в него своими маленьким, но цепкими когтями, а потом и зубами.

— Эй, полегче! — закричала мама, высвобождая руку. — Вот, держи веревочку!

Ахилл в мохнатой юбке напал на веревочку и стал ее убивать. Мама дергала веревочкой и продолжала убеждать растерянного папу:

— Котик — это очень, очень хорошо. Я с тоской думала про будущие проблемы с котятами. А с котиком — никаких котят.

— С котами — другие проблемы, — попробовал возразить папа. — Они метят территорию, постоянно дерутся и выясняют с хозяевами отношения самым неприятным образом. Это совсем, совсем другие животные. Не такие, как кошки.

— Вот и хорошо. Если следовать справочнику, проблемы с этими животными решаются очень просто. Ну пожалуйста, посмотри на него! Разве у тебя поднимется рука менять его на кого-то?

Папа глубоко вздохнул и погладил котенка. Котенок тут же решил, что веревочка уже убита, а вот папина рука — нет. Папа получил новую метку и вынужден был согласиться с мамой: выбор сделан бесповоротно.

* * *

— Наша Булочка, того, — сказал Гришка, когда Костик вернулся из школы, — Пирожком оказалась.

— Каким пирожком? Ты что мелешь?

— А то, что настоящим Пирожком, с котовскими причиндалами. Папа обнаружил. Настоящий Шерлок Холмс! Представляешь, если бы мы так ничего и не узнали? Наломали бы дров, дали котенку женское воспитание... А потом бы все удивлялись: почему эта кошечка такая странная? А она не странная. Она просто кот.

— И как теперь будут звать нашего кота? — спросил Костик, переваривая новость.

— Ну, Римом его вряд ли будут звать. Римма — это да. Женское имя. А Рим — это же город! Столица к тому же.

— Давайте снова придумывать имя, — сказал Костик маме с папой. — Нормальное имя для кота.

— Может, так и назовем — Ахиллом? — спросила мама.

— В кошачьем имени должен быть звук «С», — сказал папа. — Я читал, что кошки только этот звук по-настоящему воспринимают.

— А как же Римма?

— Римма — это было исключение. К тому же мама наверняка стала бы звать котенка «Римусик».

— Сами вы «римусик», — обиделась мама.

Тут Гришка предложил назвать котенка Бегемотом. Это предложение было дружно отвергнуто.

— А зря, — заявил Гришка. — Не нравится — ну и пожалуйста. Я знаю еще одно кошачье имя: Базилио. И Чеширский кот.

— Последнее точно не годится. А вот первое... — папа задумался. — Предлагаю другой вариант — Марсилио.

— Это что за имя?

— Марсилио похоже на Базилио. Вроде по-кошачьи звучит. К тому же — красиво. Необычно. С

итальянским оттенком. И еще содержит воинственную составляющую: бога войны древних римлян звали Марсом.

— Так может, Марсом и назвать? — предложил Костик более простой вариант.

— Я согласна, — заявила мама.

— На что?

— На Марса и на Марсилио.

— Одновременно?

— Да. Потому что я буду звать котика Марсиком. А вы можете упражняться, как захотите. Хоть Марсельзой зовите. Но, даю слово, очень скоро вы все будете звать его, как я, — Марсиком.

— Лично я буду звать Марсилио, — настаивал папа.

— А я Марсом, — заявил Костик.

— Представляете, я тут на днях обнаружил, что наш котенок-то, оказывается, не кошка, а кот! — рассказывал папа по телефону своим знакомым. — Пришлось для него срочно новое имя придумывать. Марсилио назвали... Эй, Марсик, а ну, отцепись от штанины! Порвешь!

— Марс, Марс, Марс, иди сюда, — звал Костик. Но когда котенок, развалившись на кровати, выставлял напоказ круглый, похожий на шарик животик, Костик щекотал его и приговаривал: — Марсик, Марсик!

Так что мама оказалась права. Котенок получил свое настоящее имя — Марсик.

Какой породы Марсик?

Марсик величиной с ладошку не просто занял место собаки. Он занял место целого человека. С утра до вечера все только и говорили: «Где наш Марсик? Что он делает? Иди сюда, котик! Ах ты, пушистик! Ах, Марсюлик! Ах, Пусюлик!»

А Марсюлик-Пусюлик рос, как князь Гвидон. Через неделю он уже был размером с две ладошки. Еще через неделю — с три ладони. А потом, глядя на Марсика, расположившегося на диване кверху пузом, лапы — в разные стороны, все всерьез задумались: если дело и дальше так пойдет, диван скоро будет ему мал.

— Может, его папа был лев? — с испугом спрашивала мама. — Как ты думаешь, насколько он еще вырастет?

— Не думаю, чтобы под Загорском водились львы, — говорил папа, но смотрел на Марсика очень задумчиво.

Незадолго до майских праздников мама сказала папе, что с зарплаты осталось немного денег и можно купить в дом какую-нибудь не очень дорогую вещь — чтобы обновить обстановку.

— Я тоже об этом думал, — сказал папа. — Об одной вещи.

Взял деньги и уехал в магазин.

— Вот, — торжественно сказал папа, вернувшись с покупкой. — Новая вещь для обновления обстановки.

— Что это? — изумилась мама.

— Догадайся с трех раз!

— Похоже на корыто. Ты думаешь, это то, что нам надо?

— Без сомненья, — твердо заявил папа и развернул сверток. — Туалет для Марсика. Импортный.

— Ой, — сказала мама. — Этот туалет займет половину нашего коридора. Он похож на бездонную бочку. Ты правда думаешь, что Марсик будет ростом со своего папу-льва?

— Лучше перестраховаться, — уверенно заявил папа и насыпал в туалет три килограмма наполнителя «Чистые лапки».

Марсик заинтересовался происходящим, тут же влез в свое новое импортное корыто, стал там вертеться и все обнюхивать.

— По-моему, он с комфортом мог бы тут жить, — заметила мама.

— Но ведь он еще подрастет! Быть может, и этот туалет скоро будет ему мал.

Марсик, судя по всему, был согласен с папой. Он обновил покупку и стал закапывать следы содеянного. «Чистые лапки» полетели во все стороны.

— Вот видишь, — удовлетворенно заметил папа. — Как раз то, что нужно! Бортики загнуты внутрь. По крайней мере, большая часть содержимого будет оставаться внутри.

Мама вздохнула и пошла за веником.

— Только не прикидывайся самым чистоплотным котом на свете, — сказала она Марсику. — Вот скажи, когда ты в последний раз умывался? Наверное, когда изображал «заботливую мать».

Марсик и правда не любил вылизываться. Лизнет пару раз свою манишку — и дело с концом.

— А кто будет содержать в чистоте попку? — безрезультатно взывала мама.

К мохнатой заднице Марсика постоянно прилипали какашки. Он бегал по дому с этим неэстетичным довеском, а следом за ним с ножницами в руках бегал папа. Настигнув котенка, папа лишал его сомнительного украшения вместе с некоторым количеством шерсти. Но это было не особенно заметно. И в какой-то момент папа, рассчитывая на более эффектный результат, предложил коротко подстричь Марсика сзади. Но мама не согласилась. Тогда, сказала она, Марсик станет похожим на обезьяну из зоопарка, которая шокирует посетителей своим голым задом, а ей, маме, этого не хочется. Для обезьяны голый зад — признак вида. А для Марсика будет просто уродством. К тому же, по маминым наблюдениям, и папе, и котенку мероприятие по освобождению от какашек приносит взаимное удовольствие. Марсик думает, что с ним играют. А папа вносит в свой сидячий образ жизни хоть какое-то разнообразие. Поэтому пусть и дальше бегают за Марсиком — вместо зарядки, в перерывах между занятиями творчеством.

* * *

Как только Марсику купили новый туалет, он перестал расти с такой катастрофической быстротой. Мама сказала, что импортное корыто, наверное, заговоренное. А папа сказал, что качественные вещи облагораживают хозяев.

Но тут в жизни Марсика начался новый этап. Окружающие стали подозревать его в странном происхождении.

Не успела утихнуть тревога в связи с появлением львов под Загорском, как возникла новая гипотеза о происхождении котенка.

Костик мечтал о фотоаппарате, и бабушка Аня сделала ему подарок. Точнее, Костик этот подарок выпросил. В счет будущего дня рождения. До дня рождения было целых три месяца. Но Костик сказал бабушке, что фотоаппарат нужен срочно, прямо сейчас. Кто знает, что случится через некоторое время? Может, через месяц-другой любимый бабушкин внук уже умрет — от тоски по несбывшейся мечте? И подарок просто некому будет дарить. Тогда только и останется, что снимать новеньким фотоаппаратиком памятник на его могилке. Бабушка решила не испытывать судьбу и выдала Костику деньги на покупку.

Несколько дней Костик щелкал все вокруг: маму, папу, Гришку, столы, стулья, стопочки книг, цветы на подоконнике, вид за окном, вид под окном, носки в тазу, немытую посуду на кухне. Но почти на всех снимках — на фоне книг, носков, посуды и цветочных горшков — оказывался Марсик. Вот Марсик сидит, вот лежит, вот лежит кверху животом, вот Марсик крупным планом, вот крупным планом Марсиковы усы, вот Марсикова лапа на столе. Изведя кучу пленок, Костик сдал их в мастерскую и стал ждать результата. Результат оказался неожиданным.

Девушка, выдававшая фотографии, взглянула на номер квитанции, заговорщически кивнула и скрылась за черной занавеской. Скоро оттуда появился длинный тощий парень с пакетом в руках.

— Это твои фотографии? С котенком? — очень учтиво, с подчеркнутой внимательностью обратился он к Костику.

— Да, — Костик почувствовал смутную тревогу. — Плохо получились?

— Да нет, нормально. Я тут знаешь что подумал? Может, эти фотографии послать куда-нибудь? В журнал какой или в научное общество?

Костик встревожился еще больше.

— Вы не отдадите мне мои фотографии?

— Да нет, бери, — парень с явной неохотой протянул Костику конверт. — Просто я думал, может, у вас кот породы какой особой? У него взгляд необычный.

— Необычный?

— Ну, да. Волчий взгляд. Особенно вот тут, на этом снимке. Может, это не простой кот, а гибрид какой-нибудь?

Костик пожал плечами и обещал поточнее узнать у мамы с папой.

— Узнаешь — заходи, расскажешь. Может, его на выставку куда послать? Я имею в виду, фотки? Редкость все-таки. Можно денег заработать.

По дороге Костик несколько раз останавливался, вытаскивал фотографию из конверта и с подозрением на нее смотрел. Марсик на ней выглядел злобным и взъерошенным, с заостренной мордой и круглыми близко посаженными глазами. Глаза обещали при первой же возможности разорвать вас на кусочки. «Правда, на волчонка похож», — с удивлением подумал Костик.

* * *

— Вот, — сказал он дома, вынимая фотографии, — говорят, Марсик — гибрид.

— Гибрид? Какой гибрид? — не поняла мама.

— Вроде как кошки с волком.

— Что за глупости? С чего ты взял?

— Это не я. Это парень из мастерской. Хотел послать мою фотографию в какой-нибудь журнал. Или в книгу рекордов Гиннеса. Говорит, у Марсика волчий взгляд.

Гибрид кошки с волком в это время прокрался на кухню, воспользовался общим замешательством и стянул со стола салфетку.

Марсик был совершенно уверен: все существа вокруг были созданы для того, чтобы с ним играть — в прятки, в догонялки, в веревочку (нечто среднее между ужом, мышкой и птичкой). Чтобышний раз убеждаться: Марсик храбрый, страшный, хищный. Он дыбил шерсть, прижимал уши, выгибал спину, чтобы до смерти напугать противника — в смысле, веревочку, чью-нибудь руку или ногу. Он прятался за холмиком из покрывала, выслеживая беспечную добычу, скачущую в десяти сантиметрах от его носа. Марсик был уверен, что добыча (веревка) глупа и наивна, а его, Марсика, из-за холмика совершенно не видно, потому что он уткнулся носом в одеяло и наружу торчат только треугольнички его маленьких ушей и круглые желтые глаза — как у Гришкиного крокодила, часами стерегущего добычу в воде. Все остальное — бурое, мохнатое и весьма заметное — не в счет. Минуты две-три Марсик лежал тихо-тихо, прижавшись животом к дивану. Потом его задние лапы начинали выплясывать на месте странный танец. Остальной Марсик был как спортсмен, застывший в низком старте в ожидании команды «Марш!» Эту команду Марсик давал себе сам, прыгал на веревочку, затем отскакивал и неся из одной комнаты в другую, топя по паркету своими толстыми, короткими, разъезжающимися в стороны лапами и рискуя не вписаться в поворот. В этот момент ему очень подходила кличка Бегемот.

Когда Марсик хотел играть, он выбирал кого-нибудь из домашних, вставал на задние лапы, а передними мягко, лишь слегка выпуская коготки, похлопывал избранника по руке. Избранник в это время мог есть, или мыть посуду, или сидеть за компьютером. Не было никаких уважительных причин, освобождавших от обязанности дергать за веревочку.

Откупиться от Марсика можно было только салфетками. Бумажные салфетки были его страстью. Из салфетки скатывали шарик и подбрасывали в воздух. Марсик взвивался вслед за шариком, конечно же, промахивался и делал вид, что все так задумано: он с самого начала планировал схватить шарик после того, как тот приземлится. А прыгнул он с единственной целью — навести на жертву (на салфетку) ужас. После этого Марсик бросался на шарик и катал его по полу, пока тот не переставал быть шариком. После этого он еще некоторое время

таскал остатки салфетки в зубах, как мышь, пойманную во время трудной охоты в полевых условиях.

Но Марсик не всегда ждал, пока ему кинут шарик. Иногда он добывал салфетки без спроса. Например, приходил, когда все обедали или ужинали, усаживался на свободный стул и некоторое время делал вид, будто ему очень нравится сидеть в такой приятной компании. Настолько приятно, что он даже позволит себе положить передние лапы на стол — только кончики в белых перчатках. Все видят, что они белые? Вот и хорошо. А на них можно устроить голову. Вот так. Против этого компания, конечно, тоже не будет возражать. Хотя Марсик отлично знал: залезать на обеденный стол лапами — теми же самыми, которыми он ходит по полу, — ему категорически запрещено. И поскольку других лап у него не было, это правило почти никогда не нарушалось. Даже сейчас появление передних лап на обеденном столе не могло в полной мере считаться нарушением, потому что Марсик клал их на самый краешек. А компания следила за ним с притворным спокойствием и любопытством. Через некоторое время Марсик намечал себе жертву — недалеко лежавшую салфетку, быстро вытягивал лапу, молниеносным движением подцеплял ее когтем, спрыгивал на пол и затевал с салфеткой борьбу, ради которой и было устроено все представление.

Однажды ночью Марсик самым разбойным образом стащил со стола и растерзал на полу недельный запас новеньких разноцветных салфеток. Приглушенный шум битвы заставил маму подняться раньше обычного. Она вышла в кухню и обнаружила, что весь пол усыпан рваными бумажками. И еще мелкие клочки висят у Марсика на манишке, и несколько клочков — у хвоста. А он очень доволен жизнью.

— Ах ты, безобразник, — сказала мама, еле сдерживая смех, и принялась убирать мусор. Но салфетки на ночь больше не оставляли. А на кухонный стол некоторое время ставили три больших кастрюли — вместо ночных сторожей, охранявших его поверхность.

* * *

И вот Марсик стащил со стола салфетку и принялся ее трепать. А все поглядывали на него и рассматривали фотографию.

— Ну, да. Что-то есть, — папа с интересом вертел снимок в руках. — Взгляд действительно волчий. Я, правда, думаю, это случайный эффект. Так сказать, результат качества аппаратуры, помноженный на мастерство фотографа.

— Сынок, поставь фотографию на видное место, — сказала мама. — Все-таки это один из первых твоих снимков. Да еще такой оригинальный!

Костик прислонил фотографию к полке для дисков и подумал, что Марсик — даже с таким

взглядом — получился довольно выразительным.

Пришел Гришка.

— Пойдем, я тебе кое-то покажу. Фотку с волчком. На Марсика похож, — позвал его Костик.

Гришка заинтересовался. Но удивить его Костик не смог: фотографии на столе не было.

— Слушай, что-то не пойму: я сегодня получил из мастерской фотографии. Одну — с Марсиком — вот сюда поставил.

— Ты же говорил, с волчком?

— Там Марсик на волчка похож. В фотоателье мне даже не хотели фотографии отдавать. Сказали, редкий зверь — гибрид волка с кошкой.

— Да ну? — восхитился Гришка. — Может, правда? — и стал искать Марсика.

Марсик сидел под столом, повернувшись ко всему остальному миру задом, и был чем-то очень занят. Наружу торчал только хвост — молчаливое свидетельство того, что у Марсика дело серьезное и не стоит беспокоить его по пустякам.

— Слушай, чем он там занят?

Костик заглянул под стол.

— Марсик! Ты что ешь? А-а-а-а... А ну, отдай! — Костик осторожно ухватил котенка за ноги и вытянул наружу — вместе с предметом, целиком поглотившим внимание котенка. А именно — с собственным изжеванным и изгрызенным портретом, на котором остался только волчий взгляд, а контуры изображения были полностью сведены на нет.

— Мам, ты посмотри, что он сделал! — закричал Костик, отбирая у Марсика остатки своего шедевра.

— Ай-я-яй! — покачала головой мама, глядя на Марсика.

Она всегда ему так говорила, а Марсик делал вид, что понимает. Все-все слова. И что он поступил плохо. И что так не поступают приличные коты. Приличные коты не берут без спроса чужие вещи с письменных столов, хотя им и можно залезать на эти столы своими лапами. А Марсик, конечно же, кот из приличной семьи. Но это надо каждый раз заново подтверждать — примерным поведением и выполнением установленных правил. После такой односторонней беседы с пассивным участием Марсика мама успокаивалась. Хотя, если смотреть фактам в лицо, пришлось бы признать: Марсик знает только два слова. Одно из них — его собственное имя, другое — «нельзя». А все остальные слова звучат для него примерно так: «Мяу-мяу-мяу-мяу!» Иногда длиннее, иногда короче.

— Слушай, может, он оскорбился на вас за все эти подозрения? Будто его отец — волк, и он — не вполне кот? — хохотал Гришка. — А вообще это было бы здорово — гибрид кота с волком!

* * *

Все решили принять Гришкину версию — про оскорбленное Марсиково достоинство — и на некоторое время забыли про фотографию и про сложные гипотезы о происхождении котенка.

До тех пор, пока в кухне не засорилась раковина.

Прочищать засор пришел сантехник Сережа. Он быстро все сделал, скрутил свой шланг, снял перчатки и собрался уходить. Но как раз в это время Марсик появился в кухне, чтобы навестить свою миску.

— Ого! — сказал Сережа. — Ну и кот у вас!

— Что вы, это не кот, это котенок, — поспешила уточнить мама. — Ему всего четыре месяца.

— Тем более, — веско сказал Сережа. Хотя что «тем более», было не совсем ясно. Марсик стал хрумкать сухой корм, а Сережа продолжал на него смотреть и минуты через две вынес свой приговор: — Ценный кот. Монгольский.

— Монгольский? Почему монгольский? — удивился папа.

— Есть такие — монгольские коты. Пушистые. Вот такого окраса. В степи живут. Он, небось, у вас темноту любит? В щели разные залезать?

— Да, любит, — растерялась мама. — Но разве не все кошки охотятся ночью?

— Монгольские коты, они особенно темноту любят. Потому как в норах живут. Ладно, пока. Пошел я.

Папа протянул Сереже сто рублей. Сережа засунул деньги в карман спецовки, еще раз взглянул на Марсика и сказал, уже скрываясь за дверью: — Ценный кот!

— Что-что? Татаро-монгольский? — ржал Гришка. — Вы же его из деревни привезли? Со среднерусской возвышенности? Или это результат кровосмешения в ходе трехсотлетнего ига? Папа, так сказать, кот-монгол, а мама местная.

— Не ёрничай, — оборвала мама зарвавшегося Гришку. — Собачку «японский хин» видел? За ней что, хозяева в Японию ездят? Нет. В московском клубе собаководов покупают. И английского дога тоже. «Монгольский» — просто название породы. В этом что-то есть.

Марсик действительно любил залезать в разные щели, дырки и тоннели. Он, например, обожал смотреть, как стелят постель. То есть не смотреть, а участвовать в процессе. Как только кто-нибудь встряхивал простыней, Марсик тут же прибежал и сядил в самой середине кровати. Все остальное стелилось ему на голову. Сначала вверх-вниз взлетал пододеяльник, потом — одеяло или покрывало. Наконец все это опускалось на Марсика, и он оказывался в темной и мрачной пещере, выход из которой можно было проложить, только проползая на пузе некоторое расстояние. Это было приключение, и Марсик никогда не упускал возможности в нем поучаствовать.

— Степные коты действительно существуют, — сказала мама. — И они действительно крупных размеров. В Монголии много степей. Наверное, они там водятся. Правда, эти коты вряд ли живут в норах. Скорее всего, просто мышкуют и поэтому не боятся засовывать морды и лапы в разные земляные дыры. Почему бы не допустить, что у Марсика в роду есть какой-нибудь степной кот? Это более вероятно, чем лев или волк. Эй, Марсик! Ты где?

Марсик сидел на мамином столе, не проявляя никакого интереса к своей родословной. Он опять что-то жевал.

— Марсик! Что это у тебя?

На этот раз Марсик со вкусом обкусывал фотографии с маминого школьного праздника, аккуратной стопочкой лежавшие на письменном столе.

— Ну, что ты наделал?

Миф об оскорбленном самолюбии Марсика, обвиненного в связях с волками, бесповоротно развеялся. Никаких претензий к маминим ученикам в костюмах бабочек и жуков у него не могло быть.

— Кажется, я кое-что поняла, — сказала мама и достала пакет с новым свитером (совершенно новым!), который она недавно купила папе.

Марсик услышал шелест, тут же насторожился, перебрался со стола, где уже не было ничего интересного (остатки фотографий у него отобрали), на диван, направился к пакету и стал деловито его обследовать, пытаясь добраться до клеевого края.

— Ты разоблачил себя, Марсик! — торжественно сказала мама. — Не знаю, есть ли в тебе монгольская кровь. Но очевидно: ты наглая наркоманская морда, помешанная на клее! Это у тебя по наследству или как?

Марсик не ответил и продолжил свои попытки засунуть голову в пакет. Мама отобрала у него зловредную игрушку, зашуршала пакетом, зашипела страшным голосом и захлопала в ладоши:

— Ш-ш-ш! Лови пож-ж-жирателя фотографий!

Марсик тут же задрал хвост и весело побежал спасаться. Потом вернулся с полдороги и выглянул из-за косяка: бегут за ним или не бегут?

Мама шутливо затопала ногами:

— Сейчас догоню, стра-ш-ш-шный котище! С-с-сын ехидны и утконос-с-с-са!

Марсик тут же дунул обратно, вспрыгнул на подоконник и, сверкая глазами, высматривал оттуда столь необходимого для жизненного тонуса врага.

— Монгольской ехидны и загорского утконоса, — уточнила мама вслед Марсику. — Сынок, подергай немного веревочку. Пойду ужин готовить.

Больше происхождение Марсика не обсуждалось.

Кактус с глазами

Марсик любил сидеть на подоконнике. Мама специально сдвинула цветочные горшки, чтобы Марсик мог с комфортом устроиться у окошка и наблюдать мир «за стеклом». Комнаты выходили на широкий проспект, по которому в обе стороны бесконечным потоком двигались восемь рядов машин. Машины фырчали, троллейбусы пускали искры, иногда проносились автомобили с мигалками — все это Марсика совершенно не интересовало.

Интересовали его птички — голуби и вороны, время от времени мелькавшие в небе. Марсик сидел на подоконнике и «считал» ворон. Появление каждой птицы было сигналом к большой охоте. Уши Марсика напряженно сдвигались вперед, он вытягивал шею и пригибался, готовясь

к прыжку. Еще немного — и Марсик непременно, просто обязательно поймал бы эту ворону. Прямо за хвост. Если бы она — вот ведь зловредное существо! — не исчезла из поля зрения. Тут несправедливо обойденный судьбой охотник оглядывался вокруг, ища способ справиться с разочарованием, и принимал решение заняться прополкой!

По весне мама высаживала в маленькие горшки крошечные росточки новых цветов. Они были еще слабенькими и не успели хорошенько схватиться за землю корешками. Марсик некоторое время оценивающе смотрел на эти ростки и приходил к выводу: их присутствие на подоконнике совершенно неуместно. После этого он хватал какой-нибудь росточек зубами за маленький листик, раскачивал его и вытаскивал из горшка. Некоторые растения Марсик бросал тут же — рядом с горшком. А некоторые еще некоторое время таскал в зубах по всей квартире — как мышку. Следы его сельскохозяйственной деятельности обнаруживались то на полу, то на кровати. Даже в ванной.

— Зачем ты это сделал? Чем эти бедные кустики тебя не устраивают? — мама пыталась понять Марсика, его настойчивое желание искоренить зеленые насаждения.

Она вкапывала в землю то, что можно было вернуть к жизни, и пыталась укрыть маленькие горшочки между больших цветочных горшков. Но Марсик с виртуозностью опытного сыщика отыскивал спрятанные растения, вытягивал их из укрытия своей цепкой монгольской лапой и опять выдергивал из земли.

Тогда мама грозилась отдать Марсика Юрию Куклачеву, знаменитому дрессировщику кошек: может, в цирке способности котенка к прополке найдут полезное применение. Или, придумывала мама для Марсика еще более страшную кару, она начнет сдавать его в наем, в крестьянские хозяйства. Там он будет трудиться от зари до зари, пропалывая свеклу и морковь. Правда, есть опасность, что после марсиковой работы на грядках вообще ничего не останется...

— А я подскажу фермерам, чтобы они смазывали сорняки клеем! — фантазировала мама. Потом гладила Марсика и говорила: — Скучно тебе, котик, в каменном мешке. Вот ты и придумываешь себе хоть какие-то развлечения.

— Скоро лето, Марсик. В Покров поедem, — обещал коту Костик. — У нас там тоже есть грядки. А полоть никто не любит. Будешь главным!

* * *

Солнышко и правда припекало совсем по-летнему, манило на улицу и обещало новую жизнь. На деревьях лопались почки, из земли пробивалась молоденькая травка, а у Гришки появились довольно заметные усики. В связи с этими особыми обстоятельствами ему в голову пришла идея — такая же свежая, как травка, почки и усики, — завести себе девушку.

— Можно завести собаку или кошку; крысу или хомячка, — возмущалась мама. — Но девушку! В девушку можно влюбиться. О девушке можно мечтать. На девушке можно жениться, наконец! Но завести...

— Маман, у тебя устаревшие взгляды! — важно разъяснил Гришка. — Сейчас все заводят девушек. Представь: идешь ты по улице. Ну, идешь себе и — ничего такого. А если ты с девушкой идешь, сразу видно: ты крут!

— Это из чего же видно?

— Ну, ты ее за руку держишь или обнимаешь. Вот и видно.

— А из чего видно, что ты девушку завел? Может, это она тебя завела? Вот Марсик, например, уверен, что это он нас себе завел. Правда, Марсик?

Но Марсик не желал отвечать. И Гришка принимался хохотать, как будто мама сказала что-то совершенно несуразное. Такое, чего на свете просто не бывает. А Костик, хоть и подозревал в маминых словах опасную правду, все-таки был на стороне Гришки. Костик в глубине души тоже мечтал завести себе девушку: ходить с ней, держать ее за руку и говорить приятелям: «Знакомьтесь: МОЯ девушка!»

Пожалуй, так он не мечтал даже о собаке.

* * *

Костик ехал по набережной на велосипеде и вдруг услышал:

— Эй, чувак! Стой!

От неожиданности он резко затормозил: кто его обозвал? Этот кто-то сейчас получит! Костик соскочил с велосипеда — и обнаружил: перед ним стоит Гришка и держит за руку незнакомую девушку. На девушке была короткая розовая маечка, которая очень шла к ее светлым волосам. Между маечкой и джинсами светилась полоска голого живота. Свободной от Гришки рукой девушка прижимала к розовой маечке книжку в ярко-коричневой глянцевой обложке. Костик сразу отметил, что обложка очень красиво блестит на фоне розовой маечки. Девушка так держала книжку, что можно было прочитать: «Гарри Поттер». Сверху на маечке были написаны буквы «I love...». Но что именно «I love», загоразивала книжка. Поэтому получалось «I love Гарри Поттер».

— Знакомься! Это Лена! МОЯ девушка! — сказал Гришка.

Костик не очень знал, что говорят в таких случаях — когда впервые встречаются брата с ЕГО девушкой. Поэтому он довольно глупо улыбнулся и спросил:

— Вы чего тут делаете?

— Мы-то? — Гришка с веселой покровительственностью взглянул на Лену. — Гуляем. На солнышке греемся.

Костик чувствовал, что Гришка прямо-таки раздувается от гордости, и, не зная, что делать дальше, стал дергать велосипедный звонок.

Дзинь... Дзинь... Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь...

— Ты это, как думаешь, если Лену к нам в гости привести? Ну, на обед? Мама не испугается?

— А чего ей бояться? — Костик почувствовал себя полномочным представителем маминых интересов.

На самом деле он не был вполне уверен, что маме нечего бояться. Костик искал какие-нибудь веские аргументы, чтобы убедить себя и Лену с Гришкой, будто это действительно так. Но все аргументы куда-то делись. Они вдруг испарились, эти аргументы. И Костик брякнул первое, что пришло в голову:

— Ей сейчас некогда бояться. Она про Винни-Пуха думает.

— Про Винни-Пуха? — удивилась Лена.

— Винни-Пух — мамин любимый литературный медведь, — с каждой минутой Костик чувствовал себя все глупее. — Ему в этом году восемьдесят лет исполнилось.

— Это какой Винни-Пух — из мультика? — уточнила Лена. — Он что — такой старый? А я-то думала! Он же малюска — Винни-Пух! — Лена переливчато засмеялась и запела:

Я тучка, тучка, тучка,
Я вовсе не медведь!

Гришка тоже стал хохотать и подпевать густым баритоном:

Ах, как приятно тучке
По небу лететь!

Он замахал руками, изображая нечто среднее между тучкой и пчелой, и стал кружиться вокруг Лены.

— Малюска! Из мультика! А такой старый! — продолжала заливаться Лена.

— Ну, вообще-то он не из мультика, — Костик почувствовал, что начинает злиться — от этого их беспричинного общего веселья. — Он из книжки. Это потом про него мультик сняли. И он не старый. Просто его давно придумали. А мама школьный праздник готовит. Ей сейчас про другое думать некогда. Поэтому она не испугается, — сделал Костик неожиданный вывод. — Так что — приходите.

И, чтобы сменить тему, кивнул на блестящую обложку, которую Лена прижимала к животу. На «I love Гарри Поттер»:

— Читаешь? Нравится?

— Очень! — Лена произнесла это с особым выражением лица, позволявшим безошибочно опознать в ней духовное существо. — Правда, я пока немного прочитала: пять страниц сначала и три — с конца.

— С конца? — Костик не то чтобы удивился. Просто решил уточнить.

— Ну, знаешь, за героев всегда так волнуешься, пока читаешь. Прямо все нервы себе истреплешь, — тут Лена немного скосила глаза, чтобы заглянуть в зеркальце велосипеда и оценить урон, нанесенный такими волнениями. Урон оказался не столь сильным, как она опасалась, и Лена уже совершенно спокойно подытожила: — Вот я и смотрю сразу, чем кончится. Чтобы не очень волноваться. К тому же, надо быть в курсе.

— В курсе чего?

— Ну, спросит тебя кто-нибудь, чем все кончилось. А ты не знаешь. Не прочитал еще. И неловко как-то. Вот и хочется быть в курсе.

— А-а! — тут Костик решил, что пора прощаться. — Ну, я поехал! Пока!

— Пока-пока, — мило улыбнулась Лена.

— Пока, брат. До встречи! — на прощанье Гришка решил подпустить немного семейной теплоты.

* * *

— Мам, Гришкину девушку Леной зовут. Она «Гарри Поттера» читает, — поделился Костик с мамой свежей информацией. — И еще — они на обед к нам придут. В воскресенье.

— В воскресенье?

— Я их пригласил. Нечаянно. Само как-то получилось.

Мама вздохнула:

— Придется отменять репетицию, — и вдруг засуетилась. — Может, котлетки пожарить? Как ты думаешь? Папы, правда, не будет. Он в это воскресенье работает. Оно и к лучшему. Давай, мы сначала сами... Ну, познакомимся.

В воскресенье Гришка с Леной пришли на обед. На Лене была короткая голубая маечка, под которой светилась полоска голого живота. Одной рукой Лена держалась за Гришку, а другой прижимала к себе книжку в темно-лиловой обложке с белыми разводами. Сверху на маечке можно было прочесть слова «Все будет», а на обложке — «Мураками». Получалось «Все будет Мураками».

— Ты что — «Гарри Поттера» уже прочитала? — удивился Костик.

— У меня еще будет время, — уклончиво ответила Лена. — А Мураками — тоже очень модный писатель. И обложка видишь какая красивая.

Чтобышний раз убедиться в собственных словах, Лена взглянула на себя в зеркало. Костик должен был признать: лиловая обложка Мураками действительно подходит к маечке. Гораздо лучше, чем коричневый «Гарри Поттер».

— И что же — вам нравится Мураками? — церемонно вмешалась мама.

— Ой, очень нравится. Правда, я пока немного прочитала: пять страниц сначала и три — с конца. Знаете, так волнуешься за героев, пока читаешь. Прямо все нервы себе истреплешь. Вот я и смотрю, чем кончится.

Тут Костик почувствовал себя Архимедом, который открыл Новый Закон. Он мог бы почувствовать себя кем-нибудь другим. Например, Ньютоном или Эйнштейном. Но почувствовал себя Архимедом. Из-за Гришки. Взглянул на него в этот момент, и в голову пришел Архимед.

Архимед прославился тем, что полез купаться в ванну, до краев наполненную водой. Гришка всегда поступал так же: наливал полную ванну воды и влезал в нее. Вода выплескивалась на пол. Тут обычно прибегал папа, заставлял Гришку вылезти и вытереть лужу — чтобы ни капли не просочилось к соседям на нижнем этаже, — и только после этого Гришка мог продолжить принимать ванну.

С Архимедом все обстояло иначе. Возможно, у него не было папы. Или соседей. Архимед влез в полную ванну, и на полу образовалась лужа. Но никто не стал вытаскивать его из ванны.

Архимед совершенно спокойно сидел и смотрел на лужу. Смотрел, смотрел и вдруг понял: он вытеснил воду! В том объеме, который занял сам. В результате Архимед все-таки выскочил из ванны, но не для того, чтобы этот вытесненный объем вытирать. Он понял, что открыл Новый Закон, и голышом помчался по городу с криком «Эврика!»

Костик еле сдержался, чтобы не закричать «Эврика» — ведь он тоже открыл Новый закон! Закон чтения. Под названием «Пять плюс три». Читаешь пять страниц сначала, три с конца — и всегда в курсе!

Костик увидел, что и мама догадывается о существовании этого закона и потому смотрит на Лену как-то не так. Не совсем так, как надо.

— А вы, Лена, значит, не любите волноваться? — очень вежливо уточнила она.

Гришка почуял неладное и поспешил перевести стрелки:

— Это маман у нас волноваться любит, — хохотнул он. — Правда, маман? Ты все время волнуешься — по поводу и без повода? А вот и Марсик пришел! — Гришка решил, что Марсик поможет разрядить обстановку. — Смотри, Марсик, это Лена! Моя девушка.

Марсик вытянул шею и стал нюхать, чем пахнет от Гришкиной девушки.

— Ой, какой котик! — заверещала Лена и присела на корточки. — Ой, какой хорошенький! А что это у него мордочка такая несимметричная? Слева щечка черная, а справа — с белым пятнышком? Замазать надо! А то некрасиво. Пусть обе щечки одинаковыми будут. Иди, иди сюда! Меня все кошки любят, — заявила она, слегка повернувшись к нам. — Сразу на руки идут.

— Но Марсик ни к кому не идет на руки, — осторожно заметила мама. — Он очень самостоятельный и не любит, когда ему навязывают ласки.

— Ну, да! Не любит! Сейчас полюбит! Как миленький! — Лена вдруг хищно ухватила Марсика и прижала к себе. — Вот и славненько!

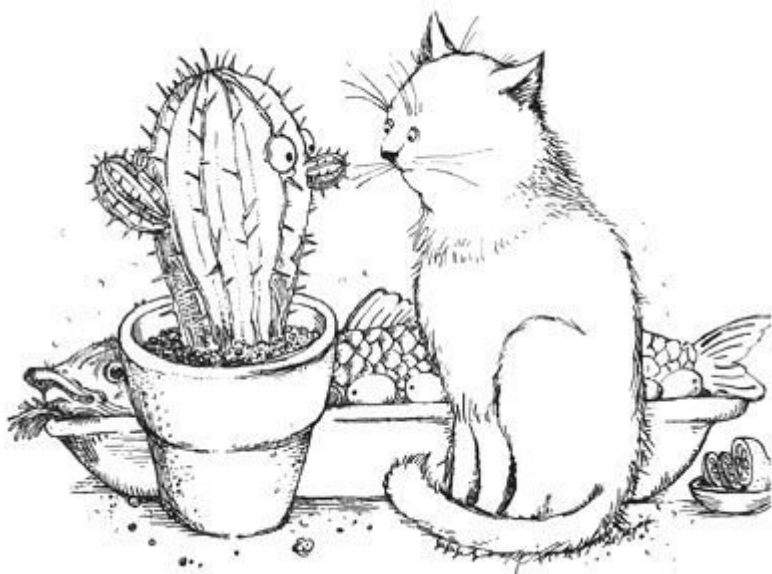
Марсик напрягся и замер. Потом вдруг дернулся, уперся задними лапами в голый Ленин живот, вывернулся из рук и дал стрекача.

— Ай!

У Лены на голой полоске под маечкой стали проступать красные следы Марсиковых когтей. Как в детской книжке «Волшебные картинки».

— Ну, вот! Я же предупреждала! Подожди! Я сейчас перекись достану, — от расстройства мама без предупреждения перешла на «ты».

Пока она прижигала следы когтей на Ленином животе, Гришка суетился вокруг, подбадривая Лену глупыми шуточками и сомнительными обещаниями, что «до свадьбы у нее все заживет».

— Вы что же — и не накажете его? — в голосе Лены появились капризные нотки. — За то, что царапается?

— Мы никогда не наказываем Марсика, — сухо заметила мама. — Он прекрасно понимает слово «нельзя». К тому же он поцарапал тебя нечаянно — потому что испугался.

— Ну, ладно, Ленка! Сама виновата! — Гришка вдруг перекинулся на мамину сторону. — Не надо было его хватать. Чего теперь жаловаться?

— Но как я пойду по улице с такими метками? Что обо мне люди подумают? — И Лена, ища утешения, скосила глаза в сторону зеркала.

Костик хотел сказать, что можно держать «Мурками» чуть пониже, и тогда красных точек не будет видно. Но мама предложила более удобный вариант.

— Я одолжу тебе пудру. Припудришь ранки, и следов не будет заметно, — заверила она Лену. — А сейчас давайте обедать. Вы же на обед пришли?

— Давайте, давайте! - засуетился Гришка. — У нас сегодня что? Неужели котлетки?

— Котлетки, котлетки, — примирительно заворчала мама.

— Обожаю котлетки. Ленка, проходи. Ой, маман, знаешь, мы тебе подарок принесли. Вот. Лена выбирала!

Гришка бросился обратно в прихожую, притащил в кухню пакет и достал оттуда маленький колючий кактус в горшочке.

— Правда, забавный? — Лена уже расслабилась и позволила себе снова незаметно взглянуть в зеркало.

К колючкам кактуса были прицеплены бумажки, изображающие глаза и нос.

— Гриша сказал, вы не любите срезанные цветы. И мы решили подарить вам цветок в горшочке. Вам нравится?

— А зачем кактусу глаза? — не поняла мама.

— Маман, ну ты совсем! Это ж для прикола! Как в анекдоте: сидит в горшке грустный кактус. Его спрашивают: кактус, кактус, ты чего грустишь? А он отвечает: я не кактус. Я ежик. В норе застрял.

— А я тоже анекдот знаю, — вмешался Костик. — Ежика спрашивают, ты чего такой колючий? А он отвечает: я не ежик, я мышка. Просто болею.

Мама почувствовала, что сопротивление бесполезно.

— С глазами так с глазами, — вяло согласилась она. — Пусть пока здесь постоит. А вы идите мыть руки.

Гришка устроил Лене экскурсию по квартире, а мама принялась накрывать стол. Она ходила из кухни в комнату, а Лена с Гришкой ходили из одной комнаты в другую, из комнаты в ванную и обратно. И Костик тоже ходил туда-сюда. Поэтому прошло изрядно времени, когда все, наконец, снова собрались в кухне. Стол был накрыт, как на Новый год. И там, среди тарелок с салатами, между селедочницей и фаршированными помидорами, стоял маленький цветочный горшочек. Вокруг него была рассыпана земля. А внутри — там, где должен был сидеть кактус с глазами, — ничего не было.

— Где же кактус? — удивилась Лена.

Все благоразумно промолчали. Костик искал глазами Марсика, но его не было видно. «Кактус ведь колючий, — подумал Костик рассеянно. — За что же Марсик его ухватил? Неужели — за колючки?»

Мама быстро смахнула со стола землю и скомандовала:

— Все. Давайте рассаживаться! Лена, ты куда хочешь сесть? Садись в это кресло. Мы всегда усаживаем в него дорогих гостей.

Все могло сложиться иначе, не будь в кухне настенного шкафчика. Дело даже не шкафчике, а в зеркале, которое украшало его дверцу. Не будь этого зеркала, Лена бы, может, взглянула на место для дорогих гостей, куда ей предстояло сесть. А так она смотрела на себя в зеркало и садилась в кресло спиной, придерживая его за ручки. И когда она в это кресло села, ее лицо вдруг странно вытянулось. А глаза и рот внезапно стали круглыми. Секунду-другую Лена смотрела мимо нас невидящими круглыми глазами, и ее рот сначала тоже был просто круглым. Потом раздался оглушительный визг. Лена вскочила с кресла и, не переставая визжать, кинулась в ванную комнату.

— Неужели? — ахнула мама. — Неужели Марсик бросил кактус в кресло?

— Нет здесь никакого кактуса, — сообщил Костик, исследуя покинутую Леной поверхность. — Одни глаза. — И показал на прилипшие к ворсинкам кресла кусочки бумаги.

— Тем хуже для Лены! — горько констатировала мама.

Несмотря на трагичность ситуации, Гришка не мог не восхититься кровожадностью Марсика.

— Это что — кошачья вендетта? Месть за то, что его схватили и хотели сделать симметричным? — уточнил он.

— Не надо приписывать Марсику злые намерения, — раздраженно оборвала Гришку мама. —

Он не хотел ничего плохого. Бросил кактус, где пришлось. Без всяких задних мыслей. Костик подумал, что Лене это вряд ли удастся объяснить. Она уже перестала визжать, заперлась в ванной и включила воду, чтобы заглушить свои рыдания и бесполезные попытки «посторонних» прийти ей на помощь. Не могла же она сказать: «Освободите меня, пожалуйста, от этого кактуса! Он воткнулся в меня там-то и там-то!» Она даже Гришке не могла этого сказать, потому что хоть Лена и была Гришкиной девушкой, но не до такой же степени! Поэтому Лена одиноко страдала в ванной и как-то спасала себя сама. Потом мама поила ее успокоительным. Но это мало помогло.

И в конце концов Лена сказала Гришке, что больше не желает знать ни его, ни его зловредного кота. При этом Лена очень выразительно окинула взглядом всех остальных, чтобы и они на свой счет не заблуждались. Хлопнула дверью и ушла, так и не воспользовавшись пудрой. Будто бы ей нарочно подложили кактус в кресло.

* * *

Прошло несколько дней. Гришка пытался вернуть окружающему миру прежние очертания, но у него ничего не получалось. Он звонил Лене — она бросала трубку. Он стоял у нее под окном — она не выходила. Потом Лена вдруг позвонила сама и заявила, что готова снова стать Гришкиной девушкой, если он принесет к ее ногам шкуру своего гадкого кота.

Она ведь не знает, что это Марсик вырвал кактус из горшка? — удивился Костик.

— Может, догадалась? — предположил Гришка.

Скажешь! Где ты еще видел котов, способных к прополке?

К тому же Марсик не знал, что она сядет в это кресло. Он ни в чем не виноват!

— Да она просто глупая какая-то! — вдруг сказал Гришка. — Еще закрасить его хотела. Помнишь? Все кошки ее любят! Прямо уж!

— Слушай, а может, мама была права. Может, она считает, будто это она тебя завела, а не ты ее?

— Ну, ты скажешь!

Но Гришка внезапно утешился. И решил, что девушек пока заводить не стоит. Вот завели Марсика — и хватит.

Пулька

За три дня до отъезда на дачу мама с папой отправились в зоомагазин покупать для Марсика перевозку.

«Кошки не любят ездить. Они не сидят на сиденьях автомобилей и не смотрят в окно, как собаки. Они кричат и пытаются убежать. А еще из них сильно летит шерсть, — сказала мама. — Перевозки придуманы специально для того, чтобы кошки меньше пугались, а хозяевам в дороге было бы легче терпеть ужасное кошачье поведение».

Зоомагазин, в который приехали мама с папой, был очень хороший, и там продавалось много всякой всячины: птички, рыбки, хомячки, бурундучки, ящерицы, разный корм, клетки, тазики, коврики, игрушечные косточки и игрушечные мышки, комбинезоны, бальные платья и

парадные костюмчики для собак, замысловатые расчески для длинношерстных животных и звериная косметика. Сумки и клетки-перевозки занимали целую полку. Их было видов семь или восемь. Может, даже десять. Поэтому мама с папой растерялись.

— Вы не посоветуете, что нам купить? — немного смущаясь, обратился к продавцу папа. — Какую перевозку для кота?

— Да хоть эту! Не перевозка — мечта! — сказал продавец и достал с полки клетку величиной с небольшой дом. У клетки были цветные застёжки, резные ставенки и ажурные решётки на окнах и пять открывающихся дверок.

— И сколько стоит эта мечта? — осторожно поинтересовалась мама.

Продавец назвал цену. Мама тихонько ахнула. «Если мы купим именно эту мечту, — шепнула она папе, — то долгое время не сможем мечтать ни о чем другом».

— А еще что-нибудь вы можете предложить? — снова вежливо спросил продавца папа.

— Да у нас все хорошее, — увильнул продавец от прямого ответа. — У вас кто? Кот? Вот и представьте себя на его месте. В какой перевозке вы бы хотели ехать? Какая кажется вам уютной, ту и покупайте!

— Я бы чувствовала себя уютно вот в этой симпатичной маленькой сумочке, — тут же сказала мама, указывая на самую простенькую и дешевую перевозку.

— Ты рассуждаешь, как кошка, которая по размерам намного меньше Марсика, — возразил папа. — Марсик не сможет здесь даже лечь. Лично я с удовольствием путешествовал бы вот здесь. — И папа ласково погладил изящный домик, похожий на тот, что уже показывал продавец, но немного меньших размеров, с одноцветными застёжками и всего с тремя дверцами.

— Ты же все равно пока остаешься дома? — мама поторопилась напомнить папе, что отпуск у него еще не начался и везти Марсика на дачу придется ей. — К тому же, скажи, зачем коту в дороге этот узкий балкончик, подвешенный под окном? Предположим, ты — крупный кот. Разве ты сможешь воспользоваться балконом по назначению? Я вообще не понимаю, зачем он здесь.

— Ну, это для красоты. Чтобы хозяева радовались внешнему виду кошачьего дома.

— Меня этот балкончик совсем не радует, — насупилась мама. — Он меня огорчает. Потому что за него придется дополнительно платить. А Марсику, который будет сидеть внутри, все равно, есть снаружи какой-то бессмысленный балкон или нет.

— Ну, ладно, — вздохнул папа, расставаясь с мечтой о путешествии в доме с балкончиком. — Давай купим вот эту перевозку. Она не очень большая, но и не маленькая. Здесь Марсик сможет лечь, и вентиляция хорошая.

* * *

Марсику перевозка очень понравилась. Он ведь не знал, что ему придется в ней куда-то ехать. Поэтому он тут же влез в новый домик и стал хитро оттуда на всех поглядывать. А мама с папой радовались, что сделали правильный выбор. Но в день отъезда все изменилось. Не было времени ждать, пока Марсик решит навестить передвижной домик по собственной инициативе:

пришлось его туда запихнуть. Когда решетчатую дверцу закрыли, Марсик стал жалобно мяукать и царапать решетку лапой.

«Марсик, надо потерпеть, — стала успокаивать его мама. — Вот приедем в Покров, там будет травка и свежий воздух. Все неприятности окупятся. Поверь!» Марсик слышал, как мама долго говорила: «Мяу-мяу-мяу. Мяу-мяу-мяу, мяу-мяу-мяу, мяу-мяу-мяу». Но почему его надо было запирать, не понимал. Мама вздохнула, Костик тоже вздохнул, взял клетку с плененным котом и понес на улицу. Тут Марсик испугался еще больше: он ведь никогда не выходил из квартиры. А уж когда сели в машину, от страха, от запаха бензина, от звуков двигателя, от дрожания и дребезжания своего домика и оттого, что все происходит против его воли, Марсик начал кричать в полный голос. Коллективное сострадательное «Мяу-мяу!» его совершенно не успокаивало. Он высунул язык, тяжело дышал и капал слюной.

Мама надеялась, что в пути Марсика укачает и он заснет. Через некоторое время он действительно тяжело задремал, но на каждом светофоре просыпался и жалобно мяукал. Так что сидевшие в машине всю дорогу приговаривали: «Ничего-ничего! Ничего-ничего! Скоро доедем! Скоро доедем!»

Когда же путешествие, наконец, закончилось, несчастный Марсик, обретя свободу, тут же залез под дачный диван и спрятался в самом дальнем и темном углу.

— Ладно, не будем к нему приставать. Пусть посидит в укромном местечке. Выйдет, когда успокоится, — сказала мама. Все бегали из дома на улицу и обратно, таскали вещи и развешивали сушиться отсыревшие за зиму одеяла. Потом Гришка с Костиком вышли в сад, сгребли в кучу сухие прошлогодние листья и разожгли костер. И хотя он целиком состоял из мусора, Гришка умудрился поджарить на нем неизвестно откуда взявшуюся сосиску.

— Ты уже почти дядя, с усами, — сердито говорила мама. — А не можешь удержаться, чтобы не стащить со стола кусок. Ну почему нельзя дожидаться вечера, собраться у костра и нормально отпраздновать приезд!

Гришка не испытывал ни малейших угрызений совести.

— Мам, а мне можно сосиску? Умираю, как есть хочется. — Костик чувствовал, как перечеркивает и без того сомнительный эффект маминой воспитательной беседы, но ничего не мог с собой поделать.

Мама пожала плечами, буркнула что-то про бородатых младенцев, а потом выдала полбуханки черного хлеба и пять сосисок — три Костику и две Гришке. Ведь одну сосиску он уже съел!

— И запируем на просторе! — пел густым баритоном Гришка, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком и размахивая палкой, на которой была нанизана обгоревшая горбушка. Костику тоже было весело. Вот оно, долгожданное лето! Началось!

— Сынок, загляни-ка под диван, — попросила мама Костика, когда все вернулись в дом. — По моему, Марсику пора вылезать. Костик постарался что-нибудь разглядеть в темной глубине. Это было непросто, и ему показалось, что никакого Марсика там нет.

— А где же тогда Марсик? — испуганно спросила мама. — Кто-нибудь видел Марсика?

Костик и мама стали бегать по дому, заглядывать во все углы и звать: «Марсик! Марсик! Марсик!»

— Да что вы психуете? — Гришка был само спокойствие и рассудительность. Будто не он три часа назад стащил со стола сосиску. — К чему психовать? Это же КОТ! Пусть хоть здесь поживет нормальной кошачьей жизнью!

— Я не мешаю КОТУ жить своей жизнью, — рассердилась мама. — Я просто хочу знать, где именно проходит эта жизнь. И снова стала звать:

— Марсик! Марсик! Да вот же он! Марсик, что это у тебя!

Марсик появился со стороны балкона и что-то держал во рту.

— Где ты взял эту дохлятину? — удивилась мама.

Марсик, видимо, решил что-то объяснить маме и поэтому немного разжал челюсти. «Дохлятина», то есть бабочка, упала на пол, но тут же затрепетала крылышками, пытаясь взлететь.

Марсик подпрыгнул, с неожиданной ловкостью снова схватил ее и — проглотил. Тут все поняли, где он ее взял: ПОЙМАЛ! Сам. На балконе. Глаза Марсика возбужденно поблескивали. У него тоже началось лето.

Умей Марсик говорить, ему пришлось бы признать: стоило два часа помучиться в перевозке, чтобы попасть на дачу. Но так как говорить он не умел, окружающие должны были догадаться об этом по его виду. Марсик выходил в огород, садился, обернув задние лапы хвостом, прищурился и нюхал воздух. Можно было поклясться, что в этот момент он улыбается. Вообще-то считается, что кошки не умеют улыбаться. Этой способностью был наделен единственный в мире кот — Чеширский. Да и тот обладал дурацкой привычкой растворяться в воздухе, оставляя улыбку болтаться без присмотра. Марсик не собирался растворяться. Он весь был одна сплошная пушистая улыбка. Улыбка окружающему миру, который так интересно пахнет!

Конечно, Марсик сохранил верность некоторым привычкам городской жизни. Он по-прежнему ходил в туалет дома, в свое любимое корыто, которое приехало вместе с ним на дачу. И на птичек охотился так же, как делал это, сидя на подоконнике в Москве. Однажды Костик вышел из дома и увидел: Марсик распластался по земле и куда-то сосредоточенно ползет. Будто он — мастер маскировки, и его — такого бурого и лохматого, лежащего на брюхе прямо посреди

двора, — никому не видно.

— Ты куда, Марсик?

На дальней яблоне, почти на самой верхушке, суежилась стайка синиц. Марсик, судя по всему, изображал охоту на крупную дичь.

— Шел бы ты в огород — бабочек ловить! — дружески посоветовал ему Костик.

Тут птички вспорхнули и улетели. Марсик вскочил, пытаясь напоследок напугать синиц своим хищным взглядом, потом посмотрел на Костика и мяукнул, призывая поиграть. Костик зашипел, затопал, и Марсик пустился удирать.

Однако скоро он перестал навязывать людям эту смешную, но обременительную обязанность — играть с ним. В жизни Марсика появилась Пулька.

Пулька — совсем мелкая, ростом с полкошки, — жила в соседнем дворе, у тети Веры и Большого Лени, сына тети Веры. Большой Леня был действительно очень большим и носил соломенную шляпу с круглыми полями. Работал он на лесопилке, а когда был дома, с утра до вечера копался в железных внутренностях доисторического автомобиля. Большой Леня надеялся, что автомобиль когда-нибудь заведется. Но автомобиль не хотел лишать Леню смысла жизни и не заводился. В общем, Большой Леня больше всего на свете любил этот автомобиль. Ко всему остальному он в целом был равнодушен. Кроме Пульки. Пулька занимала в Ленином сердце второе по счету место.

«Вот недомерок-то! — ласково говорил он, прижимая к себе Пульку, и объяснял: — Видно, у ней нарушения в организме. Вот она до нормальной кошки и не выросла. Зато мышей как ловит! Ух, как! Ни одной за зиму не осталось. Среди больших кошек таких еще поискать надо!».

Хотя судьба не обошла Пульку хозяйской любовью, как большинство деревенских кошек, жила она впроголодь.

С появлением соседей Пулька сразу почуяла: где-то в доме есть миска, до краев наполненная едой. Миска действительно была и принадлежала Марсику. В мамином справочнике было написано: приличный кот в приличном доме должен есть, когда захочет и сколько захочет. Поэтому миску никогда не убирали и только время от времени досыпали в нее свежего корма. Пульку это очень устраивало. И обстоятельство, что миска принадлежала Марсику, ее нисколько не смущало. Нужно было только выяснить, где находится заветная щель, через которую можно к этой миске пробраться.

Марсик не подозревал об истинных намерениях Пульки. Увидев ее в первый раз, он пришел в неописуемый восторг, тут же отменил все дела по исследованию дальних пределов огорода и остался во дворе. А Пулька только мельком взглянула на Марсика — опасен или не опасен? — поняла, что никакой опасности нет, и тут же потеряла к нему всякий интерес. Марсик не желал замечать равнодушные кошки. Некоторое время он просто смотрел на забавную незнакомку. А потом вдруг неожиданно припал к земле, затанцевал задними ногами, готовясь к прыжку, сильно оттолкнулся, бросился на Пульку и...

И ничего. Просто подбежал к ней и сел рядом. Пулька вяло отскочила. Марсик снова прыгнул. Тогда Пулька отбежала чуть дальше, спружинила и тоже прыгнула в сторону Марсика. Марсик радостно кинулся в кусты, спрятался там и из этого сомнительного укрытия стал выслеживать Пульку.

Пульке, впрочем, вся эта бессмысленная беготня скоро надоела. Она посчитала, что на сегодня разведка закончена, и отправилась по знакомой тропинке в сад. Марсик припустил за ней. Пулька пару раз досадливо обернулась и, желая отделаться от навязчивого спутника, прибавила скорости, а потом с разбегу вскарабкалась на крышу. Марсик полез за нею.

— Ой-ой-ой! — запричитала мама. — Он не упадет?

Костик, как и мама, смотрел на гимнастические упражнения коротконового Марсика с некоторой опаской. Марсик сильно смахивал на маленького медведя, и от него не ожидали особой ловкости. Однако с трюками Пульки он пока справлялся, хотя выглядел не так грациозно и производил гораздо больше шума.

— Смотри-ка, — попробовал Костик успокоить маму, — он вполне! На уровне!

— Да поймите вы, наконец, это КОТ! — опять попытался вразумить домашних Гришка. — КОТ! Ему положено уметь лазить.

— Мало ли, кому что положено! — мама стояла, задрав голову, и не спускала с Марсика глаз. — У него же нет никакого опыта. Он провел детство в каменном мешке.

Марсик влез на крышу и стал обозревать оттуда окрестности.

— Эй, медведь, слезай! Грохнешься! — Костик попытался образумить кота.

Но Марсик был настроен покорять новые пространства.

Очень скоро, бегая за Пулькой, он выучил разные хитрые маршруты: с балкона — на крышу, с крыши — на сарай, с сарая — в соседний огород — и стал исчезать из поля зрения. Мама очень волновалась, бегала по саду и звала:

— Марсик! Ма-а-арсик! Ты где?

Костик тоже бегал и кричал:

— Марсик-Марсик-Марсик!

Только Гришка важно говорил:

— Оставьте животное в покое! Это же КОТ! Пусть ведет полноценную кошачью жизнь!

Вечером все выходили в сад — подсмотреть падающую звезду и загадать желание. В саду стояла тишина. Совсем не такая, как в городе: ничего не слышно — вот и тихо. Эта тишина была наполнена запахами и звуками, похожа на глубокий таинственный колодезь, через который герои разных сказок попадают в другие миры.

Но стоило поверить в прекрасное, как где-то по соседству страшными вибрирующими голосами начинали завывать коты. Мама тут же вздрагивала и спрашивала:

— Вы не видели, в какую сторону пошел гулять Марсик? Неужели туда? Что он там забыл? Ведь он еще маленький! Его могут обидеть!

— Ну, понимаешь, — пытался объяснить Костик маме. — Это как местная дискотека. Только для котов. На дискотеке всегда немного опасно. Вдруг побьют? Это щекочет нервы, и потому интересно. Помнишь, как я хотел сходить на покровскую дискотеку?

— Тебе хватило одного раза, чтобы больше не хотеть. А в Марсике я совершенно не уверена, — вздыхала мама. — К тому же неясно, во сколько эта дискотека закончится.

Время от времени кошачье сборище, как и положено на дискотеках, завершалось массовой дракой, и тогда Марсик, взерошенный и напуганный, возвращался домой кружным путем, подолгу отсиживаясь в кустах и отыскивая тропки, свободные от местных головорезов. Мама и Костик сидели и ждали, когда же он, наконец, появится. И не могли лечь спать. И держали открытой дверь — на тот случай, если Марсик придет со двора, и форточку — если он придет через крышу.

А вообще Марсику на даче было хорошо. Он валялся в песке, грелся на солнышке, ел свежую травку и купался под мелким дождиком. Шерстка у него стала гладкая и блестящая, и он все чаще походил на пушистую улыбку.

Быстро усваивая уроки вольной кошачьей жизни, Марсик научился вечерами пробираться в соседний двор, где жила Пулька, подкарауливал ее и вынуждал играть в догонялки.

— Как вы думаете, можно назвать это кошачьей дружбой? — спрашивала мама.

Пока Костик думал, наблюдая из окна темные силуэты скачущих в ночи кошек, Гришка успевал высказаться.

— Не верю женщинам, — произносил он тоном бывалого человека, немало повидавшего за шестнадцать лет жизни. — Не верю, даже если эти женщины — кошки. Как говаривал старина Винни-Пух, «никогда не знаешь, что случится, если имеешь дело с пчелами!» Я имею в виду — с женщинами.

Мама от него отмахнулась: «Тоже мне — специалист по женскому вопросу!»

Но через пару дней, войдя в комнату, она увидела, как к окну метнулась маленькая юркая тень, а Марсикова миска была вылизана до дна.

— Так! — сказала мама. — Пулька высмотрела, каким путем Марсик возвращается домой, проникла за ним на балкон и обнаружила его миску.

— Коварная кошачья женщина! Прикидывается другом, а в голове лишь одна мысль — полопать за чужой счет! — Гришка чувствовал себя оракулом, пророчества которого оправдались.

У древних греков оракулами назывались специальные жрецы, предсказывавшие будущее. Без предсказания греки не могли сделать ни шагу. Хотя, если честно, что-либо понять из этих пророчеств было совершенно невозможно. Один царь спросил, надо ли ему идти на войну, а ему ответили: «Пойдешь — погубишь великое царство». Царь обрадовался и пошел. Проиграл войну и спрашивает: «А как же пророчество?» Оказалось, речь шла о разрушении его собственного царства. Но это все мелочи. Они касались тех, кому предсказывали, а не самих оракулов. Оракулов чтили и почитали — независимо от последствий их предсказаний. Поэтому Гришка был не прочь закрепить за собой эти функции.

Но мама, несмотря на очевидное Пулькино вредительство и вылизанную миску, не похвалила Гришку за ясновидение и не выразила желания обращаться к нему впредь.

— Придется переставить миску с балкона в комнату, — решила она. — Надеюсь, туда даже эта проныра залезть не осмелится.

Миску переставили поглубже в дом. Но Пульку эти смешные меры предосторожности не остановили. Она с воровским бесстыдством пробиралась в комнату, чуть ли не под мамину кровать, и в один присест поглощала порцию, которой беспечному баловню Марсику хватило бы на три дня.

— Эта нахальная Пулька хочет нас разорить! — возмущалась мама. — Скоро придется перевести Марсика на диету из бабочек.

У Пульки, без разрешения кормившейся в чужом доме, были уважительные причины: она ждала котят. Об этом нам сообщил Большой Ленья. Где в маленьком тельце этой полукошки могли разместиться еще и котята, было не очень понятно. Но есть Пулька хотела и за себя, и за тех, кто прятался у нее внутри. Маму это отчасти утешало. Она была не прочь прикармливать Пульку, но на крыльце и чем-нибудь попроще, чем дорогой корм, который папа привозил Марсику специально из Москвы. Тем более что Пулька вряд ли могла считаться гурманом. Но недоверчивая кошка предпочитала не клянчить, а воровать. И с этим поневоле приходилось мириться.

* * *

Внезапно продовольственные налеты Пульки прекратились. Два дня Марсик тщетно сидел во дворе у Большого Лени, подкарауливая коварную кошачью женщину, которую по наивности принимал за свою подругу: Пулька не появлялась.

— Видно, котиться ей время пришло, — объяснил Большой Ленья. — Только где у нее гнездо, не знаю. Везде глядел! Ни следа, ни зацепочки.

Пулька появилась через три дня — неизвестно откуда, вылакала из блюдечка молоко и опять исчезла — неизвестно куда. Большой Ленья хотел ее выследить, но не смог.

— Спрятала котят! Да как спрятала! Вот ведь хитрая bestия! Полкошки, а ума — на целых десять! — восхищался он. Прошло еще три дня, и котята обнаружили себя сами.

Летний день обещал быть сухим и теплым. На тоненьких веточках вишен наливались ягоды и уже радовали глаз своими красными пятнышками. Но что-то было не так. Какой-то неправильный звук наполнял воздух. Час от часу он становился все сильнее. Марсик сидел на балконе и нервно поводил ушами.

— Вы слышите? — спросила мама. — Что это?

— По-моему, котята пищат. Надо сказать Большому Лене. Большой Ленья был мрачен, как туча.

Пульки нет. Со вчерашнего дня не показывалась. Вот они и кричат — от голода. Я по писку ихнему гнездо нашел. Знаете, где она котят спрятала? За обшивкой вашего дома.

Сразу вспомнилась тень на балконе, бесследно исчезающая при чьем-нибудь появлении, и напряженный Марсик у маленькой дырки в стене. Между досками обшивки и бревенчатой стеной дома было некоторое пространство, но лишь полукошка Пулька могла выбрать такую узкую щель для своих котят. Никто, кроме нее, не смог бы туда пролезть.

Писк становился все громче и отчаянней. Костик больше не мог читать, взял книжку и пошел в сад. В самом дальнем его конце уже сидел Гришка и с видом глухого Бетховена щипал гитару. Не отпуская струн, Гришка взглянул поверх Костиковой головы и, как бы между прочим, спросил: «Ну, как? Все кричат?» Костик кивнул, сел рядом и стал смотреть на деревья.

Здесь писка котят слышно не было.

Через щель в заборе было видно, как в соседнем дворе то и дело появляется Большой Леня и бессмысленно ходит туда-сюда.

«Жду до вечера, — договаривался он сам с собой. — Что мне с котятами-то делать? Без матери?»

Пулька так и не появилась. И к вечеру писк стал непереносимым. Костик увидел, как Большой Леня идет через двор с топором в руках.

— Мам, зачем Лене топор?

— Наверное, хочет вскрыть обшивку. По-другому до котят не добраться. А пойду-ка я с ним поговорю, — вдруг решила мама, накинула куртку и быстро вышла.

Тук. Тук. Кряк. Крах!

Костик прислушивался к звукам топора, и сердце у него прыгало то вверх, то вниз. Гришка уже не мучил гитару, а играл на компьютере в какое-то «Догони-убей», не желая принимать близко к сердцу неисправимую реальность.

В стену перестали колотить, а писк котят, наоборот, стал вдруг очень громким. Потом все стихло.

Еще через некоторое время Большой Леня позвал маму:

— На вот! Вишь — беленький какой. Попробуй воспитать.

* * *

Мама вернулась, прижимая к груди пищаний комочек.

— Пулькино наследство, — коротко сказала она, показывая крошечного котенка. — Хорошо, что глазки открыл уже. Давайте попробуем его покормить.

Когда-то в детстве мама кормила из соски щенка. «Щенок, конечно, — не шестидневный котенок, но какой-то опыт у меня есть, — сказала она. — И вообще, я слышала, как это делают.

Нужен маленький пузырек и резинка от пипетки».

Мама разбавила молоко теплой водой и налила в чистый пузырек, где когда-то хранились капли от насморка. Гришка натянул на пузырек резинку от пипетки и проделал в этой кошачьей соске дырочку.

«Если удастся заставить его пить, мы его выкормим!»

Мама села на стул, положила котенка к себе на колени брюшком кверху, слегка разжала ему челюсти, капнула на розовый язычок молока и вложила в рот соску.

Почувствовав молоко, котенок сглотнул и этим своим движением выдавил из соски новую каплю. Что-то он, видимо, понял, потому что молоко в пузырьке стало убывать.

— Гляди, гляди, пьет! — с облегчением зашептал Костик. Пузырек опустел наполовину, котенок выпустил соску изо рта и заснул.

Все перевели дух.

— А чего так мало выпил-то? — посетовал Гришка. — Полпузырька всего.

— В этом вся беда. Он же маленький. И желудочек у него маленький. Есть ему надо понемногу, но часто. Так что придется нам друг друга подменять. Как запищит — сразу кормить.

Мама взяла маленькую корзинку, постелила туда мягких тряпочек, а сверху затянула большой тряпкой, чтобы Марсик без спросу не сунул туда любопытный нос.

Когда кот вернулся с прогулки, мама решила показать ему новое приобретение.

— Пульки больше нет, Марсик, — сказала мама. — Никто не знает, что с ней случилось. Зато посмотри, кто у нас теперь живет.

Марсик заглянул в корзинку, вздыбил шерсть и зашипел.

— Ну вот, я-то думала, ты обрадуешься! Это же Пулькин ребенок. Вырос, был бы для тебя приятель! — тут мама улыбнулась. — Ел бы с тобой из одной миски. Да ладно, не переживай. Мы этого котенка для Большого Лени должны выкормить. Чтобы у него от Пульки память осталась.

Мама снова закрыла корзинку и стала гладить Марсика. Марсик жмурился и тихонько урчал. В этот вечер всем хотелось его гладить, и все тайно думали нехорошую мысль: «Что, если б Марсик вчера увязался за Пулькой?»

Котенок был беленький и длинноволосый.

— Прямо хоть кудри ему завивай! Как ангорский, — удивлялась мама. — И где это Пулька ему такого папу подыскала? Неужели из местных?

Все время котенок проводил в корзинке, то есть спал. Просыпался он только для того, чтобы попить молока из своей смешной пузырьковой соски. Раз в день мама протирала ему шерсть влажной ваткой.

— Будь у тебя мама, она бы тебя вылизывала. И животик бы тебе языком массиовала. И попку мыла. Но ты у нас несчастный, сирота. Придется тебе ватку терпеть — пока сам мыться не научишься, — приговаривала мама.

Через две недели котенок заметно подрос и стал выбираться из корзинки. Он готов был считать маму Гришки и Костика своей и потому желал теперь спать рядом с ней, а не в корзинке.

— Нет, дорогой, так не годится, — вздыхала мама. — Место уже занято. У нас Марсик живет. А тебе надо быстренько учиться есть из блюдца и отправляться к настоящему хозяину. Ну-ка, давай попробуем.

Мама налила в блюдце теплого молочка и ткнула котенка мордочкой. Котенок попятился, присел и стал облизываться.

— Давай-ка еще!

Котенок снова облизался. А потом осторожно подвинулся к блюдечку, нагнул голову и — раз-раз-раз — стал высовывать язычок.

— Смотрите, смотрите! — позвала мама. — Малыш лакать научился. День-другой, и можно будет его отдавать.

Через два дня Костик отнес малыша Большому Лене. Тот посадил его за пазуху и ушел в дом.

— Мне немного грустно, — сказала мама.

Но тут прибежал Марсик и сказал: «Мяу!»

— Конечно, ты самый лучший, — стала гладить его мама. — Ты наш единственный. Ты наш любимый. И тебе здесь хорошо. Все здесь настоящее. Не то что в городской квартире. Но опасности здесь тоже настоящие. Ты понимаешь?

— Мяу! — опять сказал Марсик.

— Ничего ты не понимаешь! — вздохнула мама. — Только учти: гулять по ночам я тебе больше не разрешаю. Будешь ночевать дома! — И мама очень решительно закрыла форточку.

Женя-сан и жизнь собачья

Утро было по-летнему нежное. Костик вышел на балкон, обнаружил там Марсика, вернувшегося с крыши, и они вместе стали смотреть во двор: Марсик — на птичек, а Костик — на соседку, тетю Женю.

Тетя Женя занимала переднюю часть большого деревянного дома, который когда-то целиком принадлежал папиной бабушке, а вместе с ней — старой и мудрой кошке Нюське. Теперь вместо Нюськи на дачу приехал Марсик. А тетя Женя была здесь неизвестно вместо кого. Но у мамы с папой не хватило денег выкупить весь старый дом. Пришлось мириться с тетей Женей, которая жила в доме постоянно — и летом, и зимой. Еще в общем дворе жили тетиженины собаки. Этих собак все любили. И они отвечали собачьей дружбой, скрепленной миской каши и куском колбасы. Остатки каши и колбасу мама специально выделяла для поддержания человечье-собачьих отношений.

У всех тетижениных собак была общая судьба: они проживали недолгую и несытую жизнь. И каждую из них тетя Женя считала породистой.

— Ну как — похож на колли? — спрашивала она, призывая Гришку и Костика оценить полугодовалого пса, добытого «по большому знакомству».

— Очень похож! — клятвенно заверял Гришка. — Просто вылитый колли. Особенно если издали смотреть.

— То-то! — тетя Женя наполнялась гордостью. — Хорошо б еще, голос страшный был. Чтоб за забором слышать. А лапы, гляди, лапищи какие! Большим будет! — говорила она со смешанным чувством восхищения и досады.

— Так это ж хорошо, тетя Женя! Большие собаки, они внушительные. Сразу видно — порода! — льстил Костик без всякого стеснения, стараясь принести щенку пользу.

Большие жрут больно много. Ну да ладно. Я его к хлебушку приучу. И сильно кормить не буду. Чтоб не рос очень. А назову я его, — тут тетя Женя делала романтическую паузу, — назову его Тамерланом.

В области собачьего имянаречения тете Жене не было равных. Ее собаки звались исключительно именами великих правителей и победоносных полководцев: Ганнибал, Цезарь, Тамерлан. Был даже один пес по имени Македонский. Откуда тетя Женя черпала свои знания по древней истории, оставалось загадкой.

— Может, это у нее инстинкт? — время от времени Гришка делал попытки применить полученные знания к жизни. — Ну, врожденное. Она как только взглянет на собаку, у нее раз — и имя вылетает. Будто она его всегда знала.

— Не! Это не инстинкт. Это инсайт, — мама с папой как-то упомянули слово «инсайт» в разговоре. Костик довольно туманно понимал, что это значит, но не мог упустить возможность чем-нибудь козырнуть.

— Что-что? — Гришка был явно обескуражен, и Костик понял, что расчет оправдался.

— Ну, это вроде как озарение. Ходишь, ходишь, а потом Раз и проводки в голове замкнуло. Сразу что-то понимаешь. Или открытие делаешь. Вот Ньютон сидел под деревом, а его яблоком ударило. Тут у него в голове — буме! — и защелкнуло. Он сделал открытие. Что яблоки притягиваются к земле. И все остальное — тоже притягивается. Это с ним инсайт был.

А я еще знаю — insult, — Гришка пробовал удержаться на достойном уровне научной беседы. — Болезнь такая страшная. Тоже случается, когда ударяет.

Insult — это когда сильно ударяет, — выкрутился Костик. — И уже ничего поправить нельзя. А когда чуть-чуть — вроде как яблоком, — тогда инсайт.

* * *

В то утро тетя Женя вела войну с отвратительного вида гусеницами, осадившими капустные кочаны. Победив гусениц, она направилась в дом, увидела маму и решила доверить ей важную тайну.

— Как же он смог сюда забраться? — спрашивала мама, выслушав новость.

— Дык как? Через забор. С виду мелкой такой, неказистый. А, видно, страсть любовная ему силы придала, чтоб, значит, через забор перелезть, — мысль о страсти заставила тетю Женю просветлеть. Но потом она снова посуровела. — Безродный, правда. Неизвестно кто. И откуда взялся только? А ну, стой спокойно! — прикрикнула она на виновницу случившегося, суетливо скакавшую вокруг. — Отвечай: откуда он взялся?

Та на секунду присела, взглянула на тетю Женю добрыми карими глазами и снова принялась скакать и крутиться. Не дождавись надлежащего ответа, тетя Женя ушла по своим делам.

— Обожаю рыцарские романы, — сказала мама, вернувшись в дом. — Так и вижу: мелкий коротконогий кобель из соседнего переулка с цветком в зубах карабкается на двухметровый забор. И оттуда, — мама взглянула вверх, оценивая шансы влюбленного кобеля, — прыгает в объятия желанной красотки. С риском свернуть себе шею.

Не указать эту подробность мама не могла: она старалась смотреть фактам в лицо.

Новую собаку звали Дианой.

— Раньше-то ее Линдой звали. А я Дианой зову, — охотно сообщила тетя Женя.

— А почему Линдой звать не захотели?

— Чевой-то я ее Линдой звать буду? Линдой ее другие звали — там, где она раньше жила. И что это за имя такое — Линда? У ней порода все-таки! Так что — пусть Диана будет. Если смотреть издали, Диану можно было принять за овчарку.

— Диана — это у нас кто? Царица?

— Не, это богиня охоты. У древних греков. У нее еще другое имя есть — Артемида.

Мама считала, что у Гришки наклонности биологические, а у Костика — литературные, и поэтому старательно просвещала его в этом направлении.

— Между прочим, — сказала мама, — про эту богиню есть одна примечательная история. Диана была невероятно прекрасна. Гришка с Костиком тут же уставились на собаку, чтобы вдумчиво оценить совпадение мифа с реальностью.

— Но никому из смертных, — продолжала мама, — не доводилось видеть ее красоту. Кроме Актеона. Правда, он заплатил за это жизнью.

— Взглянул, что ли, и умер? — засомневался Гришка.

— Не совсем так. Он охотился в лесу и вышел к ручью, где в это время купалась Диана. Обнаружив, что на нее смотрят, Диана страшно разгневалась и превратила Актеона в оленя. Олень-Актеон помчался по лесу, и его загрызли собственные охотничьи собаки.

— Я понял! — с чувством сказал Гришка, и Костик заподозрил, что с ним случился инсайт. — Понял, зачем этот неказистый жизнью рисковал. Да он в оленя мечтал превратиться — вот что! Думал, буду лучше оленем, чем безродным кобелем. Для этого и сиганул через забор. Эх, жаль, наша Диана лоханулась. Не вышло у нее ничего.

— Ну, почему же ничего? У Дианы будут щенки, — сказала мама и вздохнула.

— А лучше бы получился олень, — в последнее время Гришка просто не мог удержаться от зловещих пророчеств.

Но мама опять не захотела признать в нем ясновидящего. И он, не став пророком в Покрове, уехал в Москву, где, судя по косвенным признакам, собирался повторить опасный эксперимент и опять завести себе девушку.

В результате Гришкиного отъезда Костик с мамой потеряли численный перевес над обитателями другой половины дома. Раньше тетя Женя жила одна. Но некоторое время назад к ней из Казахстана приехал сын, которого тоже звали Женя. Чтобы не путаться, Костик с мамой между собой называли его Женя-сын. Но через некоторое время его имя само собой изменилось. Получилось «Женя-сан».

Женя-сан, судя по его словам, разбирался во всем на свете. Он читал книгу «Как стать успешным» и рассчитывал со временем стать консультантом президента или спецагентом на покровских территориях, но пока не нашел возможности переговорить с Главным генералом

ФСБ. Другие перспективы Женя-сан не рассматривал и серьезно готовился к продвижению по карьерной лестнице.

Каждое утро Женя-сан выходил в огород и делал дыхательную гимнастику. Это была не простая гимнастика, а специальная. Она помогала научиться управлять внутренними органами. В обычной жизни наш желудок что-то сам по себе варит, сердце гоняет кровь по сосудам, печень фильтрует вредные вещества. А мы в это время заняты посторонними делами. Мы уверены, что внутренние органы прекрасно справляются со своей работой без нашего вмешательства. Это в корне неверно, узнал Женя-сан из книжки «Как управлять своим здоровьем». Именно от этого мы боеем. Если бы мы заставили внутренние органы слушаться наших команд, мы бы продлили себе жизнь. Сказали бы в нужный момент сердцу: «Бейся ровно!» — и избежали бы сердечных болезней. Сказали бы желудку: «Горшочек, вари!» — и не пугали бы окружающих отрыжкой. А если бы мы были разведчиками и враги взяли нас в плен, то, с помощью искусства управления внутренними органами, мы могли бы нейтрализовать наркотики и разные «сыворотки правды».

Каждый вечер Женя-сан тоже выходил в огород, но уже с другой целью. Он замирал между грядками и очень сосредоточенно смотрел на луну. Независимо от того, была луна видна или нет. Если луны не было, ее следовало представить, потому что на самом деле луна всегда есть. Так вот: надо было смотреть на луну и не думать. Это очень полезное упражнение. Об этом Женя-сан прочитал в книжке «Тайные тропы души».

Мама сомневалась, что умение не думать нужно специально тренировать. Обычно это удается людям довольно легко, само собой, считала она. Но Женя-сан в ответ только покровительственно усмехался.

Надо быть ближе к природе, говорил Женя-сан. Лучше вообще полностью с нею сливаться. Когда начинался летний дождик, Женя-сан демонстративно ходил по двору в одних штанах, без майки, чтобы все (то есть Костик с мамой) видели, как с ним сливается природа.

* * *

Мама относилась к Жене-сану с сочувствием. «Не от хорошей жизни он приехал в Покров, — говорила она. — И эти странности... Он, наверное, много пережил».

Но сам Женя-сан уверял: он уверен в собственных силах. Враги боятся одного его взгляда, не говоря уже о боксерском кулаке.

Упоминание о боксерском кулаке заинтересовало Костика. Он всегда подозревал некоторую связь между взглядом и кулаком. «Если научиться боксировать, — думал Костик, — взгляд сам собой зарядится уверенностью». И тогда Костик без лишних опасений сможет ходить по темным и светлым улицам, в любое время суток. Быть может, даже с девушкой, которая в обществе Костика будет чувствовать себя в полной безопасности.

И вот Костик набрался смелости, подошел к Жене-сану и попросил научить его боксировать.

Женя-сан посмотрел на Костика очень внимательно.

Хотя он и делал дыхательную гимнастику, учился не думать под луной и читал книжку «Как стать успешным в жизни», видимые изменения в его судьбе пока не наступили. Иными словами, Женя-сан немного скучал. Поэтому он посмотрел на Костика своим волшебным взглядом, способным рассмотреть плохо управляемые внутренности, и — согласился. Женя-сан сказал, что готов заниматься с Костиком боксом, если он ТАК этого хочет. Женя-сан будет

давать уроки бесплатно — как сосед соседу. Хотя в Казахстане его урок стоил очень дорого. Так дорого, что он не хочет называть цену. Поэтому — не надо об этом. А надо купить грушу.

Костик обрадовался и пошел рассказывать маме о том, что теперь в его жизнь войдет бокс. И еще о том, какая связь существует между боксерским кулаком и уверенным взглядом.

Мама тоже обрадовалась. Во-первых, считала она, Костик поможет Жене-сану развеяться. Во-вторых, мама всегда мечтала, чтобы у Костика и у Гришки было что-нибудь вроде этого. А именно — взгляд. Мама сказала, что, конечно же, купит грушу. И на следующий день они с Костиком поехали на автобусе в районный центр, в спортивный магазин, и, кроме груши, купили еще боксерские перчатки. А потом Костик установил во дворе столб, на который они с Женей-саном на специальной цепочке подвесили грушу. Женя-сан удовлетворенно стукнул грушу кулаком, и Костик приступил к занятиям.

Поначалу Женя-сан очень вдохновился новыми обязанностями. И неделю все шло как надо. Каждый день Костик под его руководством колотил по груше. А мама смотрела с балкона, как он тренируется. Иногда к ней присоединялся Марсик, если у него не было в этот момент других дел. Костик же представлял, что рядом с мамой (или вместо нее) на балконе стоит красивая девушка и видит, какой он сильный и смелый, и как не страшно будет ей ходить с ним по улицам. Это придавало сил.

Время от времени Женя-сан устраивал Костику «спарринги»: он тоже надевал перчатки, и Костик должен был на него нападать. Костик бил по Жениным перчаткам, не в силах прорваться через заслон. Внезапно Женя-сан выбрасывал руку и наносил Костику ощутимый удар по корпусу, а иногда — и по лицу. Два-три таких удара, и тренировка заканчивалась. Костику требовалось оправиться от боли и смазать синяки специальной мазью.

В результате Костик был абсолютно доволен своей летней жизнью. Он рассчитывал, что все так и будет продолжаться — до отъезда в Москву.

Но через некоторое время Женя-сан выразил недовольство: Костик тренируется недостаточно усердно. Вчера зачем-то ходил купаться. А день назад играл с приятелями в футбол. Человек не может расплыться на мелочи. Женя-сан подозревает, что его ученик не намерен посвятить свою жизнь боксу. Костик не нашелся, что возразить. Ведь он действительно не собирался посвящать жизнь боксу — просто хотел наработать удар, который сделает его взгляд уверенным. Костик попробовал объяснить это Жене, но пообещал, что будет тренироваться больше. Женя-сан в это время смотрел куда-то поверх Костиковой головы. Видимо, представлял себе луну.

Еще через два дня Женя-сан прервал тренировку, чтобы поговорить о главном. Главное — не груша и не спарринг. Это лишь средство и составная часть Великой Науки, которую на самом деле хочет преподавать Костику Женя-сан. И надо, чтобы Костик вместе с ним учился не думать и управлять органами.

— Видимо, мы неправильно оценили Женино предложение, — сказала мама. — Он не хочет учить тебя боксу. Он хочет быть твоим Учителем. Ты знаешь, что такое Учитель?

Костик пожал плечами:

— Ну, ты — учитель.

— Я не Учитель, а школьная учительница. Учитель не учит предметам. Он учит жизни.

И мама стала перечислять имена Великих Учителей: Иисус Христос, пророк Мухаммед, Будда. Были Учителя чуть скромнее, такие как Лев Толстой и Махатма Ганди. Женя-сан, на взгляд Костика, не очень встраивался в этот ряд.

— От тебя, по некоторым признакам, требуется стать кем-то вроде монастырского послушника.

Ученики великого учителя должны безропотно служить ему, даже убирать за ним. Монахи-послушники иногда по несколько лет не произносят ни одного слова. И только года через два-три после начала обучения им разрешается задать Учителю какой-нибудь вопрос. Если у них за годы молчания не пропадает эта неудобная привычка — спрашивать.

Все это Костика не очень понравилось. Во-первых, он любил задавать вопросы. Во-вторых, Костик, как и Гришка, продолжал мечтать о девушке, что просто недопустимо для монаха. Кроме того, ему совершенно не хотелось убирать за Женей-саном, потому что не нравилось убирать даже за собой. Иными словами, Костик был совершенно обескуражен.

— Если ты хочешь до конца лета заниматься боксом, попробуй принять Женины условия, — посоветовала мама. — Я имею в виду дыхательную гимнастику и бдения под луной. В конце концов, большого вреда от этого не будет. Если, конечно, он не выдумает что-нибудь еще. — Тут мама вздохнула, и Костик понял: ей тоже это не очень нравится.

Вечером Костик отправился вместе с Женей-саном не думать под луной. Луна была хорошо видна, походила на человеческое лицо, и лицо это было печально. Костик стоял, задрал голову. В голове навязчиво крутились фразы: «Есть обратная сторона луны» и «Собаки воют на луну». Мама и папа вряд ли сочли бы их мыслями. Но Костик не был до конца уверен, что не думает.

Лунное лицо стало еще печальнее, и Костик уже не мог смотреть на него без боли: у него затекла шея. Пришлось опустить голову и переступить с ноги на ногу. А Женя-сан, как назло, решил в этот вечер не думать дольше обычного. Наконец он перевел взгляд с ночного светила на Костика и позволил ему уйти домой. Костик почувствовал, что злится.

И на следующее утро проспал дыхательную гимнастику. Днем он бил по груше всего полчаса, а потом опять ушел на стадион играть в футбол.

Когда же наступил вечер, Костик твердо решил больше не бдеть под луной и имел наглость сказать об этом Жене. Женя-сан привычно посмотрел поверх Костиковой головы, словно потерял интерес к его внутренностям, сказал: «Дело твое!» и равнодушно пожал плечами. С этого момента он почти перестал заниматься с Костиком боксом и делал лишь одно-два замечания, когда Костик колотил по груше. А скоро Жене-сану вообще стало не до этого.

Он нашел себе другого ученика. Диана родила щенка.

* * *

Точнее, она родила щенков. Но мама с Костиком давно привыкли не уточнять детали сельской жизни и решили просто принять к сведению некий факт: вот Диана, а вот — ее щенок. Увидеть щенка удавалось только издали. С появлением Жени-сана общение «посторонних» с дворовыми собаками прекратилось. Женя-сан отгородил для Дианы на участке что-то вроде загона, запретил маме с Костиком кормить ее и гладить и начал учить собаку правильно себя вести. В отличие от тети Жени, Женя-сан собаку кормил. Поэтому мама, хоть и взгрустнула, но признала за ним права нового круглогодичного хозяина Дианы.

Однако собака, по словам Жени-сана, оказалась безнадежно испорчена. За два месяца упорных

тренировок ничего особенного с ней не произошло. Она по-прежнему с большим усердием лаяла на ворон, завидев маму или Костика, виляла хвостом и не могла выполнять команду «Сидеть!» дольше трех секунд. Поэтому Женя-сан возлагал свои надежды на щенка и с его помощью надеялся продемонстрировать свои возможности в искусстве дрессировки.

Мама с Костиком подозревали, что Женя-сан будет воспитывать щенка по какой-нибудь особой системе, которую он вычитал в книге «Тайные тропы собачьей души». Но действительность воспитательного процесса превзошла все ожидания.

Женя-сан хотел воспитать из щенка непревзойденного сторожевого пса, способного выдерживать природные невзгоды и на альпийских лугах, и в тропиках, и в тундре. Поэтому будку, которая раньше стояла на отгороженном участке и полагалась всем дворовым собакам, Женя-сан убрал. Маленький слепой щенок лежал прямо на земле. Он лежал там, когда светило солнце и когда шел дождик. Щенок должен был сливаться с природой так же, как это время от времени делал сам Женя-сан.

Животные из отряда собачьих, осторожно заметила мама, всегда прячут детенышей от посторонних глаз. Волки, например, устраивают специальные логова... «Если собака захочет его спрятать, пусть закрывает собственным телом», — коротко отрезал Женя-сан и взглянул на маму поверх головы: она, что же, еще не поняла, кто тут мастер дрессировки?

Однажды случилась гроза. Кругом так сверкало и грохотало, что даже Марсик предпочел уличным приключениям спокойный вечер под крышей. Дождь невозможно было назвать дождем. С неба обрушилась стена из воды, закрывавшая все видимое пространство. Природа в этот раз не желала сливаться ни с кем в отдельности, и Женя-сан прошелся по двору в майке только пару раз, а потом скрылся в доме. Мама с Костиком вышли на балкон посмотреть грозу. С балкона хорошо была видна отгороженная территория, где жили собака и щенок.

Диана явно не понимала воспитательной теории Жени-сана. Вместо того чтобы закрывать собой щенка, она бегала по клетке, мокрая и испуганная. Там, где собака обычно кормила щенка, образовалась ямка. Поэтому щенок лежал в середине большой лужи.

— Если он не захлебнется, будет чудо! — сказала мама и ушла с балкона. — Все! Не могу на это смотреть! Будто мне смотреть не на что! У нас есть Марсик. Вот и будем на него смотреть. Правда, Марсик?

Марсик тут же согласился и разрешил себя погладить.

Радуйся, что мы не специалисты по дрессировке кошек и совсем тебя не воспитываем, — говорил Костик. — А то закалялся бы сейчас, сидя в луже!

Дело, по-видимому, действительно могло кончиться плохо. Потому что утром Женя-сан вышел во двор и стал засыпать ямку в собачьей клетке, чтобы вода не скапливалась там во время дождя.

Костик и мама изо всех сил старались не интересоваться судьбой собак: в собачьей жизни нельзя было ничего изменить. Костик и мама только отметили: вот щенок уже научился ходить и, когда его выпускают во двор, с удовольствием следует не только за Дианой, но и за тетей Женей, и за Женей-саном.

Марсик тоже как-то заметил щенка во дворе. Но щенок ему совершенно не понравился. Кот страшно распушился и приготовился напасть на «чужака», когда тот оказался слишком близко

от его, Марсикова крыльца. Костик успел схватить Марсика, изготовившегося к прыжку, и отнес в огород: «Этот щенок еще маленький! Он тебя не тронет. Так что и ты его не трогай». Марсик, конечно, ничего не понял, но заметил в траве кузнечика и посчитал его полноценной заменой щенку. К тому же с кузнечиками воевать не так страшно, как со щенками.

Неожиданно выяснилось, что, воспитывая щенка, Женя-сан старается не для себя, а для Большого Лени. Мама выкормила для Лени котенка, а он подарит ему правильно воспитанного щенка. Как сосед соседу. Потому что лично ему такой щенок не нужен. Женя-сан привык иметь дело с настоящими породистыми собаками, а не с теми, чья порода видна только издали. Но для Большого Лени породистость собаки большого значения не имеет. Для него главное — сторожевые качества пса. А это Женя-сан обеспечит. Чтобы Женины усилия по закаливанию щенка в луже не пропали даром, его нужно передать настоящему хозяину в возрасте месяца. Только в этом случае щенок со временем превратится в преданного и надежного сторожа дома, где ему предстоит жить.

И Женя-сан стал стучать Большому Лени в окно и говорить: «Забери щенка! Забери щенка!»

По правде говоря, Большому Лени щенок был не очень нужен. То есть вообще не нужен. У Большого Лени уже были автомобиль и Пулькин котенок. К тому же у него раньше никогда не было собак. Хотя во дворе Лениного дома и стояла собачья будка, она досталась ему вместе с домом от старых хозяев. Однако Большой Леня решил проявить уважение к Жене-сану, почесал в затылке и прислал свою маму Веру за щенком. Вера принесла щенка в свой двор, привязала к будке и ушла.

Щенок был очень маленьким, будка — очень большой, а веревка — очень толстой.

Всеми покинутый, щенок заголосил. Заголосил по-щенячьи, тоненько и жалобно: «Не бросайте меня! Ох, не бросайте!»

И отвяжите, отвяжите!» Вера вышла из дома и принесла ему воды. «Ты что же это орешь, как маленький? — возмутилась она. — Ты теперь здесь жить будешь. Один, без мамки. Сторожить дом будешь. И нечего орать!» Пока Вера говорила, щенок вилял крошечным хвостиком и только изредка поскуливал — от радости, что он не один. Но Вера, сделав щенку внушение, опять ушла в дом. И щенок снова заголосил. Вера вышла и отвязала его от будки. Пока она была во дворе, щенок бегал за ней на дрожащих лапках почти неотступно и молчал. Но скоро это счастье кончилось, его опять привязали, и он снова стал жаловаться на жизнь.

— Он еще маленький. Ему нужно чье-то присутствие: собачье или человеческое — все равно. Неужели непонятно? — сердилась мама.

Настоящий ужас начался ночью.

Оставшийся в чужом темном дворе, щенок уже не просто жаловался. Он отчаянно вопил срывающимся голосом: «Ау-ау-иии! Ау-ау-иии!» — «Боюсь! Боюсь! Боюсь! Хочу к маме! Хочу к маме!» — «Ау-ау-иии!»

Эти звуки разрывали воздух в клочки и прогоняли всякое подобие сна.

— Мам, ты не спишь?

— А ты?

— И я не сплю. Они что — с ума все сошли?

— У них просто нет никакого ума. Идиоты! — Костик давно не слышал, как мама ругается. — Не думать они учатся!

С другой стороны дома залаяла Диана. Ее лай был необычным — высоким и пронзительным, переходящим в визг. Она металась по клетке, ища выход. И скоро стали слышны надрывные звуки лая не со двора, а из огорода — совсем с другого конца усадьбы.

— Ты слышишь? Диана вырвалась!

Костик вспомнил про силу собачьей страсти, способной преодолевать двухметровые заборы. Вспомнил Гришкино пророчество: «Лучше бы получился олень!» — и понял: ничего хорошего не будет.

Все звуки, кроме плача щенка, отступили. Было слышно, как по двору ходит Женя-сан. Видимо, он поймал собаку и тащил обратно к клетке. Два месяца тренировки все-таки не прошли даром, и Диана покорно следовала за воспитателем, стараясь некоторое время не отзываться на призывы своего несчастного ребенка. Но Женя-сан ушел в дом, и Диана опять принялась выть и метаться по клетке. И опять умудрилась найти слабое место в сетчатой ограде, прорвать ее и сбежать в огород.

Женя-сан больше не вышел. Костик с мамой, забыв о новых правилах, сами отправились искать собаку: вдруг удастся как-то ее успокоить? Но собаки не было — ни во дворе, ни в огороде. Она куда-то убежала. Зато вокруг крыльца валялись разорванные пакеты с мусором, и стоял ужасный запах. Диана, конечно, сильно страдала. Но, оказавшись вне клетки, не смогла изменить привычкам помоечной побирушки. Даже древнегреческое имя ей не помогло.

— Когда я очень нервничаю и хочу успокоиться, я тоже покупаю себе шоколадку, — сказала мама, защищая собаку от обвинений. — А она вместо шоколадки грызла куриные кости. Очень понятно в ее положении.

К середине ночи щенок совершенно охрип. Он уже не мог визжать, а просто хрипел. В шесть утра мама схватила большой лист бумаги и написала на нем крупными красными буквами: «Мы не можем так жить!» Она высунулась в окно, выходящее во двор Большого Лени, и кнопками прикрепила к стене свой протестный плакат.

Когда во дворе появилась Вера, мама снова высунулась в окно и громко сказала:

— Вера! Мы не спали всю ночь. Мы не можем этого выносить. Я думаю, ни один нормальный человек не может этого выносить. Пожалуйста, придумайте что-нибудь.

Большой Леня тоже вышел во двор, прочитал мамин плакат, выслушал Веру и что-то коротко ей сказал. Вера взяла щенка под мышку и пошла стучаться к Жене-сану.

Диану Женя-сан отловил только к полудню. Она бегала по улице далеко от своего дома.

— Совсем с ума сошла, — прокомментировала мама.

Собаку и щенка водворили назад в клетку, и на некоторое время все успокоилось.

Но тетя Женя, встретив во дворе Костика, ехидно заметила:

— Некоторые суют свой нос в чужие дела. Лучше бы за своими животными следили! А то выпускают их гадить у нас на огороде!

Это была гнусная неправда. Марсик, как уже говорилось, и на даче пользовался своим импортным корытом. Если он порой и наведывался в тетиженину часть огорода, то только для того, чтобы безвредно полюбопытствовать.

— Их надо опасаться, — сказала мама, выслушав сообщение Костика. — Они заставляют щенят сидеть в лужах и в грудном возрасте отдают сторожить дом. Марсик, не мог бы ты к ним больше не ходить?

Марсик смотрел на маму круглыми глазами, и было ясно: он будет туда ходить.

— Что же делать? Как ему объяснить, что в огороде проходит граница?

Однажды папа сказал: «Для Марсика не существует ни столов, ни стульев, ни шкафов, ни диванов. Это все наши, человеческие понятия. А для него есть только места повыше и пониже. Те, что удобны для сна, и те, что не удобны». Это всех поразило. Как и то, что кошки видят мир черно-белым. То есть совсем не так, как люди. В общем, объяснить Марсику про границу между двумя огородами не было никакой возможности.

— Вдруг Женя-сан прочитал какую-нибудь книжку про дрессировку котов? — продолжала волноваться мама.

Обычно ей нравились читающие люди. Но в случае Жени-сана чтение имело непредсказуемые последствия.

— Разве есть такие книжки?

— Кто знает? И вообще — все это неважно. Важно, чтобы с Марсиком не случилось ничего плохого.

Костик был полностью согласен с мамой.

Доктор Айболит и Марсик

Костик и мама решили следить за Марсиком в оба. И следили так за ним два дня. То есть бегали по саду и кричали: «Марсик, Марсик, Марсик!» Мама кричала ласково и протяжно: «Ма-а-арси-и-ик! Коти-ик! Ты где?» А Костик кричал быстро и отрывисто: «Марсик-марсик-марсик!» Время от времени Марсик появлялся на зов, разрешал себя погладить и снова удалялся в неизвестном направлении. Ему с тревогой смотрели вслед, а через некоторое время опять начинали бегать и кричать. «Ну, ничего! — успокаивала мама себя и окружающие кусты. — Скоро приедет папа и будет нам помогать!»

Костик, однако, не был уверен, что это исправит ситуацию. Махнув на прощанье хвостом, Марсик пролезал под забором и исчезал из поля зрения. Конечно, в старом заборе имелись щели и дырочки. Через них можно было заглянуть на соседний участок. Но это уж точно не называлось «смотреть в оба».

Иными словами, слежка за Марсиком не дала особых результатов. И на третий день мама попыталась успокоить себя Гришкиными словами: «Ладно. Пусть поживет полноценной кошачьей жизнью. До отъезда осталось чуть больше недельки».

Мама с Костиком решили сосредоточиться на ожидании папы: конец лета они должны были провести вместе. «Давай как следует уберемся в доме, закупим продукты и подготовимся к празднику. В честь приезда папы и конца сезона», — сказала мама. Эти дела запланировали на завтра. А вечером Костик решил сходить в гости к своему приятелю Армену, жившему в конце улицы, в доме при магазинчике. Ему купили компьютер, и Армен хотел похвастаться новым приобретением.

Костик вышел во двор. Неизвестно откуда появился Марсик, приветливо мяукнул, плюхнулся на бок, перевернулся на спину и, поглядывая на Костика, стал валяться в песке.

Как поросенок на картинке в книжке. «Эй, Марсик! Гуляй во дворе, не уходи далеко!» — сказал Костик и ушел, оставив кота принимать грязевые ванны.

Костик задержался в гостях дольше, чем рассчитывал. У встретившей его мамы лицо было напряженное и озабоченное.

Мама обнаружила на диване странные бурые пятна. Будто кто-то неаккуратно ел что-то сочное и все кругом закапал. Сначала мама возмущилась. Но Гришка — главный подозреваемый в производстве грязи — уже месяц как жил в Москве, так как снова завел себе девушку. К тому же пятна обнаружились и на полу. Они тянулись дорожкой от окна, через которое Марсик ходил гулять.

«Это же кровь!»

Марсика мама нашла в комнате Костика. Кот, как обычно, лежал на подоконнике. Но от его пушистой улыбки не осталось и следа. Шерсть как-то странно обвисла, усы поникли.

— Сын, Марсик ранен. Даже непонятно, как он смог вернуться домой с такой раной.

— Марсик! Что с тобой?

Кот тяжело поднял голову и посмотрел на Костика больным, мутным взглядом.

— Нужно остановить кровь, — сказала мама. — Я не могла это сделать без помощи. Давай перенесем его на стол.

Костик поднял Марсика на руки, и под ним обнаружилась коричневатая лужица.

— Рана где-то в левом боку.

Кровь текла из глубины шерстяной шубы Марсика. За время летних Марсиковых прогулок она стала гладкой и блестящей. Однако отыскать в ней рану было нелегко. Костик держал Марсика, поглаживая и успокаивая, а мама осторожно перебирала шерсть, стараясь найти источник беды. Наконец ближе к ноге обнаружилась глубокая маленькая дырка. Тоненькой безостановочной струйкой из нее текла кровь.

— Как ты думаешь, на что это похоже? — спросила мама. — Такая круглая дырка?

— Может, его подстрелили? Из самострела? Или из дробовика?

— Ты хочешь сказать, у него внутри может быть пуля?

Костик не очень хотел что-либо говорить и просто кивнул.

— Сейчас уже поздно, — сказала мама. — Единственное, что можно сделать, — остановить кровь и ждать утра.

В маминой аптечке был такой «волшебный» порошок — что-то вроде сыпучего бинта, который обеззараживает ранку, не жжется и останавливает кровь. Раздвинув шерсть над ранкой, мама насыпала туда порошок. Кровь, встретив препятствие, стала пузыриться. Вокруг ранки образовалось вздутие. Мама еще раз насыпала больное место порошком, и кровавая струйка иссякла.

— Теперь попробуем дожить до утра.

Дожить до утра, в первую очередь, требовалось от Марсика. От мамы с Костиком требовалось до утра дотерпеть и, может быть, немного поспать. Это не очень получалось: они то и дело вставали и смотрели, дышит ли Марсик. Марсик дышал. Но нос у него был сухой и горячий. Ни есть, ни пить кот не хотел.

— А теперь беги в ветлечебницу, — сказала мама, как только стрелка часов приблизилась к восьми. — Узнай, смогут ли они чем-нибудь помочь.

«Вон я как быстро бегу, — думал на ходу Костик. — Сейчас добегу и все им расскажу. И они что-нибудь сделают. Обязательно что-нибудь сделают».

— Раненый кот? Ничем не можем помочь! У нас сегодня вакцинация скота. Видите, очередь какая?

Во дворе, ожидая вакцинации, или, попросту говоря, прививки, толпились чьи-то козы.

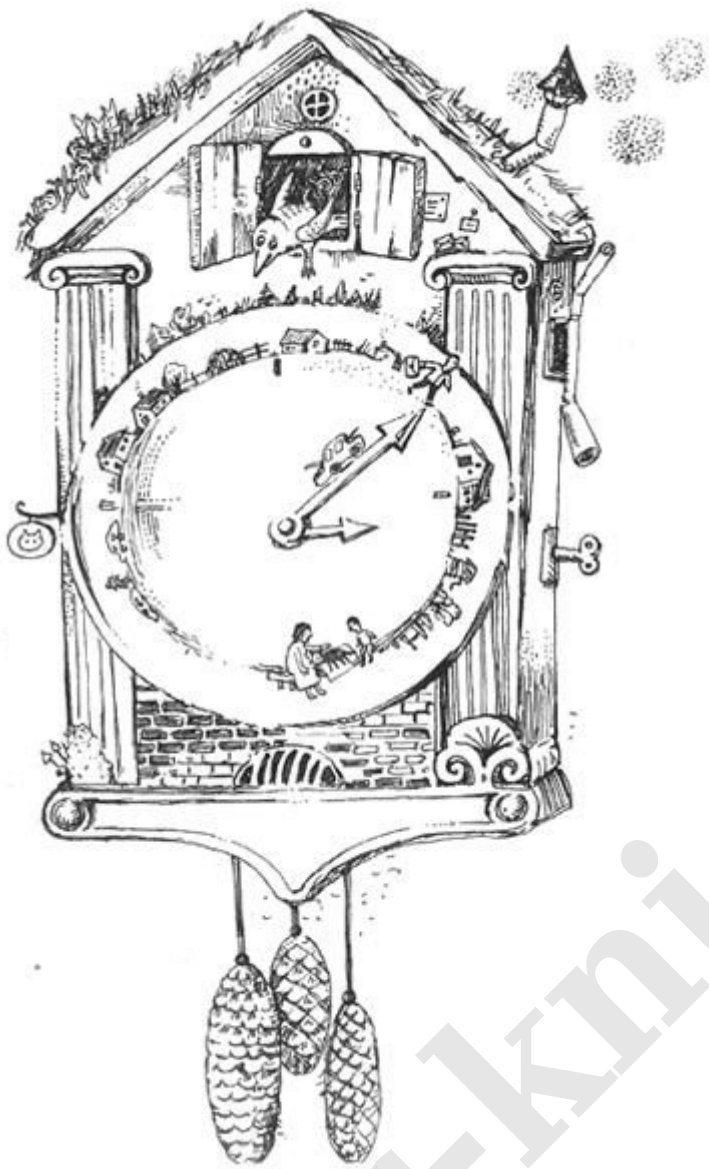
— А через час еще коровы пойдут. Так что вы, молодой человек, совершенно не вовремя. Остановили кровотечение? Вот и ладно. А теперь положитесь на судьбу.

Но Костик не хотел доверять Марсика какой-то неизвестной судьбе. И мама тоже не хотела.

— Думай, — сказала мама. — Где еще можно найти врача? В прошлом году Костик болел воспалением легких. И так сильно, что его пришлось положить в покровскую больницу. Молоденькая светловолосая медсестра Света делала Костику уколы и ставила капельницу. Такая симпатичная и приветливая. Из-за нее болезнь не казалась очень уж отвратительной. Костик даже иногда думал: вот бы Света была моей девушкой! Только для этого он должен стать немного постарше, а она — немного пониже. На память о пребывании в больнице Света оставила Костику свой телефон.

— Привет! Нужен врач, — сказал Костик. — Не, не для меня. Для кота. Ты что-нибудь понимаешь в котах?

Света очень хорошо делала уколы (совсем не больно!) и очень ловко вводила иголку в вену. Но не разбиралась в болезнях котов. Про лечение животных ей рассказывали только на первом курсе медицинского колледжа, для общего развития, и это никак не могло повлиять на состояние Марсика. Но у Светы был старший друг, Петр Петрович. И этот Петр Петрович как раз все понимал в котах: он был самым настоящим ветеринаром. Только не работал ни в какой лечебнице. Когда Петр Петрович приехал в Покров, все места в местных лечебницах были уже заняты. Поэтому Петр Петрович просто ходил по домам и лечил животных. По преимуществу кошек и собак. Иногда хомячков. Это было как раз то, что нужно. Главное, чтобы Петр Петрович согласился помочь Марсику и пришел как можно скорее.

Костик поглубже вздохнул, попросил кого-нибудь на небе проследить за успехом предприятия и набрал подсказанный Светой номер.

Петр Петрович почти сразу взял трубку. В двух словах Костик рассказал, как болел воспалением легких, и как Света делала ему уколы. А теперь он, Костик, совсем здоров. Теперь болен его кот. Света посоветовала обратиться к Петру Петровичу. Сказала, что Петр Петрович — очень хороший врач и всегда приходит животным на помощь. Не мог бы он и к Марсику прийти?

— Хорошо, — согласился Петр Петрович. — Вот починю машину и приеду.

— А когда это будет?

— Ну, часа через два. Сможет ваш кот подождать?

Костик сказал, что, наверное, сможет. Потому что он не умеет следить за временем. Просто лежит себе с горячим носом, не ест и не пьет. А в ногу у него застряла пуля.

— Ладно. Буду торопиться, — пообещал Петр Петрович. Мама с Костиком поставили перед собой будильник и стали на него смотреть. Ждать Петра Петровича.

Два часа прошло, а врача все не было. Костик опять позвонил. Выяснилось, Петр Петрович еще не починил машину. Но скоро починит и тогда сразу приедет. Минут через тридцать. Мама и Костик опять стали ждать.

Полчаса тоже прошло. Петр Петрович все не ехал. Наконец он позвонил сам и сказал, что машина так и не починилась. Поэтому он пойдет пешком. Это займет минут сорок: надо идти с другого конца города, от самого леса.

Мама убрала со стола будильник, и Петра Петровича стали ждать, не глядя на часы.

— Помнишь, как ты был маленьким и болел, а я читала тебе сказку про доктора Айболита? — спросила мама. —

Ах, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними,
С больными,
С моими зверями лесными?

Костик тут же вспомнил: вот он сидит с компрессом в кровати и рассматривает картинку в большой книжке. На картинке маленький-маленький Айболит в белом халате и в белой шапочке с красным крестиком карабкается по огромной черной скале. Даже непонятно, как ему удалось добраться до середины. И Костик понимает: Айболиту никак не одолеть эту преграду. Если кто-нибудь не придет на помощь, он так и останется здесь висеть, одной рукой ухватившись за камни, а другой — удерживая черный чемоданчик с красным крестиком на крышке. В чемоданчике хранились бинты, градусники и шоколадки. Доктор Айболит всегда лечил животных градусниками и шоколадками.

И вот Костик с мамой устроились на балконе, чтобы сразу увидеть Петра Петровича, когда тот придет, и читали стихи про доктора Айболита. Кто что вспомнит. Так было легче не думать о времени. Когда на помощь Айболиту прилетели орлы, чтобы перенести его через горы, в ворота постучали и чей-то голос громко прокричал: «Врача звали?»

Костик слетел с лестницы и бросился открывать калитку. На Петре Петровиче не было халата и шапочки с крестиком. Зато в руках у него был чемоданчик. Точно такой же, как у настоящего доктора Айболита.

Петр Петрович зашел в дом, огляделся, удовлетворенно крикнул, будто увидел именно то, что ожидал, и пошел за мамой туда, где лежал Марсик.

— Красивый кот. Надо лечить!

Никто не предполагал, что Марсик достоин лечения из-за своей красоты. Однако замечание Петра Петровича почему-то вселяло надежду: все еще может быть хорошо.

— Так значит, подстрелили? — уточнил врач. — Это кто же тут так забавляется?

— Мы не знаем. Не знаем даже, действительно ли его подстрелили. Просто ранка маленькая и глубокая.

— А ну-ка, покажите!

Взглянув на рану, Петр Петрович снова крикнул, и Костик понял: шоколадками и

градусниками дело не обойдется.

— Операцию делать надо. Сейчас введем наркоз и приступим. Постелите-ка на стол чистую пеленочку.

Пока мама готовила место для операции, Петр Петрович достал из чемоданчика шприц и сделал Марсику укол. Марсик дернулся и попытался подняться, чтобы уйти от этого злого доктора Айболита куда-нибудь подальше. Но лапы его не слушались. А потом он вдруг безвольно обмяк.

— Это от лекарства. Наркоз подействовал, — объяснил Петр Петрович. — Не надо вам на это смотреть. Подождите пока в другой комнате. Я теперь сам справлюсь.

Костик с мамой вышли и опять стали ждать — боясь пошелохнуться, чтобы нечаянно что-нибудь не испортить.

Петр Петрович возился с Марсиком целый час и наконец позвал:

— Хочу вам кое-что показать!

Обездвиженный Марсик лежал на столе. Часть бока у него была выбрита, и на выбритой части был виден огромный шов с маленькой дырочкой.

— Пули я в вашем коте не обнаружил. Но пришлось его изнутри хорошенько почистить. В ране было много сгустков крови. Пришлось их удалять — чтобы воспаления не было. И рана не маленькая, как на первый взгляд казалось. Рана огромная, глубокая. Но не от прострела. На прокол похоже. На очень глубокий прокол. Будто кто-то его пырнул. А может, кот сам на что-нибудь напоролся. К счастью, кость не задета. И внутренние органы целы. Так что вашему коту повезло.

— Вы думаете, он поправится?

— Должен поправиться. Вы все правильно сделали.

— Правильно кровь остановили?

— Правильно кровь остановили. Правильно меня позвали. Я еще к вашему коту похожу. Уколы ему надо делать. Чтоб осложнение не началось.

Операция стоила дорого. Но за уколы, сказал Петр Петрович, он много не возьмет. Он не жадный. Просто ему нужно накопить денег на свою лечебницу. На хорошую. Будет лечить там кошек, собак и хомячков. Петр Петрович даже попугайчиков лечить умеет.

— Так-то. А кот красивый. Лечить надо, — добавил он на прощанье.

Мама постелила на полу толстое одеяло, и Костик переложил на него Марсика — чтобы тот не упал, когда отойдет от наркоза.

Марсик приходил в себя медленно и был слаб. Лапы его не слушались. А вдруг он захочет куда-нибудь спрятаться или запрыгнуть, но не сможет? Через некоторое время Марсик и правда, шатаясь, направился к дивану. Хотел прыгнуть, но не сумел подтянуть задние лапы. Пришлось его подсадить. Он свернулся клубком и лег.

— Теперь самое главное — его напоить и накормить, — сказала мама. — Иначе откуда у него

возьмутся силы выздоравливать? Котик, хочешь попить?

Мама поставила перед Марсиком блюдечко с водой.

Он отвернулся.

— Начинаются капризы, — вздохнула мама. — Давай-ка вот так попробуем.

Мама окунула палец в воду и поднесла Марсику к носу. Кот понюхал палец, высунул язычок и лизнул.

— Умница, давай, давай, — обрадовалась мама и стала снова и снова макать палец в блюдце, стараясь удержать на нем капли. — Может, и молочко так попьем? Пока ты болен, можно тебя грудничковой пищей побаловать.

Молоком с пальца Марсика кормил Костик. Для разнообразия.

— Ну, хоть что-то, — удовлетворенно отметила мама. — Быть может, сумеем скормить ему этим способом и более существенную пищу? Надо попробовать. Ты пока за ним последи — чтобы он с кровати не упал. А я в магазин сбегая. Посмотрю, что там есть.

Мама купила в магазине консервы для котят. Небольшой пакетик с маленькими мягкими кусочками. Она положила кусочек на палец и поднесла Марсику.

— Котик, смотри, как вкусно! Попробуй!

Марсик понюхал палец и лизнул угощение. Кусочек исчез.

— Смотри, сын, ест! — обрадовалась мама.

Костик тоже обрадовался. После этого мама стала скармливать Марсику кусочки кошачьих консервов и приговаривать: «Этот — за маму. Этот — за папу. Этот — за Гришку. Этот — за Пульку».

За Костика Марсик съел последний кусочек, отвернул морду и показал маме, что прием пищи окончен.

— Третью порцию для двухмесячного котенка. Ну, ничего. Все-таки можно затопить печку.

Это бабушка Аня так говорила: поесть — значит, затопить печку. Теперь печка внутри у Марсика теплилась.

* * *

Вечером приехал папа. На два дня раньше, чем обещал. Следом примчался Гришка. Костик и мама показывали им зашитою Марсика и рассказывали, сколько кусочков грудничковой пищи он сегодня съел.

Папа и Гришка обратились к коту с приветственными речами. Папа сказал:

— Марсик! Ты что же это, а?

А Гришка сказал:

— Марсоид! Ты что — совсем с ума сошел?

И Марсик, согретый всеобщим вниманием, благосклонно сощурился.

На второй день после операции мама кормила кота с чайной ложечки: подносила ее близко к Марсикову носу, и Марсик ложку облизывал.

— Видите, все как у людей, — радовалась мама. — Кто же после операции сам ест? Все хотят, чтобы их с ложечки кормили. А Марсик чем хуже? Марсик вообще молодец. Вчера с пальца ел, а сегодня уже с ложечки.

Марсик еще не мог ходить и перемещался только по кровати, подволакивая ногу. Но его взгляд прояснился, а в круглых глазах появился знакомый огонек.

— Смотри, Марсик!

Костик достал кусочек лески. Ловить леску Марсик обожал почти так же, как охотиться за бабочками. И вот при виде лески он знакомым движением выбросил переднюю лапу, выпустил когти и попытался схватить добычу.

— Играет! Играет!

Все собрались посмотреть, как Марсик шевелит ушами и охотится «в положении лежа».

— Ладно, я пошла накрывать на стол, — сказала довольная мама.

Она носила тарелки и напевала:

Тита-дрита, тита-дрита,
Шито-брито, шито-брито!

— Маман, ты что — с ума сошла? — Гришка не очень заботился о разнообразии своих вопросов. — Что это за песня такая?

— Почему я сошла с ума? Просто мне хорошо. Понимаешь? Хо-ро-шо. Весело, — твердо сказала мама. — А ты лучше помоги на стол накрывать.

Гришка тоже стал носить тарелки, селедку и хлеб. Некоторые кусочки на тарелках он посчитал лишними, и они незаметно исчезали, не успевая попасть на стол. Поэтому скоро и Гришке стало хорошо. Он тоже запел:

— Марсик резиновый
Трам-та-та-та-та
С дырочкой в правом боку.

— В левом боку, — поправила мама, и Гришка исправился:

— Марсик резиновый
Трим-пи-пи-пи-пи
С дырочкой в левом боку.

— И Марсик — не резиновый, — снова прервала мама Гришкино пение.

Тогда Гришка предложил новый вариант:

— Марсик усатенький
Трум-пу-пу-пу-ру-ру
С дырочкой в левом боку.

Мама вдруг неожиданно поддержала эти вариации:

— Марсик мохнатенький
Трай-ла-ла-ла-ла
С дырочкой в левом боку.

И все вместе наперебой стали кричать:

— Марсик лохматенький...
Марсик несчастенький...
Марсик пушистенький...
Марсик любименький...

Петр Петрович приходил каждый день — делать Марсику уколы. Бегемотики и обезьянки из детской книжки обожали Айболита и готовы были завалить его кокосами и бананами.

Марсик в отличие от них не испытывал к Петру Петровичу ни малейшей благодарности и совершенно не радовался его появлению. Совсем наоборот. А все потому, что сказочный Айболит умел говорить на зверином языке, а все остальные, включая Петра Петровича, — не умели. Никто не мог объяснить Марсику, зачем какой-то человек изо дня в день приходит делать ему больно. Марсик уже издали различал шаги доктора, пугался и пытался найти себе убежище. Но его окружали плотным кольцом и отрезали пути к отступлению. Все чувствовали себя в этот момент предателями. А Петр Петрович, тот только кричал: «Звериный врач — он на любовь не рассчитывает. Такая уж у него судьба!»

Наконец наступил день, когда Петр Петрович пришел последний раз, снял Марсику швы и попрощался, пожелав коту полного выздоровления, а его хозяевам — удачи в делах. Пора было ехать в Москву. За день до отъезда Марсику удалось самостоятельно спуститься по лестнице со второго этажа. Он хромяя приковылял к двери, уселся перед ней и стал проситься на улицу.

— Ну, уж нет! — строго сказала мама. — Куда ты, такой дырявый, собрался? Хочешь птичек насмешить? Твоя рана еще не до конца зажила. В нее может попасть грязь. Так что — сиди дома. А завтра в Москву поедем. В каменный мешок.

* * *

Мама, папа, Гришка и Костик вернулись в город. Выбритый бок Марсика стал постепенно зарастать. Сначала появился густой серый подшерсток. А потом — и обычная длинная шерсть. Только была она уже не бурого цвета, как весь Марсик, а седого. И второй бок у кота тоже поседел.

— Видишь, — говорил папа маме, — Марсик седеет. Мудреет, значит.

По зиме белое жабо Марсика стало быстро-быстро расти во все стороны, и к китайскому Новому году это было уже не жабо, а настоящая белая борода. С седыми боками и длинной белой бородой Марсик стал похож на кошачьего Деда Мороза. Марсик-Дед Мороз уже не воровал со стола салфеток и не выпалывал цветы на подоконнике. Но за птичками наблюдал

все так же охотно.

Иногда он подходил к кому-нибудь и говорил: «Мяу!», что означало: «Давай поиграем!» Приходилось бегать за Марсиком и дергать за веревочку. Ведь настоящую кошачью жизнь, полную опасностей и приключений, Марсик мог вести только на даче. А до следующего лета было еще далеко.

